

ВИКТОР СТРЕЛЕЦ

ОТСЕБЯТИНА

Издательские решения
По лицензии Ridero
2022

ББК 84(2Рос - 4Сам - 2Тол) 6 - 5
C84

C84 **СТРЕЛЕЦ, Виктор**
ОТСЕБЯТИНА: Реплики читателя / Виктор
Стрелец. – Издательские решения, 2022. – 128 с.

ISBN 978-5-0056-5587-5

«Отсебятина» – шестая книга
члена Союза российских писателей,
поэта Виктора Стрельца.

Книга издана при финансовой поддержке
Министерства культуры
и технической
Союза российских писателей

(16+) В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-0056-5587-5

© В. Стрелец, 2022

1

Ну, читатель, не церемонюсь я с тобой, – можешь
и ты не церемониться со мной.

– К черту...

– К черту!

«Уединенное»

...В. В. Розанов примечает свои философические наития указанием места, где они его застигали: «за набивкой табаку», «смотря на небо в саду», «за истреблением комаров», «вагон», «за нумизматикой», даже – «в дверях, возвращаясь домой», и т. д. Подчеркивая таким образом спонтанный характер мысли («Что-то течет в душе. Вечно. Постоянно. Что? Почему? Кто знает?»), ее *неуправляемость*. Кстати, провоцируя хулиганское продолжение списка: «на унитазе», «почексываясь» (продолжайте, читатель, не церемоньтесь в меру своей неуправляемости!)...

2

...Стихотворение Маяковского «Гейнеобразное» обнаруживает у автора определенное количество знаний по физике в объеме средней школы (раздел «электричество»):

...если молния меня не убила,
то гром мне
ей-богу не страшен...

Прогрессивнее, чем Зевс мечет перуны...

3

...Купринская «Яма» – веять весьма «народническая». Совестливая и сочувствующая *язвам*. В ней, в «Яме», труженицы древнейшей профессии – этакие маленькие *социальные* купринчики.

4

...В пушкинском «Пире во время чумы» Председатель отвечает на просьбу спеть «нам песню – вольную, живую...»:

Такой не знаю, но спою вам гимн
Я в честь чумы – я написал его
Прошедшей ночью, как расстались мы.
Мне странная нашла охота к рифмам
Впервые в жизни... (В. С.)

Когда могущая Зима
Как бодрый вождь, ведет сама... И т. д.

Впервые в жизни *так* не напишешь...

5

...Очень ясные и понятные строки Хлебникова:

Мне не много надо: крошку хлеба
да каплю молока.
И это небо
и эти облака... –

становятся *пронзительно* понятны, ибо написаны в девятнадцатом году
голодным поэтом...

6

...Часто исполнители тургеневского «Утра туманного...» очень вольно, вместо «Первые встречи, последние встречи...», поют «Первая встреча, последняя встреча...». Во-первых, неуважение к классику, во-вторых – нечуткость к рифме. Когда Тургенев написал романс, *новой* рифмы еще не было, т. е. неточной. Более того, дело в *смысле*. Во множественном числе «речей» и «встреч» – контекст будущих романов писателя...

7

...Как из симметричных стереоколонок:

В минуту жизни трудную,
Теснится ль в сердце грусть,
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть...

Так, в жизни есть мгновения –
Их трудно передать,
Они самозабвения
Земного благодать... –

раздаются, перекликаются, сплетаются два эха: лермонтовское и тютчевское...

8

...Интересно, Саша Черный вытанцевался не от печки ли Андрея Белого?

9

...Революция – это еще и глас вопиющего В. В. Розанова из Сергиевого Посада...

10

...Что на самом деле пил народ за Победу в «Балладе о красках» Р. Рождественского: – Пьют зеленое вино, как повелось? По Даю это – хлебное вино. То есть попросту водка. По Похлебкину («История водки») этот термин в корне означал напиток, сдобренный травами: «зелье», «крепкое зелье», «злой хмельной напиток...» Видимо, поэт употребил слово в смысле «молодое». А вообще – для *красного* поэтического словца. У Блока: «Зеленым отравляла вином...» В жизни народ пил брагу, самогон, и пр...

11

...Человечески, слишком человечески умирал Фридрих Вильгельм Ницше: с мычанием, «утками» и прочими прозаизмами...

12

...Петуший переклик: «...и она заставляет звезды появляться на небе, как *прыщи* на коже (И. С. Тургенев, «Письма», т. 1. стр. 481). Или:

Звезда ночная выскочит как *прыщик* (В. С.),
Который только с кровью удалишь... –

С. Лейбград, «Самаритянин», Современный писатель, 1993 г.)

Еще: «Увы, не довольно надеть мурмолку, чтобы сделаться твоим Эдипом, о всероссийский сфинкс! (И. С. Тургенев)

Россия – Сфинкс. Ликуя и скорбя,
И обливаясь черной кровью... – (А. Блок).

13

...Изощренное «крохоборство» А. Блока насчет «окна жОлты», «тrotТуары», «корРидоры» и прочего – от письменной суть визуальной культуры. *Из* – устно все это теряет значение. Блок – по свидетельству Сергея Берштейна, – отвечая на его вопросы, писал «стихи сидя за столом и что ходьба не служит для него ритмическим импульсом...», «Блок сообщил, что стихи он создает всегда на бумаге, не произнося их в процессе творчества»...

14

...Об утилитарности поэзии. Нижеследующие –

Лиза, лакомый кусочек,
Головы мне не сносить, –
Разрешите за сосочек
Вас легонько укусить... –

стихи довольно практические и готовые к употреблению народом. Представляй соответствующие к любовной ситуации двусложные имена (Люся, Лида, Валя, и т. д.) и... Владимир Мисюк – истинно народный поэт...

15

...Странно раздражительна философия василиефедоровских строк:

А жизнь, в сущности, проста:
Его уста, ее уста...

Несмотря на «вольность» поэтической истины, если так уж проста, то почему уста, а не чего-нибудь попроще?..

16

...Ахнешь на природу, восхищенный, есенинские строки придут на память: «Как прекрасна земля, а на ней человек...»

Нет, человек нет... Человек – мусорная свалка...

17

...«Война и мир» за стеклом книжного шкафа так же правомочна, как природа за стеклом оконным...

18

...У Кон. Симонова в «Дневниках...» рассказывается о казусе с именем Рита. Если его склонять, то что-то «очень неприличное на язык просится». Редакторы «заботились» о читательском ухе. По этому правилу некоторые слова оставались как бы за гранью литературы, например: ссуда, рак, и т.д. «Мера испорченности» – в нашей голове. У Шолохова в «Тихом Доне» казаки хулигански дружно горланят: «Уху я, уху я, девушки, варила...» А как же с испанскими именами? А с грузинским приветствием?.. Еще одно лыко в строку из Кюхельбекера: «...нередко виноват не поэт, а сам читатель: его воображение уже грязно...»

19

...Стихи мозговых сортов...

20

...В тексте В. Высоцкого: «Расстреливать два раза уставы не велят...» – неужели так могло быть в контексте советского строя?...

21

... Глядя на полное собрание сочинений и *писем* И. С. Тургенева: удивительный мир – письма, кои XX век вытеснил из жизни телефоном, телевизором, интернетом, SMSкой, и т.д...

22

... Блок сказал о стихах, как о лучшей части души. Что-то вроде айсберга?.. Сдается, что дело сложнее, не так однозначно схематично. Вообще, культура – лучшая часть души цивилизации апостериори...

23

...Толстой: «Подробность, долженствующая дать уровень реальности. Адвокат на морозе *втягивает сопли. И от него пахнет духами, табаком и ртом*». Изумительная изобразительность. Табаком и ртом!..

24

...Толстой чурается искусственности как черт ладана. От процесса для процесса. Когда процесс дороже жизни, людей, мира, справедливости...

25

...Сравните стиль выражения Бенкендорфа и Семичастного...

26

...Сила искусства: до сих пор с беззаботной глухотой к историческому контексту напеваются светловские слова шариковской замашки: «Я хату покинул, пошел воевать, чтобы землю в Гренаде крестьянам отдать...»

27

...Волшебная сила искусства: корнеечуковская преображенная Муха – прекрасная. Бытовая – заразная ...

28

...Какие писались эпитафии! У Бунина в рассказе:

Тише, листья, не шумите,
мово Митю не будите.

Сколько умилительного простодушия и безыскусности. Рифма «шумите-Митю» лучше глагольной «шумите-будите». Но автор, конечно, за рифмой *не гонится*. Он не может гнаться. Но как бы угадывает онтологию искусства. «Первичность материи» Мити. Пример попроза-ичнее: «Сереге от братков»...

29

...У Чехова в «Записных книжках»: «Молодежь лучше старииков». Конечно, в этой фразе чувствуется *художественный* контекст. Однако и провокационный момент. Попробуй возрази на столъ «прогрес-сивную» мысль – сразу стариоком сделаешься...

30

...Русская политическая история стала для меня гораздо полифо-ничней, когда прочитал у В. В. Розанова следующие слова о М. Е. Салтыкове-Щедрине: – Напился русской крови, и сытый отвалился в могилу... Впрочем, после 17-го он изменил свое отношение к сати-рику...

31

...Читая наконец Юза Алешковского: сколько же надо было атмосферы... точнее – инфернального чада, чтобы родилась великая, могучая, свободная русская феня! Язык кочегаров преиспдней...

32

...О субъективном идеализме в поэзии Бориса Скотневского:

Ведь сильней, чем звезды или смерть,
Мы с тобой, скажу я по секрету...
Если в небо некому смотреть, –
То и звезд и не было и нету. –

В этих четырех бесхитростных строчках – весь экзистенциальный ужас и беспощадный реализм нашего, *человеческого* измерения вещей. «Че-ловек мера всех вещей» – Протагор. Животное не меряет вещи. На

нечеловеческое – по соматической конституции и консистенции – мы не способны по природе. С исчезновением отражающего духа Божья глина, конечно же, останется. Сама по себе. Впрочем, это допущение также находится в нашем сиротливом уязвимом *человеческом* мозгу... Декартовское «*cogito ergo sum*»...

33

...Как в колоколе звон таится, так в имени Лермонтов – чу! – брезжит, угадывается, вырифмовывается звук: *Демон*(тов)...

34

...Это же предвосхищение вольтовой дуги:

...И чудо! из померкших
Слеза тяжелая катится...
Поныне возле кельи той
Насквозь прожженный виден камень
Слезою жаркою, как пламень,
Нечеловеческой слезой... –

Демон плачет – как сваркой режет...

35

...У Кьеркегора описан путь выживания человека из человеческого, обращение в демона. Демоническое – страх перед добром. Это судьба, которая может приключиться с каждым. Демон – *умный больно*. Для него человеческая жизнь – копошенье и суeta суэт. «Закрылся сам в себе, посчитал дураком всякого, кто остался снаружи». У Сиорана сказано на демоническую тему: «...вы не считаете, что являетесь более одаренными, чем другие, а лишь полагаете, что *менее наивны*, чем они...», «...будете считать его неспособным постичь главное, увязшим в мелочах».

Логика, отстраненного от *глупой* человеческой слезы, но влюбленного (и на старуху бывает проруха. Ах, любовь...) лермонтовского Демона, та же: «*Что жизни мелочные сны...*» Без любви Демона к Тамаре в поэме не было бы *со-бытия...* Жизнь – это всегда множественное (больше одного) *человеческое «со»*. *Со-стояние* (*стояние вместе*). *Со-чувствие* (*одинаковое чувствование*). И т. д.

36 (продолжение)

...«...Демоническое» в русской поэзии – у Георгия Иванова:

...Но слышу вдруг: война, идея,
Последний бой, двадцатый век...
И вспоминаю, холода,
Что я уже не человек,

А судорога идиота,
Природой созданная зря, –
«Ура!» из пасти патриота,
«Долой!» из глотки бунтаря.

В общем:

Стихи и звезды остаются,
А остальное – все равно!

37

...Сначала прочитал трактат Иоганна Кеплера «О шестиугольной снежинке», а потом посчитал это самое количество углов. Да, шесть. Пары влаги, вступая в соприкосновение с низкой температурой, неизменно выдают один и тот же обнадеживающий объективный результат: согретую любознательным человеческим дыханием *Божью кеплеровскую снежинку*...

38

...У И. А. Бунина, в определенный период, редко, но попадаются усеченные рифмы (но вскоре пропадают). По-видимому, он тоже не устоял перед «разгулом» модернизма и прочими «дамами-шлагбаумами»...

39

...Образчик взвинченной, пришпоренной поэзии: «Я себя под Лениным чищу...» Чистой воды идолопоклонство...

40

...Читая «Искусство пуга» Сальвадора Дали. Если отбросить «забавную», эпатажную сторону искусства, то это, в том числе – постижение. Каких-то иных уровней реальности. Преодоление рамок, границ, стереотипов и т. д. Экспансия за. Неудобная подчас оку-уху, но эвристически неизбежная.

И все же, есть ли некий «верх-низ», «право-лево» этого самого искусства? Ангельское парение души или пластающее блеянье козлища?..

41

...Лет двадцать назад прочитал «Письма к сыну» сэра Честерфилда из серии «Литературные памятники». Вещь весьма изящную и умную. Что же запомнилось конкретно? – К сожалению, немногое. В частности то, как отец учил сына аристократической манере сморкаться в носовой платок не глядя на содержимое. Не густо, признаться, не густо... Впрочем, отпрыск выдающегося политического деятеля и кавалера многих королевских наград тем не менее вырос довольно заурядным шалопаем... Зато литература выиграла...

42

...Фантастические евтушенковские строки:

Телевизор понесут
Под колокола,
На всемирный Страшный суд
За его дела...

Скорей бы уже...

43

...Серьезный автор Сергей Лейбград польстился на довольно легковесный моностих:

В Моздок я больше не ездок... –

Формальное бестактно перевешивает драматическое. Мелкую рыбешку можно было бы и отпустить. Поистине толстовское приплысывание за плугом...

44

...Сергей Лейбград очень «новаторски» называет свое верлибром написанное стихотворение «Секстиной». Только на основе числа «шесть». Первая «строфа» (строка) «в троллейбусе идет снег» и последняя, шестая, «строфа» (строка) «в троллейбусе идет снег». С очень большой натяжкой это можно назвать секстиной...

45

...Ну ладно у юного Есенина «На бору со стенами *плачут* глухари». Ладно «*плачут* где-то иволга, склоняясь в дупло». Для пристрастного фенолога весьма проблематично: хоронение в дупле. Но зачем

«уносить пьяную до утра в кусты»? Когда есть более комфортабельные «свежие копны»?..

46

...На уровне слуха (Лермонтов – Блок):

А он, мятежный, просит бури, И вечный бой –

покой нам только снится!..

Как будто в бурях есть покой...

47

...Крик моды: – Не будьте дураками – читайте Мураками!..

48

...Врубелевский Демон, усталый как гимнаст после тренировки, возник из следующих лермонтовских строк:

Он был похож на вечер ясный.

Ни день, ни ночь, – ни мрак, ни свет!..

49

...В одной из редакций «Демона» было: «Дух отрицанья и сомненья...». Философ Сиоран в работе «Можно ли считать демона скептиком?» отдает этакий приоритет «отрицанью» перед «сомнением». Ибо отрижение все-таки *действие*. «То есть это творчество со знаком минус, особый способ проявлять свою причастность к тому, что существует». И: «Трагедия сомневающегося глубже трагедии отрицающего по той причине, что жить без цели хуже, чем жить ради дурной цели».

Бульваризируя, можно сказать, что все это премудрости *книжные*, идеальные, а на практике за *отрижение* посадили бы скорее, чем за скепсис...

50

...Строка Ахматовой «Стрелецкая луна». Почему стрелецкая? – По форме или по цвету?.. Если по форме, то, по-видимому, похожа на рубящую часть бердыша. Если по цвету – кровавого оттенка. Лобного. Скорее всего, и то и другое – вместе...

51

...Дневниковая запись Пушкина: «Вчера И. Мятлев читал преуморительные стихи». Лермонтовские строки, посвященные С. Н. Карамзиной:

Люблю я парадоксы ваши,
И ха-ха-ха, и хи-хи-хи.
Смирновой штучку, фарсу Саши,
И Ишки Мятлева стихи... (В. С.) –

Они были современниками, общались на равных. Поэт Иван Мятлев, судя по всему, не комплексовал по поводу своих масштабов. История оказалась не столь демократична: две-три строчки в справочниках да энциклопедиях...

52

...Читая Льва Давидовича непосредственно («Литература и революция»), вспомнил соответствующую фольклорную поговорку «п....т как Троцкий». Это не зоилово перо, не геростратовы чернила – дело в парадигме. Эк ухватил бога за бороду! Образчики похлопывания по плечу Блока: «Звездно-метельная, бесформенная лирика Блока отражает определенную среду и эпоху, ее склад, ее уклад, ритм и вне этой эпохи повисает облачным пятном (! В. С.). Эта лирика не переживает своего времени и своего творца». «Блок принадлежал дооктябрьской литературе, но *превозмог* (!) ее и вошел в сферу Октября «Двенадцатью»... Зубодробильный бред и хлам политического хама – на сотнях и сотнях страниц, касающихся многих истинных деятелей литературы и искусства...

53

...Вряд ли мы, нынешние широкие читатели XX века, узнали бы имя поэта Виктора Теплякова и его «Фракийские элегии», если бы не великолупшний их разбор А. С. Пушкиным (плюс крохи снисходительных хрестоматий). Тема всепоглощающего времени:

Так, так! подлунного величия звездой
И сей Ничтожества был озарен объедок...

Виктор Григорьевич Тепляков – поэт пушкинского окружения. Со своей судьбой, непростым характером, биографией. Кстати, тоже поручик, как Лермонтов. Статья В. Э. Вацуро: «Пушкин. Исследования и материалы», том XI.

Мой дерзкий смех над бешеною судьбою,
Мой тайный плач ты внукам передай...

54

...Эта заметка даже не реплика читателя, а чистая эмоция по поводу того, «из какого сора растут стихи не ведая стыда». Из т. 92, книги второй Литературного наследства Александра Блока узнаем, что поначалу на месте строки «Шоколад Миньон жрала» была строчка – «Юбкой улицу мела». Катька бишь. Предложила новый вариант Любовь Дмитриевна, поскольку заметила, что у них, у представительниц древнейшей профессии, юбки по преимуществу коротки... «И кости лязгают о кости» – слово «лязгают», оказывается, подсказано Борисом Садовским, который в воспоминаниях пишет, что Блок колебался между «брякают» и «звякают». Что Блок, якобы, промолчал, но появилось стихотворение в печати с подсказанным «лязгают»...

55

...Выражение «новые русские» не так уж ново. Именно оно, это выражение, уже мелькает в том же смысле в переписке матери Александра Блока – А. А. Кублицкой-Пиоттух...

56

...В качестве догадки: текст «двуихсерийной» песни В. Высоцкого «Честь шахматной короны» возник из эмбрионального звукосочетания «Фишер-шифер», ассоциативно зацепившего ухо поэта. Все остальное – *нарост* работы...

57

...О пророческих способностях поэтов. Иосиф Бродский: «На Васильевский остров я приду умирать...» – как было бы логично и красиво (пардон). Не пришел. Александр Галич:

...И гость какой-нибудь скажет:
«От шуточек этих зябко,
И автор напрасно думает,
Что сам ему черт не брат!»
Ну что вы, Иван Петрович, –
Ответит ему хозяйка,
Бояться автору нечего,
Он умер лет сто назад...» –

в словах законсервированная коммунистическая атмосфера минимум на сто лет. Уже сегодня тексты *свободны*. А как техника двинулась в прогрессе: «И будет крутиться пленка...» – какая пленка? – форматы. Впрочем: «В полдневный жар в долине Дагестана / С свинцом в груди лежал недвижим я...». Одноко: «Точка пули в своем конце...». Или: «Я умру в крещенские морозы...». «Уйду я в это лето в малиновом плаще...»

58

...И. А. Бунин коснулся темы книжного времяпровождения в рассказе «Книга»: «Опять с раннего утра читаю, опять с книгой в руках!.. Полжизни прожил в каком-то несуществующем мире...» Действительно. Не лучше ли было просто *радоваться* жизни. От многоязыния многая скорби. «Тепло, мягко пахнет далеким полевым дождем. В саду поет одна иволга»... Просто жить как птица певчая. Как этот «возвращающийся с погоста мужик», посадивший «на своей девочке куст жасмину»... Однако надо прочитать много-много книг, чтобы эти самые простые радости жизни *так* увиделись, не зренiem, а прозрением...

59

...Стихи поэтов – это образы живых людей, которых любишь беззаветно, симпатизируешь, ценишь (за ум ли, уменье, сердце, не зная за что...), или равнодушен...

60

...Что в имени тебе моем? «Имена» Павла Александровича Флоренского посвящены подсознательной магии имени, влияющего на человеческую судьбу. Подбирайте их как следует, чад своих именя. Имена – не просто наборы номинальных звуков. Они тянутся друг к другу, выходят за свои функциональные границы, каким-то ассоциативным образом проявляются, рифмуются: Платон – Плотин, Кант – Конт (консонанс однако)... Кассир Семикопейкина... В этом что-то есть... Однако не до такой же степени как у Петра Вегина в «Перевернутом Олимпе!..

61

...К крылатой фразе «О tempora! О mores!». Так воскликают о бессовестности времени. Так вопиет гражданское сознанье. Сонь обычательская так брюзжит... Но это не философский подход. М. К. Мамардашвили рассуждает, что «удивляет не ее отсутствие, а то, что она есть». Совесть. Как феномен. «То есть удивительно то, что есть

нечто. Что под этим понимается? Порядок. Нечто упорядоченное. Удивительно, что есть нечто, а не хаос. Потому что должен был бы быть хаос». Так давайте же философски утешаться не тем, что ее мало в обществе и человеке, а тем, что она есть, слава богу вообще...

62

...Проснувшийся похмельный глаз тупо упирается в корешки книг за стеклом книжного шкафа. Панической мыслью озаряется сознание: сколько же еще непрочитанного! А я так бездарно отшвырнулся ко времени... Книги – мой упрек, моя дисциплина, моя соломинка для утопающего...

63

...Читая Л. Шестова: Афины или Иерусалим? Откровение или греческая истина?.. Не «догоняю» истины Откровения – сцены для демонстрации гибкости все-таки человеческого ума. Для меня «уютней» голые очевидные истины астрофизики. Религии, как мировоззрения, стены Плача, или слезной жилетки. (Какой, господи боже ты мой, Бог, когда цунами! «Бог – и половые органы» – изумляется горьковская декадентка в «Климе Самгине»). Церкви, как традиционно организующей, консолидирующей силы... Материалист несчастный...

64

...Прочитал Джорджа Беркли уже в пух и прах «разоблаченного» В. И. Лениным в «Материализме и эмпириокритицизме». Поверх многосторонних ломаний копий в пользу «...действия тел, вещей, природы на наши органы чувств» или мира «моего представления»: да – «моего представления». Не отменяющего «действия». Мир какой-то гранью, односторонне, *мыслит* нами, людьми, бытийствует, как сказал бы философ. Не только отдельным человеком, с исчезновением которого мир, конечно же, не исчезает. Но родовым коллективом. Мир обретает *смысл* (может быть, в том числе) в виде человека. Со всей его неизбежностью и «привязанностью» к *мясу*. То есть в рамках «отпущенности» человеку богом, природой... Мир не исчезает с исчезновением отражающего духа, биша людей. Он исчезает, обессмысливается в таком виде, человеческом виде... Мы, люди, не можем заглянуть реально за свои рамки в рамки чужие. Если заглянем, реально перевоплотившись, будем мы – не мы, а лемовский мыслящий Океан, например, или буквальный тростник, а не паскалевский Мыслящий... Сколько еще мир будет терпеть *такой смысл*?.. Это самое «сумасшедшее фортепиано, вообразившее, что оно одно существует на свете»?..

65

...Начальные письма А. Блока к Л. А. Дельмас написаны – этакими утонченнейшими чувствительными флюидами. Конечные – вежливыми и воспитанными сперматозоидами...

66

...Интригующая фраза из записок М. Цветаевой: «Поэты – лучшие любовники». Без комментариев...

67

...Искусство, мать: то классовое («Мать»), то кассовое (лядь)...

68

...Перечитывал «Портрет» Гоголя. Или он меня «перечитывал». Властью глаз. Актуальны ли заветы, в нем заключающиеся (за окном – девяностые)? Или литература тоже – только кнопки для слезных и прочих желез? Технология и расчет для зарабатывания денег? Тусовочная рамка? «...Или вот зима, возьмите зиму! Пятнадцать рублей! Одна рамка чего стоит. Вон она какая зима!»... (О рамке писал также Хосе Ортега-и-Гассет: «Размышление о рамке»).

69

...Есенин разъяснял Блоку смысл строк «Тело Христово выплываю изо рта...» не как кощунство, а нежелание распинаться вместе с ним. – Все равно чудовищно... Впрочем, все равно распнулся...

70

...Лирическому поэту со временем грозит вырождение в сухую рациональность. Смерть поэзии (Брюсов, никогда не «страдавший» эмоциональностью, в этом дошел до маразма, развращенный властью. Не только он, впрочем). Удержаться на «поверхностной» наивной непосредственности (поэзия должна быть глуповата) или непосредственной наивности – означает сохранить душу. Стало быть, поэзию. Юрий Кублановский:

...Я думал, что-что, а Арктика уцелеет,
а она пошла вся трещинами, взрыхлилась,

там медведи сгрудились в стадо, блеют.
Глубина вселенская расступилась.

Я думал, Родина... Каждый атом
ее чувствовал сердцем, порами...

71

...По словам Е. Евтушенко строки А. Блока «Так вонзай же, мой ангел вчерашний, В сердце – острый французский каблук!» – плохие, изменяющие вкусу. Почему?..

72

...Врут все календари. Да и словари не всегда точны и справедливы. В «Поэтическом словаре» А. Квятковского существует термин «авторская глухота». К «глухоте» отнесены строки Пушкина «Вот испанка молодая оперлася на балкон», дескать, надо – на перила, а не на балкон. Подход весьма бюрократический. Ибо поэтическая речь – эмоциональная речь. С проговорами по Фрейду, с потоком сознания, и пр. Фиксирующая какие-то сиюминутности мышления. Например, к строчкам Блока: «Твое лицо в его простой оправе / Своей рукой убрал я со стола» были претензии, мол, убрал не лицо, а портрет. Или Евгений Онегин устремляет «...на чуждый свет разочарованный (В. С.) лорнет...» Или у Высоцкого в «Иноходце»: «Я последним цель *пересеку*». Надо, конечно же, достигну цели. В «пересеку» подразумевается – черту финишную. В ситуации страсти не до логического мышления. Эти «ножницы» между головой и руками демонстрируют экспрессию ситуации, накал, экстрему... «Путаница» слов – прием. Из него же, из «Татуировки»: «И когда мне тошно, хоть на *плаху*...» Не на плаху, разумеется – в петлю... Эдак можно договориться до того, что мы не по земле ходим, а по асфальту. По составу из кварца, частичек слюды и прочих минералов... Впрочем, глухота, как таковая, имеет место, в том числе квятковско-авторская...

73

...Это недоуменный голос духа вопрошаet у молодого Мандельштама в «Камне»:

Дано мне тело – что мне делать с ним,
Таким единым и таким моим? –

Антиномичность «духа-тела» роковая. Подвох, помеха тело духу «низменностию», тварностью своею. Оно проблематично в корне – тело. Оно навязано жестоко ком-то духу (или дух навязан телу?). Такое уязвимое по сути. Его не переступишь, не отбросишь как ящерица хвост. И не отменишь без ущерба... Впрочем, оно – творение. Другое

дело – чье. «За радость тихую дышать и жить / Кого, скажите мне, благодарить?»... Тело – очень реальная и убедительная для материалиста (для Фомы) штука: за тело можно подержаться. Для палача: тело можно расстреливать, можно пытать, заводить на него «Дело № 4108»...

74

...У А. Блока в поэме «Фиалка»: «Ибо что же приятней на свете, чем утрата лучших друзей». В контексте – уединение. У В. Маяковского непростительно круче: «Люблю смотреть как умирают дети»... Впрочем, вряд ли это «любование» имеет буквальный смысл. Л. Ф. Кацис в книге «Владимир Маяковский в интеллектуальном контексте эпохи» отсылает эту строчку к Библии. К смерти невинного ребенка. К его безгрешности... Разъяснение требуется к этой убийственной строчке, комментарий, кругозор... Но как все-таки чудовищно это звучит!..

75

...Ф. И. Тютчев, поэт глубинной лирической сути (лирика – единственная возможность проявления образа человеческой субъективности. Ни психология, ни психиатрия...), писал декларативные стихи, «прикладные». Стихи-отклики на политические события. В сущности, лирик от Бога. Лирика и есть ощущение Бога ли, абсолюта, трансцендентности, уникальности и свободы человеческого бытия... «Мысль изреченная есть ложь...», «Молчи, скрывайся и тай...» – изумленная формула его непостижимости. Ибо любое произнесенное слово, несущее печать суетливости и сиюминутности, меньшее Слова *того*. Блоковское: «Молчите проклятые книги, Я вас никогда не писал» – явно из этой же оперы. «Нам не дано предугадать как слово наше отзовется...» – формула социального контекста лирики. Простодушное пушкинское: пишу для себя – это тютчевское «Молчи, скрывайся и тай...» А печатаю для денег – это «нам не дано предугадать...» Задача *лирического* поэта – выразить первое, *невизирай* на читателя. «Задача поэта не в том, чтобы достучаться до всякого дурака (А. Блок)... И есть ли вообще какая-либо *задача* поэта? Можно ли написать высокоморальное художественное произведение по заказу?.. Кюхельбекер понимал это: «Может ли существовать нравоучительная или религиозная поэзия? О первой скажу решительно: нет; где учение – там уж нет поэзии. Поэзия религиозная совсем не то: если она *невольное* излияние чувств...» Поэт, впрочем, и не Пифия, и не сомнамбула. Есть поэт и не поэт. Является настоящий поэт и опровергает рамки. Конечно, «И долго буду тем любезен я народу...» – произнесенное слово. Но ведь, «И славен буду я, доколь в подлунном мире Жив будет хоть

один *пишет* (! – В. С.). Не читатель – поэт. Только поэт может по-настоящему оценить поэта. Пусть как Сальери Моцарта. «Меня только равный убьет» – Мандельштам. Эти «заветы» время от времени забываются тираническими ли, православными ли мозгами...

76

...Многое говорится о роли искусства и, в частности, книги в исправлении человеческих пороков (парадигма ложная). Мнения на сей счет качнулись в «забавную» сторону искусства. Дескать, коль оно не способно «инженерить души», влиять на нравы, то хотя бы пусть развлекает. *Миссия Слова*, таким образом, выхолащивается. Простите, нельзя преувеличивать, но и преуменьшать эту самую роль нельзя! По-видимому, мы переживаем кризисное состояние, отраженное в этих строках Н. Гумилева: «Мы ему поставили пределом / Скудные пределы естества, / И, как пчелы в улье опустелом, / Дурно пахнут мертвые слова». Все обратилось в тошнотворную рекламу. Человечество нельзя «охватить» искусством, но отдельного человека можно «поймать», ибо понимание это акт индивидуальный, а не хоровой. Как бы ни относиться к М. Горькому, его сентенция «Всему лучшему в себе я обязан книгам» – точна. Человек время от времени будет попадаться на «игрушку» и «сказку» «Преступления и наказания». Человек – не как статистическая единица, а философская. Я сам давно и прочно «подсел» на книгу (это та же *культурная вилка*, которой мы едим). На *сознательное*: «Если нет Бога, значит – все позволено?»...

77

...Льва Николаевича дневниковая аббревиатура е. б. ж. (если буду жив), по-видимому, подсознательное заклинание смерти...

78

...Их, великих, не поймешь. Толстого Шекспир не устраивал. Юрий Кузнецов, конечно же, выстраданно «покушается» на есенинскую метафору. На его «в саду горит костер рябины красной»: «По Есенину выходит, что костер рябины горит, только вот согреть никого не может. Ложь очевидная и самозабвенная. Ибо горит настоящий костер». Извините, Юрий Поликарпович, на расстоянии и настоящий костер никого не может согреть. Он только цвет дает оку. У Есенина это расстояние ощущается: «В саду горит...» Схожесть цветовая – краска костра и кистей рябиновых. Внешнее подобие. Оно не придумано, оно возникает в сознании непроизвольно. Сравнение, метафора – обычно-

венные поэтические тропы, но они – *в первую очередь* – коренное свойство человеческого мышления, его игр... И веревка может показаться змеем. И змей веревкой...

79

...В Гимне в честь чумы – крещендо:

Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю,
И в разъяренном океане,
Средь грозных волн и бурной тьмы,
И аравийском урагане,
И в дуновении чумы... –

Понятно «И бездны мрачной на краю», и «разъяренный океан» понятен, а вот «аравийский ураган» – песчаная буря что ли? Откуда почерпнул Александр Сергеевич эту «страшилку»? Не из прессы ли?.. Из каких информационных источников?.. *Аравийский...*

80

...Ощущение наивного умиления испытал в молодые лета при чтении «Писем» Плиния Младшего. От этого: «Плинний Помпее Целерине, своей теще, привет». От этой человеческой интонации, пренебрегающей двумя тысячами «разъединяющих лет». Человеческое проглядывает и в «рабовладельческих» отношениях Плиния со слугами-рабами. Внося какие-то корректизы в забытую и обезличенную «классовую структуру общества» коммунистических учебников и пособий по истории...

81

...Пушкинский Дон Гуан своевольно свободен. Сокрытый двигатель его – свобода. Свобода – его пагубная натура и для себя и для окружающих. Дон Гуан – поэт («Импровизатор любовной песни...»). Природа поэта требует сверхчеловеческого бесстрашения от человека. Дон Гуан – безбожник, развратник, материалист. Нерасторжимая триада *его* свободы. Отсюда смущение от неукладывающегося в голове кивка статуи Командора. Статуе важно человеческое смущение, испуг Дон Гуана, прикрываемый гордостью. Статуя: «Все кончено. Дрожишь ты, Дон Гуан». Она удовлетворена. У Блока подобно: «Что теперь тебе постылая свобода, страх познавший Дон Жуан!» Дон Гуан дрогнул, но достойно преодолел страх.

Мстительная сила любви командора к Донне Анне чудесным обра-

зом извернулась из предсказуемого материалистического трехмерного пространства роковым иным измерением...

82

...Пушкинский Дон Карлос в « Каменном госте»:

Скажи, Лаура,
Который год тебе?
Л а у р а
Осьмнадцать.
Д о н К а р л о с
...Ты молода... и будешь молода
Еще лет пять иль шесть (!).
...Пора пройдет, когда твои глаза
Впадут и веки, сморщась, почернеют
И седина в косе твоей мелькнет,
И будут называть тебя *старухой* (! – В. С)

Так, восемнадцать плюс шесть... Это в двадцать четыре-то года?..

83

...Читал Пьера де Шардена «Феномен человека» в части футурологических предсказаний как романтическую утопию. Однако информационное пространство, объединяя человечество, уплотняясь в виде Сети, мобильной связи и т. д., обнаруживает пока удивительную правоту пророчеств философа...

84

...Почему так грубо названы мои «реплики читателя», а именно: «Отсебятина»? – Не только потому, что корень слова довольно точно отражает суть субъективизма заметок: *от себя*. Это еще и некая подсознательная «месть» советскому репрессивному слою лексики. В словаре Даля этого слова нет. И, смею предположить, быть не могло. Только у Ожегова – самого идеологического толкового словаря – могло появиться такое характерное слово: «Отсебятина», ы, ж. (разг. неодобр.) «Собственные слова, вставленные в чужую речь при ее передаче, а также поступки, совершаемые самовольно, вопреки тому, что приказано, предписано. Сначала излагал все точно, а потом пошла о. Нечего отсебятиной заниматься».

Буду...

85

...Обычное соотношение тела-духа: тело бренно, дух бессмертен. Арцыбашевский материалист подпрапорщик Гололов рассуждает наоборот: дух со смертью тела исчезает, поскольку теряется индивидуальность человека. А тело вечно с точки зрения физики: «...ведь и после смерти мое тело останется. Тело есть вечно». «...Я умру, тело распадется на атомы, атомы сложатся в какую-нибудь форму, но сами не изменятся и ни один не исчезнет. Сколько было в мире атомов, когда было мое тело, столько будет и тогда, когда я умру. Дух умрет...» Логика железная. Подпрапорщик *философски* застреливается из ружья. Идеи толстовской «Исповеди» витали в воздухе...

Перекликающиеся строчки Б. Скотневского: «Распадемся однажды на атомы, Соберемся когда-нибудь вновь»...

86

...Отталкивающе эгоцентрической строчке «Я гений – Игорь Северянин...» уподобляли кузнецковские – «Звать меня Кузнецов. Я один – остальные обман и подделка». В первом случае – действительно эгоизм чистейшей воды и высочайшей пробы. У Кузнецова же смысл без эстрадного эпатажа, но с лингвистическим «подвохом». Раздражает бросающаяся в глаза якобы вызывающая заносчивость. На самом деле ничего этого нет. Есть ускользающий *первосмысл*: человек действительно тотально единственен, уникален, *самен*. Тем более – поэт. Все остальные относительно «Кузнецова», даже однофамильцы и прощие тезки – по существу безнадежно не те...

87

...Ноября, 1843 года турист Е. Баратынский делится восторженными впечатлениями: «Друзья, сестрицы, я в Париже!..» И дальше: «...видел некоторых литераторов, но, по-моему, всего замечательнее во Франции сам народ, приветливый, умный, веселый и *полный покорности закону* (! – *B. C*), которого он понимает всю важность, всю общественную пользу». Это французский-то народ покорный закону?!. А 1848? А 1871?.. Впрочем, эти даты он не застал, но предыдущие-то ему были известны...

88

...Путешествующий Е. Баратынский пишет (*Осень 1843. Лейпциг*) Н. В. Путяте: «Я очень наслаждаюсь путешествием и быстрой сменою впечатлений. Железные дороги чудная вещь. Это апофеоза рассеяния.

Когда они обогнут землю, на свете не будет меланхолии...» Как в воду глядел поэт – нет ее, меланхолии, совсем...

89

...Завораживающая парадоксальная двуединая пушкинская строчка: «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать...» Жить, мысля и страдая. Мыслить – да. А страдать-то зачем? Это против природы... Уж лучше как-нибудь эдак, бочком, не сильно, не гибельно. Но красиво... Впрочем, так не бывает по-настоящему. Или мыслить и страдать – или ни то ни се. Ни богу свечка, ни черту кочерга. Поэтическое страдание нарочно не придумаешь. Оно или есть, или его нет. Оно – тонкость кожи, структура, состав, качество, талант... Мыслить и страдать – дело гибельное, но фундаментальное и неизбежное для поэта... Уместные стихи Вознесенского:

...Когда твой ум слезлив,
а совесть весела,
идет какой-то слив
седьмого киселя...

90

...Раскольников в сцене с «растрапанной» девушкой поступает как порядочный человек, ограждая ее от франта: «Бедная девочка!... – сказал он, посмотрев в опустевший угол скамьи. – Очнется, поплачет, потом мать узнает...» «...А пусть! (перебиваются порядочные мысли позитивистскими – «просвещенными», цивилизационными, бюхнер-молешоттовскими... – В. С.) Это, говорят, так и следует. Такой процент, говорят, должен уходить каждый год... куда-то... к черту, должно быть, чтоб остальных освежить и им не мешать. Процент!..» Да и по словам Мармеладова: «...господин Лебезятников, следящий за новыми мыслями, объяснил намедни, что сострадание в наше время даже наукой воспрещено и что так уже делается в Англии, где политическая экономия». Как уживаться с такой гайдаровско-чубайсовской истиной человеческому сердцу?..

91

...Тот же Мармеладов рассуждает (кстати, представляясь: *титуллярный советник!* – А потом уже имя собственное. Прежде титул, статус в социальной иерархии) о бедности: «Бедность не порок, а вот нищета...» – Как это остро отзывается в моем читательском сердце российского пенсионера...

92

...Когда Цезарю объяснили философскую проблему целостности и неделимости мира и человека, он разрешил ее просто, как практик: приказал человека четвертовать («Дано мне тело, что мне делать с ним – таким единым и таким моим» – О. Мандельштам)...

93

...«Имидж» лирических героев поэтов бывает весьма полярен: «Мой дар убог, а голос мой негромок...» – Баратынский. «Я гений – Игорь Северянин...» – Лотарев...

94

...Этимология имени. Гоголевские имена *работают* на персонажа, на образ. Акакий Акакиевич? «Кака» с древнегреческого – нечто *сточное*, фекальное... Да и детское предостережение однако...

95

...Мигнуть можно глазом. Мигает маяк. Милицейская мигалка. Мигает «поворотник» машины. Насекомое светлячок. И т. д. У Гоголя в «Ревизоре» Добчинский говорит: «...А Петр-то Иванович уж мигнул *пальцем*, и подозвали трактирщика...»

96

...У Достоевского Раскольников: «Но неужели ж это правда, – воскликнул он про себя, – неужели и это создание, еще сохранившее чистоту духа, сознательно втянется, наконец, в эту мерзкую, смрадную яму?» – о Соне Мармеладовой. *Яму!*.. А у Куприна роман о представительницах древнейшей профессии называется «Яма»...

97

...Меня не интересует в художественном произведении – как один человек с другим физически *расправляется*. Меня интересует, как человек *справляется*, прежде всего, с *собой*, как с экзистенциальной проблемой...

98

...Не вникая в исторические взгляды Набокова, в их эволюцию и пр. В свое время бальзамом пролилось на душу сплошного родимого пятна социализма, жертвы истмата, рассуждение героя «Соглядатая»: «Глупо искать закона, еще глупее его найти. Надумает нищий духом, что весь путь человечества можно объяснить каверзной игрою планет или борьбой пустого с тugo набитым желудком... К счастью, закона

никакого нет, – зубная боль проигрывает битву, дождливый денек отменяет намеченный мятеж, – все зыбко, все от случая, и напрасно старался тот расхлябанный и брюзгливый буржуа в клетчатых штанах времен Виктории, написавший темный труд «Капитал»...

Живая социально-политическая история, накрывшая нас в конце 80-х годов XX века, вмиг вымела весь этот односторонне набитый школьными хрестоматиями в наши интеллектуально травмированные головы пустопорожний хлам. Политика – джунгли с вечно путающейся под ногами моралью. Большевики ли, «реформаторы», «знающие как», (что там единственная слезинка ребенка!) – это всегда Раскольниковы в бронированных автомобилях, убивающие старух ради лучезарного будущего...

99

...С какой, как в фильме ужасов, скоростью распадался оклад иконы и ореол святости вождя мирового пролетариата по мере публикации в прессе архивных документов и проч. «Жать скорби» Р. Конквестов. От умилительно сказочного до зловеще скалящегося «господина гексогена»...

100

...Социально-политическая история – беллетристический жанр. Личная трактовка. Некое испарение от истории как «вещи в себе». Вибрации ее. Прокрустово ложе. Вспомним только как образчик деланья истории курьезное ублюдочное ельцинское «От рассвета до заката»... По-любому – школлярская забава. Читаешь книгу П. А. Кропоткина или Томаса Карлейля о Великой французской революции – этакое самодовольное времяпрожигание культурного человека. Истина ускользает. Книга больше говорит о ее авторе. О его характере, темпераменте, литературном таланте. О, это эстрадно-слезоточивое повизгивание исторической попсы Эдварда Радзинского! «А суть мы потом наворотим, и тень наведем на плетень» – Галич. Ощущение живого современника, с которого реальная история сдирает кожу – непереводимо...

101

...О, эти «алтарь отечества» и «благо народа», движущие историю! Homo politikus, «глашатай исторической необходимости», «историческое лицо», мать его – что сие за аристотелево животное? Это всегда превалирующее подспудное *личное*. Робеспьер был зелен личным лицом. Доходит до нас, прежде всего из источников – каким он был красноречивым оратором или борзописцем. Красноречивая зелень

личного лица ускользает как мелочь и деталь. Недаром «шестерки» вождей ретушировали портреты. Облагораживали осинники и прочие пятна. Рост Крошек Цахес компенсировали каблуками и ракурсом. До нас не доходят их желчная зелень, прыщи, и прочие в голове тараканы. Политика по каким-то прыщам узнает и отбирает своих «любимцев», цвейговских Жозефов Фуше и прочих Маратов, пожирающих друг друга. Это такая заповедная для пожирания область – политика. Ибо «...я полагаю, что для человека начитавшегося Диккенса, выстрелить в себе подобного во имя какой бы то ни было идеи затруднительней, чем для человека, Диккенса не читавшего. И я говорю именно о чтении Диккенса, Стендэля, Достоевского, Флобера, Бальзака, Мелвилла и т. д., т. е. литературы, а не грамотности – не об образовании» – И. Бродский «Нобелевская лекция». К сожалению, и этого мало – чего-то неназываемо большего надо, чтобы не выстrelить... В литературе прыщи и прочий зуд украшаются павлиньями перьями или сублимируются в красивую «мировую скорбь» (Гитлер – по Эриху Фрому – некрофил, рисовал. Сталин баловался стишками). В политике – в пожирание себе подобных. Хоть пассионариями их назови. Вывод: историю движут видимые и невидимые, обращенные вовне воспаленные *угри*...

102

...Нобелевский лауреат А. И. Солженицын о Нобелевском лауреате И. Бродском: статья «Иосиф Бродский – избранные стихи» – бодание не с дубом, а забодание одного мировоззрения другим мировоззрением. Метод анализа, в сущности, *партийный*: не то что есть у поэта, а чего у него нету и быть не может. Замечания коренные, например, отсутствие серьезности: «Хотя, заметим, каждому Божьему творению дано отроду чувствовать существующее всерьез». Вместо серьезности – ирония. До христианской веры поэт тоже не дотягивает. При всей зоркости и точности некоторых стилистических и технических наблюдений за стихом, Александр Исаевич не критик – священник, а пафос статьи – набрасывание православной узды на поэта...

103

...Магия рифмы: «Розы – морозы», «Вовка» – обязательно – «морковка». «Европа» – смачная – «жопа». «Туман» – стопроцентно органично – «обман». Маэста и вопли нежного и эстетичного Видоплясова из-за рифмы: «Подумай, Григорий, сначала ты просил, чтоб тебя называли «Верный» – «Григорий Верный»; потом тебе же самому не понравилось, потому что какой-то балбес прибрал на это рифму «скверный». Ах, Видоплясов! Попробовал извернуться фамилией «Уланов».

Не тут-то было. «И тут неудача: прибрали тебе рифму «Болванов». После «Уланова» – «Танцев». Никуда от рифмы не денешься: «Засранцев». Бедный Видоплясов: пытается ускользнуть «Эссбукеотовым» – ага, как бы ни так. «Григорий-голанец съел померанец». От «гордого звона» рифмы не уйдешь!..

104

...Мерзко запоздалое чтение «Ювенильного моря», «Котлована», «Чевенгур» было этаким изумленным заглядыванием за невидимую обратную сторону Луны «советской литературы»...

105

...Чудом зацепившиеся в моей школьарской памяти две строчки Кантемира:

Уме недозрелый, плод недолгой науки,
Покойся, не понуждай к перу мои руки...

Подумалось, а что же там дальше? Не помню, хоть кожу с меня сдирай. Заглянул в мокогоненковскую хрестоматию. Любопытные стихи попадаются:

...То что есть человек?
(...*И что есть красота?* – Заболоцкого)
Соборище сует и сам себе мученье.
Несчастнейшая тварь, в тоске влекуща век...

Декаданс какой-то, право... Только почему «к перу мои руки», а не руку?..

106

...Поэзия тянет за язык. Рискованно тянет. Мог бы, наверное, Осип Эмильевич промолчать насчет «Мы живем под собою не чуя страны...» Авось, проскочил бы эдак бочком, целым остался... (Хотя: «Вот как просто попасть – в палачи: Промолчи, промолчи, промолчи!» – Александр Галич). То самое, витающее в атмосфере времени, *само* сложилось, срифмовалось, сладилось, вылилось на бумагу при *помощи* поэта... Не могло не вылиться. Черт поэзии дернул его за язык, и вылетело словоневоробей. И не вырубить его топором... Автора выбутили... Подвела его поэзия, подвела... Не подвела его поэзия, не подвела... Тянет поэта поэзия за язык...

А мог бы век просвистать скворцом,
Заесть ореховым пирогом,
Да, видно, нельзя никак...

107

...Удивительно целомудренно-эротическая, содержательная, пластически совершенная строчка из песни на слова Михаила Исаковского: «Как увижу, как услышу, все во мне заговорит...» Тут все: и душа и тело...

108

...Habeant sua fata libelli – книги имеют свою судьбу. Классическое художественное произведение картины на стене галереи или книги на книжной полке – находится в *относительном* покое. На самом деле движется по определенной формуле. Работает. Имеет временной и социальный контекст. Вплоть до того, что его могут просто-напросто спалить на фанатичном костре. В формулу движения заложено и читательское восприятие – тоже, в свою очередь, подвижное... Более того, если книга не читается, ее нет... Таким образом я однажды понял, что освободился от обаяния «баррикадной» поэзии. В герасимовском фильме «У озера» слушателю, не понимающему смысла стихов, задается вопрос про *мурашки*. Мол, мурашки-то бегают по спине? – Если бегают, то стихи хорошие. И с восприятием все нормально. Я тоже испытывал мурашки от стихов типа:

От ликующих, праздно болтающих,
Обагряющих руки в крови,
Уведи меня в стан погибающих
За великое дело любви...

«Умрешь не даром, дело прочно, Когда под ним струится кровь». Теперь не испытываю. Мурашки сдохли. Слова должны доходить до сознания смыслом, а не только музыкой с мурашками и прочим насекомым обаянием. Это же явный призыв скучковаться под красным знаменем. Или каким иным. Из подобных прокламаций пошли все эти «Пусть сильнее грянет буря...» А дальше – «Револьверный лай» двадцатых годов... «Вижу я, что небо небогато, но про землю стоит говорить» и прочее. Впрочем, тут и тошнотворная реакция на «зори» символизма. Богато небо, ибо поэзия подпитывается небом. Поэзия по своей природе метафизична. «Мгновенье поэтическое и мгновение метафизическое» – Гастон Башляя. В метафизическом плане русская

поэзия шла по *нисходящей*. Пласталась, переходя в утилитаристскую горизонталь. От М. Ю. Лермонтова, Ф. И. Тютчева, А. А. Фета, А. К. Толстого, В.С. Соловьева, А.А. Блока... к «револьверному лаю» и к «штыку». Поэтому «Мы разучились нищим подавать...» – весьма показательная строчка Николая Тихонова. Бога забыли, что-то независимо высшее. Впрочем – не доходили. Ибо за каменной спиной партии стало уютнее и надежнее, чем тет-а-тет со вселенной и хайдеггеровской «тоской пустоты», которая должна *жертвенно* быть заполнена именно тобой... Однако, восприятие – это мое *личное* дело. «Пресволовнейшая штука» поэзия будет наверняка и далее существовать в виде призывных стихов – «и ни в зуб ногой». С пометкой «агитка»... Тем не менее, мне по-прежнему нравятся такие, например, искренние строки Н. А. Некрасова:

...И пришлось нам нежданно-негаданно
Хоронить молодого стрелка.
Без церковного пенья, без ладана,
Без всего, чем могила крепка.
(Это же с ума сойти – какая строчка!)

109

...Как-то по-новому взглянулось после *нашего* декабрьского 2002 года цунами на статью Блока «Горький о Мессине». На слова: «Между тем сицилийское и калабрийское землетрясение – событие мировой важности, и оценить его мы доселе не в состоянии. Чтобы ни говорили, как бы ни локализовали его значение, оно *изменило нашу жизнь*». А дальше Блок приводит примеры ужаса и величия человеческого духа. Изменила ли стихийная океанская волна что-либо в нашем современном человеческом восприятии, отягощенном опытом XX века? *Просветила ли как-нибудь?.. Или промелькнула привычной виртуальной страшилкой за защитным стеклом телевизионного экрана?..*

110

...Рождается ли истина в споре? – Нет, не рождается – гибнет. Особенно в *русском* доморощенном споре. Три человека – и уже вавилонское столпотворение. У нас каждый носит свою заготовленную личную. С жаждой проорать в первые попавшиеся хмельные уши. Вбить, втемяшить в голову неблагодарного слушателя. По-глухариному протоковать на публику...

Какие-то ее нюансы можно уточнить, наверное, в спокойной философской беседе. Но по-настоящему открывается она одинокому сознанию (не синхронно с другим) и «лишь в короткие, привилегирован-

ные моменты». «Когда в нем загорается вдруг неизвестно откуда привнесенная искра, которую можно назвать Божьей искрой. Так что существует это особое состояние некой пронзительной или сладкотоскливой ясности...» – по Мерабу Константиновичу Мамардашвили...

111

...Любители Есенина пишут кипятком от незамысловатой поэтической формулировки, дескать, как здорово: «Лицом к лицу лица не увидать, Большое видится на расстоянни...» Фраза не на любителя, а на фаната...

112

...Есенинское: «Если б не был бы я поэтом, То, наверное, был бы мошенник и вор...» Не совмещается и то и это. Дело всепоглощающее монолитное – поэзия. Не хобби – судьба. Тем не менее, судьба человека весьма проблематична и пугающе вариантина. Особенно в юности. До тюрьмы...

113

...О, соблазн сослагательного наклонения – если бы да кабы! Отчаянное кусание локтей вслед безнадежно ушедшему поезду. «Доведи Петр Аркадьевич свои столыпинские реформы...», «Не случись октябрьского переворота...» А до этого: «Не стрельни этот самый студент в Сараево в эрцгерцога Фердинанда...», «Не поспи Рахметов на гвоздях...», «Не приснись Вере Павловне радужный сон...» И – вновь это недальновидное сиюминутное политическое хватание за грудки. И – убежденно растаращенные зенки под разноцветными знаменами и флагами... И – многообещающее симпатично пухлое чичиковское лицо реформатора на глазах обращающееся в свиное рыло... И – бесконечная бесполезная индустрия анализа причинно-следственных связей... И... что? История – это фатально ускользающая и вечно кидающая нас шлюха?..

...Ладно, застрелили эрцгерцога. Но окажись австрийский император мягче нравом и не объяви войны... Петр Аркадьевич возьми и выживи... А «вечно живой» и «такой молодой», прости господи, помри, сыграй в ящик, дай дуба, заверни ласты, пока как мавр не сделал своего дела... Вот такие праздные и бестолковые мысли пришли в голову при чтении «О невозможности жизни; о невозможности прогнозирования» Станислава Лема...

114

...Говорят, знать – это воспроизвести. Читал Мартина Хайдеггера «Время и бытие» как гоголевский Петрушка по буквам, который удивил

лялся складывающимся словам. Тягуче трудно. Удивляясь брезжущим смыслам. Не читая, в сущности, а заглядывая. Не для воспроизведения на экзаменах с четко вызубренными формулировками, а понюхать. Теперь я знаю, *как* там пахнет. Просто знаю – без слов...

115

...Поэзия – дактилоскопична. И палец вроде бы такой же, и линии, а узор – уникален, неповторим. Однако, достаточно ли оригинальности и пр. «ананасов в шампанском»?..

116

...Лермонтовское:

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездою говорит...

Это же бауховская «Токката и фуга ре минор» в словах!..

117

...«Да, слава в прихотях вольна...» – Пушкин. Повезло Иммануилу Канту. Если депутаты и бизнесмены то и дело щегольски цитируют «попсовую» фразу про «звездное небо над головой и нравственный закон во мне». Не с легкой ли руки Юрия Тынянова со своим «Кюхлей»? Впрочем, не будем подозревать депутатов в невежестве – читали, наверное, Иммануила. Поистине неисповедимы пути популярности. Но мир уже давно не благостно кантовский. А плюс гуссерлевский, хайдеггеровский, сартровский, фрейдистский...

118

...Настоящая эврика шукшинского Романа Звягина, героя рассказа «Забуксовал». Шок:

- Валер! – позвал он. – А кто на тройке-то едет?
  - Селифан. – Селифан-то Селифан! То ж – кучер. А кого он везет-то, Селифан-то?
  - Чичикова.
  - Так... Ну? А тут – Русь-тройка... А?
  - Ну. И что?
  - Как что? Как что!? Русь-тройка, все гремит, все заливается, а в тройке – прохиндей, шулер...
- ...Кого сегодня несет залихватская Русь-тройка в шестисотом «мерсе»?..

119

...«Глаголом жечь сердца людей...» Глаголом Вишневского что ли? Рубальской?...

120

...Сколько «испытанных остряков» развелось, господи боже мой! Читает, например, поэт Игорь Иртеньев свое «классическое»:

Я женщину одну любил
та-та-та-та-та-та,
но у нее был муж дебил,
и нам пришлось расстаться... —

И смеется огромный завороженный эстрадой зал, потому что «это не про тебя, а про твоего соседа». Веря на слово лирическому герою, что у его подруги — муж дебил. Пища для психолога. А где же апелляция к разуму? Ведь дебилизм — явление клиническое. Чтобы так утверждать, необходимо квалифицированное основание. Может быть, ты сам, лирический герой, дебил. Кто знает?.. За любовь обидно очень («пришлось», видите ли) — не выдержала, в сущности, пустяшного испытания... Хамоватые стихи...

121

...В памятной песенке — текст Е. Евтушенко — есть такие мечтательные слова: «Рано или поздно не будет дураков». Дураки будут всегда. Другие, но будут. Поскольку жизнь не триумфально финишное или эсхатологическое явление, а вечное нескончаемое проблемное становление. В этой же песенке есть и другие обнадеживающие строчки: «Рано или поздно не будет в мире войн». К сожалению, и войны будут всегда, ибо, ибо...

122

...Свершилось событие огромного масштаба («Там бесы, радуясь и плача, на рога Приняли с хохотом *всемирного* (В.С.) врага») в пушкинском стихотворении (Подражание итальянскому), коль сам Сатана, с этаким начальственным любопытством — какая пластика! — дескать, ну-ка, ну-ка:

...привстав, с веселием на лице
Лобзанием своим насквозь прожег уста,
В предательскую ночь лобзавшие Христа. —

Вот ты какой — этот самый Иуда!..

123

...«На свете счастья нет, но есть покой и воля...» – По-моему – и покоя нет. Да и воли тоже... Впрочем, счастье есть (не то, рекламное, в виде ослепительных улыбок по поводу покупок товаров). А та окончательная, прощальная, поверх всего земного – ослепительная навзрыд радость несущейся к Богу души; заключительная, звенящая, переполненная слезами в растирашенных глазищах...

124

...Чья вы думаете рифма «одеты-адепты»?.. Гаврилы Романыча...

125

...Эпохальная строчка Николая Тихонова: «Мы разучились нищим подавать...» Да и запрещаться нищие стали (зато сейчас уж разрешены так разрешены. Нищета – бизнес. Попрошайки – работники фирмы). В ней заключен весь революционный *вывих* и радикализм советского времени... Казалось бы, мелочь – подавать нищим... мелочь...

126

...Поэзия Бориса Скотневского дает ощущение двоякости, антиномичности жизни в самой ее основе. Это всегда нерасторжимый сплав двух разнополюсных понятий (сестер-близняшек): «жизнь-смерть», «любовь-вражда», «Радость-Страданье» – блоковские. И приемы соответственные: оксюморон, параллелизм, контрапункт: «Где я вусмерть счастливый стою». – Понятно, вусмерть пьяный, то есть почти мертвый – одно направление. А тут – счастье все-таки... Или: «Коля, Коля, мой горький счастливчик...» – Выпивает, поэтому горький, но еще и счастливчик, поскольку такие знаменательные (*знача!*) слова сказал... Еще примеры: «С этой жизнью, святой и продажной, ...С этой Родиной, доброй и страшной...», «Самая вечная новость...» – имеется в виду кантовские «Звездное небо и совесть». У Бориса Скотневского «...Я сросся кожей всею со временем. И нет родней оков» – оковы, оказывается, могут быть родными. И не для красного необязательного словца, а совершенно оправданно. Выкованные на род-ине. Местные. О любви сказано: «Я б выжил без нее. Но только с ней Я горе упустил и счастье мыкал...» В этом духе написан роман с парадоксальным, но весьма логичным рефреном слова «причинил»:

Вот и все. Вот и все. Наступает пора
Нам с тобой отвыкать друг от друга –
Слишком много тебе *причинил* (В. С.) я добра,
Ну а это прощается тugo.

...Слишком много тебе причинил я любви...

...Слишком много тебе причинил я души... –

Вырванный из привычного обиходного затасканного контекста, глагол «причинил», в освеженном и преображенном виде, придает сюжету стихотворения исключительную экспрессию...

127

...Блок-соловей сам залетел в пролетарский курятник. Мистические зори обернулись плакатными. Какая к черту «революция духа»!..

128

...Обыкновенная приземленная жизнь с «любовью к ближнему» с грехом пополам пережила и пресыщенные откровения Экклезиаста и вдохновенные порывы к «призракам» нитцшевского Заратустры...

129

...А. А. Галич – ясный смысловой реалистический поэт. Кстати, «Королева материка» – драматически гениальные стихи. А запнулся я на весьма иррациональной строчке:

А он, дурак *недоенный* (В. С.),
Сидит и водку пьет... –

Клим Петрович Коломийцев. Что значит «недоенный» применительно к выпивающему человеку? Может, глаза грустны как у недоенной коровы?.. Чувствую, что-то решительно шуточное... но не понимаю...

130

...Блок в воспоминаниях Зоргенфрея, на вопрос «почему не пишете стихи» ответил: «Можно и не писать стихи, а оставаться по-этом». Хотя это его и мучило. С какого момента можно *так* заявить? Ибо в поэзии количество продукции не переходит в качество. Сколько нужно песчинок, чтобы образовалась куча? «Куча» поэта?.. Глыба Блока...

131

...«Цель творчества – самоотдача...» – Пастернак. Было бы что отдавать. Путь поэта – голо-словный путь человека... Поэзия – вера *на слово*...

132

...Известно, что Горький, представляя марсианам человека, показал бы на Блока: вот человек в сущности. Но в непосредственных воспоминаниях Горького о Блоке такого впечатления нет. Они мне при первом чтении показались самодовольными и надменными. Перечитал этак лет через десять – то же стойкое ощущение. Мемуарист спокойно умен, снисходителен, страшно эрудирован... Объект изображения безосновно путан, нервен, растирян... Принадлежащ *старому* миру. Что ж, год публикации – двадцать третий. «Ирония истории» пока что не коснулась *буревестника*...

133

...Роман Захара Прилепина «Санька» – остро провокационен. Что-то вроде «Что делать» сегодня Николая Гаврилыча. Не отягощенного лучезарными «снами» Веры Павловны о тучных нивах. Но наверняка кого-нибудь тоже «перепашет». Ибо скорее мстительно жертвенен, чем радужно оптимистичен по пафосу. Роман-возбудитель политического спектра. Роман-магнит, подымающий и ощетинивающий в разные стороны железные опилки штыков. Люмпен замастурбирует со сладкой слюной о шмоне. Чиновный «государственник» еще рьянее озабочится об ОМОНе... Философ мудро запечалится и перечитает «Вехи». Олигарху как Вио жир не даст поднять сытые веки... И т. д. А в сущности, система власти заложила в корне воспроизведение этого кровавого продукта...

134

...Тошнотворно пресыщенное пост-состояние: «О закрой свои бледные ноги...»

135

...С удовольствием прочитал что-то вроде афоризма у Мераба Константиновича Мамардашвили в «Картезианских размышлениях»: «Занятое место в сознании и есть память». Помню (значит, до сих пор имеет место) читал – нет, грыз гранит науки – книгу-исследование М. П. Алексеева о Пушкине. Наивно удивляясь, что можно столько страниц написать о крохотном «детском» стихотворении Александра Сергеевича «Роза» («Где наша роза, друзья мои, Увяла роза, дитя зари...»)!.. И только в этой связи, в связи с чтением, запомнилась *обстановка*. Сидел, пристроив стол и стул в тени под яблоней в саду. Тень уходила с солнцем. Я «догонял» ее столом и стулом... Я не знал, зачем я все это читаю – довольно скучное. Читал наобум. Количество чтения *потом* перешло в какое-то качество. Спаянные перекликающиеся го-

лоса родителей досадно пробивались сквозь мою упорную сосредоточенность... Это было еще какое-то по состоянию души окрыляющее начало, а не экклезиастовская пластирующая тяжесть... Ностальгическая тяга возвратиться в «райский» сад молодости – перелистать книгу еще раз. А все некогда и некогда... Еще родители были живы...

136

...«Лепить горбатого» – это класть не ту костяшку в игре в домино. Игорь Северянин на 99% этот самый «горбатый» в русской поэзии.

...Как обольстительное пойло, –
Колдуйный нектар морефей...

Чудовищно!.. И все-таки это поэт:

Ты влилась в мою жизнь, словно струйка токая
В оскорбляемый водкой бокал...

137

...Сейчас поэзия для меня – дело интимное. Не площадное «чумаковско-кашпировское» опьяненье, а трезвая «баратынская» одинокая молитва и опоминанье:

Царь небес, успокой
Дух болезненный мой.
Заблуждений земли
Мне забвенье пошли.
И на строгий твой рай
Силы сердцу подай.

Или перекликающееся пушкинское: «Отцы пустынники и девы непорочны...». Или монументально ходасевичевское: «Проходит сеятель по ровным бороздам...»

138

...Говорить и понимать – разные вещи. Эфирное безбожное говорение превратилось в продажный звуковой развлекательный фон, шоу-шум, пустопорожний звук. В заговаривание своих же сияющих эстрадной улыбкой зубов. Смысла и пользы от говорения слов не прибавляется. Говорение слов – не информационная необходимость, а кайф. Говорение – буквальная «лингвистическая катастрофа» современного человека. Речевая опухоль, флюс, недержание цивилизации.

Словесная булькотня. Говорящий считается умным. Златоуст. Затейник. Диск-жокей... Туповато молчащий рубцовский Филя как раз *отговорил* (другие за него *так* отговорили: те или эти). Он только доречево-потопно *понимающ...* «А о чём говорить?»...

139

...К философской истине нельзя призвать. К ней невозможно прийти дружным строем. Или школьники постичь на публичной усыпляющей лекции. Только по одиночке и не одновременно. Апеллировать к ней бесполезно. В нее можно только *впасть* при условии. Выпасть в выстраданный осадок. Ее нельзя низводить до утилитарной политической доктрины или программы. Ницше не виноват: он ее невольник. Он попался на нее, на истину. Если бы все разом прониклись откровениями Экклезиаста, жизнь бы остановилась...

139

...Дочитался – не помню: то ли Тютчев Фету сказал «томов премногих тяжелей», то ли Фет Тютчеву, но все равно впечатляет...

140

...Интересную философскую тему художественно *прожил* Андрей Пестов в рассказе-утопии «Блуждающий огонь» – тольяттинский журнал «Город» № 16. Человек, надо полагать, этот самый огонь мечущийся. Ищущий «счастья». Впрочем, он давно уже не властен в выборе. Или цивилизация по западному образцу, прогресс во что бы то ни стало, или обочина – по Карлу Ясперсу («Смысл и назначение истории») – и исчезновение. Пример «обочины» из «Огня...» пестовского: «Постепенно сливаясь душой и телом с природным ритмом острова, океана и небес, я, тем не менее, мало помалу начал испытывать необъяснимую тревогу и тоску. Я попытался представить себе, что будет, если я останусь в этом мирном раю навсегда, вплоть до самой смерти? Купаться, рыбачить и собирать кокосы... Никаких газет, телевидения и прочего дерьяма... Когда малышка Ди подрастет, я на ней женюсь, и у нас пойдут дети... А потом все повторится (спасешься ли уже отравленный?)». Но ведь прогресс – это некая оптимистическая вера в бесконечность развития и выживания. И в «миссию» разума. В провиденциальную или гегелевскую «задумку» вселенной... А если никакого сверхсмысла нет? Жизнь – банальное спонтанное барахтанье и простая адаптация?.. Какая разница между замкнутой на себе жизнью полинезийского аборигена и вырвавшегося в космос конквистадора перед перспективой превращения нашего красного солнышка в «красного карлика? – Конец один!.. Хотя... есть разница: полинезиец не рефлектирует на эту тему...

141

...Могу ли я так же твердо и без обиняков заявить, как Владислав Фелещианович Ходасевич в «Балладе»: «Мне мир прозрачен как стекло...»? А дальше: «А он сейчас разинет рот пред идиотствами Шарло». Безрукий то есть, идущий в синема... Нет, не могу. Не до донышка он мне прозрачен, мир. Вроде бы потерлось покрывало май до легкого флера, туманной дымки... Мучительно приподнять за край – заглянуть... Ах, не спеши – заглянешь еще, заглянешь...

142

...Вот говорят: «Глобальное потепление, глобальное потепление... Парниковый эффект...» Однако и раньше происходили отклонения от нормы, судя, например, по стихам И. Северянина «Март»:

Март – точно май: весь снег растаял,
Дороги высохли; поля
Вселенский луч теплом измаял,
И зеленеет вновь земля...

А у Пушкина: «Зимы ждала, ждала природа, Снег выпал только в январе...»

143

...Какие-то строчки не сразу доходят до сознания. Что-то должно качественно измениться в тебе, чтобы они вспыхнули потайным смыслом. Дорести, что ли, надобно. Искуситься... К таким отношу стихи Некрасова:

Я не люблю иронии твоей,
Оставь ее нежившим и отжившим...

144

...Иду по улице, и сами собой всплывают в голове строчки живущие:

...Как вы смеете называться поэтом
и, серенький, чирикать как перепел.
Сегодня надо *кастетом*
миру кроиться в черепе (В.С.)...

Жуть!..

145

...Скользкая тема суицида в литературе. Сколько б ни думал об этом Левин (да и сам Лев Николаевич в «Исповеди»), сколько б ни избегал веревки, пока не дошло до настоящего *дела* (пардон) – все треп. Психологическое состояние может быть крайне тяжелым («Лежу – так больше расстоянье до петли...» – Высоцкий), но только непосредственно само накладывание на себя рук удостоверяет степень этой тяжести...

146

...И еще раз к строкам Пушкина: «И славен буду я, доколь в подлунном мире Жив будет хоть один *тиит...*» Восприятие поэтического смысла – это апостериорное восприятие. Поэтому *народом* не воспринимаются «сложные» поэты. Поэты для поэтов. Лишь искущенный в поэзии (в том числе в техническом плане) может испытывать не моральный, а эстетический кайф не только подсознательно, но и со знанием *дела...*

147

...С добрыми юбилейными намерениями невозможно написать хорошие стихи. Не в техническом – метафизическом плане и контексте. Например, блоковское стихотворение «Пушкинскому дому». По моему совершенно закостеневшие строки:

Что за пламенные дали
Открывала нам река!
Но не эти дни мы звали,
А грядущие века.

Пропуская дней гнетущих
Кратковременный обман,
Прозревали дней грядущих
Сине-розовый (!! – B. C.) туман.

(*На хрен нам грядущие века – они непроницаемы!*)

Вроде бы цепляют строчки: «Пушкин! Тайную свободу Пели мы во след тебе!» Никакой «тайной» свободы нет, если иметь в виду не политическую свободу. Способность видеть земное и суетливое в высшем свете, соизмеряться с ним – тайная свобода? Это как талант – он есть или его нет...

148

...«О, Русь моя, жена моя, до боли...» – блоковская щемящая строчка. И эти, Андрея Минеева из «Степных рек», бесхитростные прозаические: «Ребятишки играют в коридоре, на лестнице. Гурьбой гомонящей черномазая цыганистая пацанва носится. Но вдруг с ними, среди них виднеется беленькая голубоглазая девочка...» – Вышибающие мою ретроградную *племенную* националистическую слезу...

149

...Сознание не может жить все время в экстремальном адекватном режиме. Уютной иллюзии ему подавай. Суеверия. Мираха, усыпляющего бдительность. Защитной молитвы: Господь вас храни... Попятной... Таким образом люблю век девятнадцатый. Как заповедник с чистыми водами да ключами. Все ужасы XX-го еще впереди. Хотя уже писал с горечью Тургенев, что, мол, не так поют курские соловьи, как в старь, не так... Письма частные читать люблю старинные. Пишет, например, какая-нибудь скучающая барышня из своего «дворянского гнезда»-далека письмоцо в суетливую столицу. Задумываясь, тараща прекрасные очи *физически* живые, на *актуальные* трепеты июньских листьев в окне распахнутом... И Пушкин небрежно в строчках ее витиеватых мелькает – «le premier»... Не убитый еще...

150

...Тосты многое могут сказать. Даже о состоянии нации. Тост может быть уместным и содержательным. Тогда это культурный праздник, а не расхристанная пьянка. Тост это *форма*. Как мы пьем? – бесформенно, хаотично, *бесцеремонно*. Человека удерживают на человеческом уровне хрупкие и, вроде бы, необязательные формы, церемониалы. «Все у вас как на параде» – возмущается Полиграф Полиграфович. «Ну, будем...» и – поскорее в глотку. Механическое: «Будь здоров». «За...» – с вариациями. «Между первой и второй промежуток небольшой». По-шариковски: – Ну, желаю, чтоб все... У Похлебкина в «Истории водки» описан факт, где русское войско проиграло битву орде вдрязг перепившихся... На реке *Пьяной*. Есть ощущение, что мы и сейчас, с нашими пустопорожними проговорами, что-то безнадежно проигрываем и пропиваем... Как там у Высоцкого?

Ну о чем с тобою говорить?
Все равно ты порешь ахинею.
Лучше я пойду к ребятам пить –
У ребят есть мысли поважнее.

У ребят серьезный разговор:

Например, кто *водку пьет сильнее* (! – В.С.)

Количество выпитого возводится в национальную доблесть... То ли дело:

Чарочка моя серебряная, на золотом блюде поставлена!

Кому чару пить? Кому выпивать?

Пить чару, выпивать чару Алексей Степанычу!

Чтобы у него головушка не болела.

Ретивое сердечушко не щемило...

Чарочка *серебряная*, блюдо *золотое*, а не пластмассовые стаканчики подзаборные. На форму нужно «тянуть», соответствовать ей... Форма подтягивает. Военный мундир, концертный фрак, размеренное стихотворение...

151

...*Социалистический реализм* (мать его и царство ему небесное присно и вовеки веков) – был бесконечным зомбированием *надеждой*. Особенno преуспевала в этой «фабрике грез» советская эстрада: «Надежда – мой компас земной», «Все еще впереди – надейся и жди», «Впереди у жизни только даль» и т. д. и т. п... Зомбирование надеждой – еще и никогда не затупляющийся политический инструмент. 10 т. пенсии в 2007 году – без экономического и прочего контекста... Социалистический реализм жив и в литературе: – Чернуха! – главный ярлык записного чиновного оптимиста. «Как грустна Россия...» – вымолвил, между прочим, Пушкин на чтение Гоголем «Ревизора», а не – «Зачем ты ее чернишь...» Понимание – пугающе ужасно...

152

...Отчего женщины длинноволосы? Ученый антрополог Ян Линдблад выдвигает следующую версию: в добыче корма (плоды деревьев, плавающие в заводях) древние люди много времени находились в воде. Приходилось выпрямляться, тянуться, стоять по горлышко – эволюционно *вытягивались* ноги. А у женщин эволюционировали еще и волосы: в длину! Чтобы за них могли держаться человеческие детеныши. Руки мам освобождались для сбора. А дети, чтобы быть при, сами держались – держались за волосы в бурных речных потоках, *вытягивая* эти волосы, эволюционирующие в женскую красоту. Вот так...

153

...Апории сознания. Тупики. Например, бесконечность. Бессилие ума перед ней. Можно заглянуть при помощи телескопа в немыслимые дали, за коими еще такие же не менее немыслимые дали парсеков... Проанализировать вещество до частицы, до йоты. Но бесконечность только отодвинется. До Бога ли, Абсолюта ли... Мы – производное от всего этого. «Крайня степень естества» – Г. Р. Державин (формулировка по смысловой емкости потрясающая). Проглоченное око Гора...

Вот и Лев Николаевич на эту удочку попался. На «гордыню» разума. Смысла жизни заискажал в «Исповеди». Да и Левина своего «загрузил» этим... Так что оба веревки стали сторониться пугливо (быть или не быть?)... Коварен разум, *самоубийствен*... Хоть и можно умом и раскидывать и рассчитывать, ибо *техно*... Смысл жизни, видите ли, нужен ему... А вон куда довести может эта самая «правдивость с самим собою»... *Само-стоянье*... Появлен неверен? Парадигма?.. Не лучше ли уютно дисциплинированно прильнуть к «столпу истины» веры?.. Вечная тема: вера Богу или оку? На нее крепкую положиться – и блюсти?.. А вы все вопросы да вопросы: – Зачем? Почему? – Да по кочану! Живи себе и не думай. Зачем видеть «ужасную истину»?.. С другой стороны: «сон разума порождает чудовищ»... Мы хотим анестезироваться от «ужасных истин» дремучим средневековьем: гороскопами, гаданием на картах, сонниками, Чумаками-Кашпировскими и пр., спокойно пользуясь мобильником и на автомобиле катаясь. Хотя у нас ничего культурнее и практичеснее *науки* разума нету (впрочем, и бездны)...

Спасибо Льву Николаевичу за проделанный над собою опыт. Ибо это и наш опыт. Поскольку (по-моему, декартова мысль) если один человек об этом по-настоящему подумал (можно подумать об этом, а можно и не подумать – пройти без-думно), то и человечество об этом уже подумало... О смысле жизни. То есть и мы – суетливыеaborигены...

154

...Одиночество человека в мысли драматично. «Мысль изреченная – есть ложь...» Не потому что невыразима словами. «О действительных мыслях не стоит и мечтать написать...» – Платон. Не потому что слова «бледны»... Мыслительное состояние нельзя пережить хором. *Duo si dikunt, non est idem* (двою, говоря одно, говорят разное). Мысль – экзистенциальный признак одиночества и социального разнобоя. Можно скопом построить пирамиду, баррикаду, но не вавилонскую башню...

155

...Тема земных звуков да шумов. До человеческих и человеческих. Природных в виде трубного рева тоскующего на закат динозавра. Или безразличного убийственного апокалиптического гула океанской волны цунами. Пожирающий плотоядный хруст и треск за ушами *естественному отбора*... Не облеченные в слова и понятия физические звуки первозданного мира – *беспризорные*... А потом: звон бронзового и железного оружия («Лемносский бог тебя сковал...»)... Грохот огнестрельного... Звуки паровой машины... XIX век, в сущности, еще лишь детский лепет звуков... То ли дело XX век – *искусственный* звук термоядерного взрыва...

156

...Вот Константин Бальмонт: «Будем как солнце!» Будем как дети! Какая-то в этом призыва-лозунге изначальная подспудная фальшь. Нельзя никак *по желанию* стать «солнцем» и светить. Ибо природа. Можно, наверное, прикинуться солнцем... «Покосить» под него... М. К. Мамардашвили приводит пример с тираном. Если уж тиран – то тиран. Невозможно чуть-чуть побывать им, а потом вдруг обратиться в душку. Так не бывает...

157

...«Четырехстопный ямб мне надоел. Им пишет каждый мальчикам в забаву...» – так выразил недовольство амортизированной формою Пушкин. И это так, если иметь в виду поэзию как форму, а не дух. Дух же дышит где хочет. Новизной формы можно убежать на какое-то время от эпигонов... Но колесо всегда останется колесом в своей основе (ибо так или иначе, но выражено *стихами*): деревянное античное или современное от (подставляй марку известной фирмы). Поэтическая форма – то же колесо. Когда кондаково подталкивают русский стих к верлибуру (верлибр – тоже колесо), мол, рифмовать можно научить и обезьяну, забывают про этот самый дух. В образованном дворянском XIX веке рифмовали кому не лень. А сегодня это просто-напросто всемирный стихотворный потоп... Но есть ли в нем поэзия в высшем смысле этого слова?.. Будто бы верлибр – панацея...

Был бы Федор Иванович Тютчев, например, поэтом, если бы был лишь автором «прикладных» стихотворений: юбилейных, мемориальных, политически злободневных и т. д.? Без таких как «Как сладко дремлет сад темно-зеленый», «О чём ты воешь, ветр ночной?», «Тени сизые смесились», «SILENTIUM!», «Святая ночь на небосклон взошла...» и т. д.? Есть нечто внестихотворное, не укладывающееся в

рамки формы, назовите это сакральным, коему необязательно воплощаться в виде стихов, неуловимое для клонированных графоманов и имитаторов... Сие *нечто* было доступно слуху Тютчева...

158

...Тоже ведь реплика читателя требуется на такой «геббельсовский» уровень наглости и вранья: «Потомственная гадалка: предскажу судьбу, помогу снять порчу, вернуть мужа (стопроцентная гарантия), избавлю от одиночества...» Боже мой...

159

...Возвышенный, «летучий» образ балерины Истоминой, воспетой Пушкиным в «Евгении Онегине»

(...она,
Одной ногой касаясь пола,
Другою медленно кружит,
И вдруг прыжок, и вдруг летит,
Летит, как пух от уст Эола...)

подкорректировался для меня приземленными бытовыми деталями «Воспоминаний» Авдотьи Яковлевны Панаевой. Где рассказывается как она, балерина, протежировала на театральной ниве бездарного молодого человека Годунова, не жалея «денег на подарки чиновникам». Потом вышла за него замуж «...и он быстро растолстал. Его лицо лоснилось от жириу...» Ходил он весь в бриллиантах... И как не долго Истомина наслаждалась супружеским счастьем: «...ее здоровяк муж схватил тиф и умер...»

160

...На одном из своих выступлений Маяковский остроумно и находчиво ответил на откровенную реплику из зала (типа того, что «...ваши стихи забудут через сто лет...»): мол, заходите через сто лет, тогда и поговорим... Имелись в виду стихи, конечно же, «ассенизаторские». Что ж, 100 лет почти прошло, пора подбивать бабки...

Любопытен также отклик Маяковского на смерть Блока в контексте пролетарской «продвинутости»: «Умер Александр Блок». Заключительные строки: «Я слушал его в мае этого года в Москве: в полупустом зале, молчавшем кладбищем, он тихо и грустно читал *старые* (! – В. С.) строки о цыганском пении, о любви, о прекрасной dame, – дальше дороги не было. Дальше смерть. И она пришла».

Вот такая вот «схема смеха»...

161

...Прошлая эпоха – непостижимый отрезок времени. Создается впечатление, что в XIX веке люди были сумасшедшими в жажде истины, если после лекции, например, Т. Н. Грановского вели себя следующим образом: «...поднялся страшный и продолжительный шум аплодисментов. Студенты бросились к Грановскому, жали ему руки, подняли его и на руках понесли по зале к выходу...» (Из «Воспоминаний» А. Я. Панаевой) Будто профессор забил гол как футболист или прыгнул в беснующееся море фанатов как кумир рокер. С таким же громоподобным успехом проходили лекции философа Владимира Соловьева...

Утопическим кровавым умопомешательством отметился век XX... Пробежался я глазами по статьям и стенограммам Маяковского уже из сегодняшних дней – это же сплошной «револьверный лай! Зубодробильня... Какое «створение нового мира» с нуля? Какой «новый человек»?.. И все это сбрасывание «с корабля современности». И стукаческая борьба с «есенинцией» и «булгаковщиной»... Очень точные к этому слушаю слова Хоце Ортеги-и-Гассета из «Восстания масс»: «Попытка порвать с прошлым, начать все с нуля – это попытка стать или притвориться орангутангом».

Подозреваю, что и наше время будет для потомков не менее диковинным и сумасшедшим... Видимо, это история так в муках корчится и изворачивается эпохами...

162

...В лозунге «ни дня без строчки» – заключается ремесленная сторона творчества. Технический тренинг. Производство литературной продукции. Но не чуда поэзии! Речь не о «чудотворстве». «Молчите проклятые книги, я вас никогда не писал!» – восклицает Блок в какой-то роковой момент истины. Или Марина Цветаева выразила те же драматические «ножницы» между тщетою и трансцендентностью:

...Может быть, отказом взять,
Вычеркнуться из зеркал?
Так: Лермонтовым по Кавказу
Прокрасться, не встревожив скал?..

Поэзия – нечто до читательское («дорубальское»), до гонорарное... То, что Пушкин говорил «пишу для себя...» Истинный поэт высказываетя через не могу. Он может и не воплощаться в мирском слове. Слово – вынужденная, случайная мера...

163

...Ни у кого в русской поэзии не было столько жеста, движения, пластики как у Сергея Есенина. В основном – умствование. Он поэт представляющий, а не рассекающий сознанием. Есенин и сам где-то в письмах пишет об этом, кажется, Иванову-Разумнику. То есть это осознанный прием поэта. «Взволнованно ходили вы по комнате...», «Я иду долиной. На затылке кепи...», «Дорогая, сядем рядом. Поглядим в глаза друг другу...» и т. д. Поэтому его поэзия читается как трагический сюжетный (с завязкой, пиком, развязкой) роман сквозного действия...

164

...Поистине по-vasiliuslavevski замахнулся Есенин в одном из своих писем на «теоретическую» тему: «...Блок по недоразумению русский, а Клюев поет Россию по книжным летописям...» Еще: «Блок – поэт бесформенный, Клюев тоже...» Конечно, у него есть аргументы (к сожалению, надо много цитировать). Продолжая: «Я очень много болел за эти годы, очень много изучал язык и к ужасу своему увидел, что ни Пушкин, ни все мы, в том числе и я, не умели писать стихов...» Речь, в сущности, идет о рифме. О недопустимости глагольной рифмы. (Замечу в скобках: интересно, Блок концентрировал глагольные рифмы, например, в стихотворении «Превратила все в шутку сначала...» от неумения или, все-таки осознанно?) Что надо рифмовать «слова разных образных смыслов» и т. д. К каким практическим выводам он пришел: «...рифмую теперь слова только обрывочно, коряво, легкокасательно, но разносмысленно, вроде почва – ворочается, куда – дал и т. д.» Тут и Маяковскому досталось... Впрочем, одним из первых реформаторов рифмы по слуховому принципу, а не по визуальному был А. К. Толстой, считавший рифму достаточной, если рифмовались ударная гласная и последующая со-гласная, типа «широкой-потока», «пустыня-отныне»... Что ж, позиция Есенина ясна...

165

...Ну, разберем мы на волокна гоголевскую «Шинель» – добудем ли тайну? Ну, научимся мы «как делать стихи» – будет ли чудо? Ну, разъединим мы мозг на нейроны и химические реакции – обнаружим ли ум? Рассечем грудную клетку – найдем ли там душу?..

166

...На всю жизнь зацепившие строки Есенина, которые с годами только ёмчеют смыслом:

Все живое особой метой
Отмечается с ранних пор.
Если не был бы я поэтом,
То, наверно, был мошенник и вор. —

Мало того, что мы *неизбежно* урождаемся какими-то такими, что закладывает судьбу, от которой, как известно, не уйдешь. Что какие-то обстоятельства накладывают отпечаток и формируют характер в сопротивлении жизни – не об этом речь. Каждый, наверное, может вспомнить какие-то свои юные *риски* и вариации. Читая Ортегу, буквально наткнулся на пример с вором: «Человек, чья энтелехия состоит в том, чтобы быть вором, *должен* им быть...» Как говорится, кому сгореть, тот не утонет. И: «Ужасно, но это так: человек, *долженствующий* быть вором, делает виртуозное усилие воли и избегает судьбы вора, фальсифицируя тем самым свою жизнь». Примечание к этим словам: «Главный вопрос в том, действительно ли вор – форма подлинно человеческого, то есть существует ли «прирожденный вор» в гораздо радикальном смысле, чем тот, который предлагает Ломброзо». То есть, как я понимаю, заложена ли Божья «программа» на вора человеку? Или как в есенинском случае: поэзия *случайно* оказалась громоотводом и «спасла» его от Божьего «плана»?.. Поскольку (последняя цитата): «Наша реальная жизнь – всегда существенная деформация нашей возможной жизни...» Дай Бог каждому вору «сфальсифицировать» свою жизнь *так...*

167

...Годами не открываешь Есенина, и вдруг распахнешь на испытанных строчках:

Я по первому снегу бреду.
В сердце ландыши вспыхнувших сил.
Вечер синею свечкой звезду
Над дорогой моей засветил... —

И снова те же: и волнение, и свежесть, и прелесть...

168

...Уж вбивали в башку, так вбивали: «Учение Маркса всесильно, потому что оно верно». До сих пор наизусть помню. Этого не может быть, потому что не может быть никогда...

169

...Чиновный Китай обижался на Высоцкого за его «китайские» песни: «Возле города Пекина ходят-бродят хунвейбины...», «Вдалеком созвездии Тау-Кита...» и т. д. Хотя автор не был, конечно же, китаененавистником и китаефобом. Он был *национальным* поэтом и выражал наш великороссийский менталитет. Бытовое «высокомерие» присуще не только нам. Тогда и поляки должны обижаться на Джойса за «пана Дрочинского»...

170

...И читаешь, например, мемуары Фаддея Венедиктовича Булгакина – и образец приличного и рассудительного человека предстает перед мысленным взором. Патриота. Отнюдь не Фиглярина...

171

...Вот что я еще прочитал у Иоганна Кеплера о «космических» полетах в «СНЕ ИЛИ ПОСМЕРТНОМ СОЧИНЕНИИ О ЛУННОЙ АСТРОНОМИИ». То есть про условия, при которых духи могли переносить людей на остров Левания, лежащий «в пятидесяти тысячах германских миль над землей в эфире». А именно: «Если путь открыт, то мы, духи, преодолеваем его легко». Это понятно – на то они и есть бесплотные духи. «Переносить же по нему людей черезвычайно трудно и опасно для их жизни». О, наша плоть – неизбежное бренное бремя! Ну, и сам процесс полета: «Окружив такого человека, мы общими усилиями толкаем его снизу и возносим на небеса. Всякий раз отправление действует на человека подобно сильнейшему удару, поскольку он ощущает такой толчок, будто им выстрелили из пушки и он летит через горы и моря. Поэтому прежде чем отправляться в путешествие, человека необходимо усыпить наркотиками и опиумом. Все члены тела надлежит расположить так, чтобы туловище не оторвалось от зада, а голова от туловища и удар распределялся по всем членам...»

Ну и о приземлении, вернее – о прилунении: «Поэтому мы по своей воле слегка подгоняем человеческие тела, и, обогнав их, летим перед ними, чтобы сильнейший удар о Луну не причинил им вреда. Пробудившись от сна, люди обычно жалуются на невероятную слабость во всем теле, от которой они затем оправляются настолько, что обретают возможность ходить». Ну не удержался я от пространных цитат, не удержался...

172

...Можно следующие стихи Тютчева воспринимать на физиологическом «понижении». В меру своей испорченности:

...Дева, дева, что волнует
Дымку персей молодых?
Что мутится, что тоскует
Влажный блеск очей твоих?

Что, бледнея, замирает
Пламя девственных ланит?
Что так грудь твою спирает
И уста твои палит?..

Или фетовские строки из стихотворения «На заре ты ее не буди...»:

...И чем ярче светила луна,
И чем громче свистал соловей,
Становилась бледнее она,
Сердце билось больней и больней...

Поскольку это какое-то коренное человеческое свойство: «понижать» или «повышать». Сквозная тема «сократической» философии. «Я царь – я раб – я червь – я бог!» Низводить или романтизировать. Делиться на «оптимистов» и «пессимистов». Материалисты во всем видят лишь подоплеку *интереса*, прагмы. И эта точка зрения подтверждается голыми *примерами*. Что человек – свинья (Брейгели или Босх). Но достаточно примеров и величия человеческого духа. И это также неопровергимо. Этому посвящена великколепная книга Б. П. Вышеславцева «Вечное в русской философии»... Да, конечно, женская грудь – это функционирующие молочные железы. Но не только они, не только молочные железы... «Оттого-то на юной груди, На ланитах так утро горит. Не буди ж ты ее не буди... На заре она сладко так спит!»...

173

...Гоголевский Башмачкин из «Шинели» и кафковский Замза из «Превращения» – социальные насекомые. Социальные близнецы-братья, находящиеся в атмосфере постоянного страха и риска быть раздавленными. Такова «насекомая» жизнь. Конечно же, это лишь одно

из измерений. Примитивным «сочувствием к простому человеку», о котором нам талдычили в школе идеологи для революционных выводов, не исчерпывающееся. Двух писателей роднит высшая пробы художественного отношения к человеку...

(Художественная атмосфера семейного равнодушия, отчуждения, механицизма в «Превращении» взята не с потолка, судя по «Письму отцу» Кафки, а сполна испытанныя «документально», на собственной шкуре.)

174

...Позволю процитировать собственные *позиционные* строки:

Совет поэтам самый первый:
пишите кровью... или спермой...

Многие поэты до «крови» не дотягивают. На худой конец «сперма», как чернила – тоже неплохо. Можно писать иными материями. (Брюсов, к слову, даже не спермой писал, а слюною, слонками: «Душу жжет неутолимая Жажда тела твоего!») Но не отдаляясь и не отделяясь в виртуальные сферы, когда рвется связь с теплом человеческого дыхания и тела. С пастернаковской «почвой и судьбой», где «кончается искусство». О, сколько нынче жертв голого звука! Упоения филологическими играми... У Карела Чапека в «Обыкновенной жизни» находим пример такого поглощенного звуком энтузиаста – «...это стихотворение, как оно начинается: «Как кокосовые пальмы бубнами зарокотали...» – Он выкатил в экстазе глаза. – Конечно, вы помните сами, как там дальше... А меня это задело мучительно, как будто некое неприятное воспоминание. Я пробормотал: – В жизни не видел ни одной кокосовой пальмы. Какая глупость! Юноша чуть не взвился: Все равно! – восхликал он. – Не важно, что не видели! Вы совершенно неверно понимаете поэзию! ...Орехи от ветра стучат друг о друга. «Как кокосовые пальмы бубнами зарокотали!» Слышите? Сначала четыре «к», это – орехи стучат; потом расплываются в музыку – «бубнинами зарокотали»... Наверное, я ничего не понимаю в поэзии, но мне почему-то по душе и по сердцу такие «безчетырехкаевые» тютчевские откровения:

Вот бреду я вдоль большой дороги
В тихом свете гаснущего дня...

Тяжело мне, замирают ноги...
Друг мой милый, видишь ли меня?..

175

...Узкоспециальный взгляд на вещи носит печать исключительной рациональности. «Безостановочный ум» платоновского инженера-электрика Николая Вермо всегда творчески активен и логичен. «Вермо глядел ей вслед и думал, сколько гвоздей, свечек, меди и минералов можно химически получить из тела Бесталоевой». «Зачем строят крематории? – с грустью удивился инженер. – Нужно строить химзаводы для добычи из трупов цветметзолота (*аббревиатура блеск!* – В. С.), различных стройматериалов и оборудования»... Креста на нем нет...

Узкоспециальный подход к проблеме весьма ограничен. Помните, как напутствуют героя Высоцкого в песне «Честь шахматной короны» – футболист, боксер, повар:

...«Не спеши и, главное, не горбись, –
Так боксер беседовал со мной. –
В ближний бой не лезь, работай в корпус,
Помни, что коронный твой – прямой».

...И в буфете, для других закрытом,
Повар успокоил: «Не робей!
Ты с таким прекрасным аппетитом –
Враз проглотишь всех его коней»...

Работая в лесу, я испытывал подобное узкоспециальное «миро-воззрение». Поскольку и в парке культуры подспудно продолжал смотреть на комли деревьев в качестве хищнеющего лесоруба. Эдак мысленно принаршиваясь и пристраиваясь к ним с бензопилою...

...Кстати, нацисты фашистской Германии оказались гораздо практичеснее и масштабнее мечтательного героя «Ювенильного моря»...

176

...Ворона Аннушка так или эдак и для всех нас (тыфу-тыфу!) пролила свое роковое масло...

177

...Вот она, голая свобода: – Я от бабушки ушел, я от дедушки ушел, я от волка ушел... И т. д. Колобок и Демон – родственники по судьбе...

178

...Велимир Хлебников горько выдохнул в голодную годину:

Мне не много надо: крошку хлеба
и каплю молока.
И это *небо* (! – В. С.),
и эти облака...

Ибо не хлебом единым жив человек. Небо плюс. Не это *ублюдочное* «брювастое»: будет хлеб – будет песня. Шас спою. Бытие определяет сознание... Андрей Вознесенский сформулировал эти отношения, хлеба и неба, радикальнее в стихотворении посвященном Марку Шагалу: «Небом единым жив человек». Человека человеком делает небо...

179

...Абсолютно мужская психология. На жалобу мамы-крокодилихи папа-крокодил

(У Тотоши был вчера ужасный жар –
Проглотил Тотоша самовар.
На колени я поставила его,
И без сладкого оставила его...))

среагировал панически, но не по поводу самочувствия своего любимого чада:

Как же мы без самовара будем жить?
Чай без самовара будем пить?..

180

...Смутное время и есть смутное: власть шатается, монополия на спиртное теряется. Как писал Похлебкин: сколько было на Руси смут, столько раз и теряло государство монополию на водку. Потеря монополии признак смуты, индикатор... «Рвется связь времен». Смутный... *муть...*

Попалась мне в руки в начале девяностых графоманская книжка. Графоманская как графоманская... Ничем не цепляющая. Разве что психиатра. Образчик для примера:

поэт – не специальность, это призвание.
Так и надо наверное тем,
Коли ищешь, себя отдавая, –

Не решая своих рубль-проблем,
То достоин лишь ты, только... рая.

Говорят мне что я безработный,
А стихи... никому ненадо...
В стихотворных, до гроба, заботах,
В слове русском моя отрада
(пунктуация и орфография автора. – В. С)...

Цитировать, впрочем, довольно потешно: «Я стихами в бумагу кончаю...» (Сублимация, однако – чистый Зигмунд Фрейд.)

Поразило одно-единственное: на обложке фамилия автора снабжена дополнением-примечанием из двух слов – «сотрудник МОРГа» (!)...

181

...Поэтическая истина абсолютна. Платонически идеальна. Хосе Ортега-и-Гассет писал, например, о метафоре: «...мало кто понимает в должной мере, что метафора – это истина, проникновение в реальность. И, стало быть, поэзия есть, среди прочего, исследование: она вырабатывает столь же положительное знание, как наука». Пастернаковские строчки «Не надо заводить архива, Над рукописями трястись» некоторыми воспринимаются слишком прямолинейно, мол, а у самого-то... Действительно, архив у Бориса Леонидовича, надо полагать, был не хилый... На самом деле тут нет вопиющего противоречия. Тут просто налицоует точка зрения вечности (*sub specie aeternitatis*). «Ножницы» между тutoшним суетливым сиюминутным и заглазным метафизическим. Толстой в мучительные минуты сомнений рассуждал примерно так же о тщете земного: мол, ну и прославлюсь я писательством, все равно меня забудут лет через триста (кстати, тут он наверняка ошибся – немного осталось), и зачем все это? Все равно все кончится. «Все вечности жерлом пожрется» (Державин)... И Экклезиаст понимал, что Вечность с большой буквы всепоглощающа... Мало кто живет с поправкой на эту Вечность...

182

...Поистине: не сотвори себе кумира. А кто его себе по юности не сотворял? У Марины Цветаевой на стенке красовался портрет Наполеона. По-видимому, это надо пройти. Феномен слепого поклонения, феномен фанатизма... Похожие на опьяненье. С похмельным синдромом: с тяжестью моральной и физической. С отрезвлением. С объективным расстоянием...

В чем обаяние артиста, футболиста?.. Оно – в нас. Некий громо-

отвод *наших* внутренних фобий, страхов и трепетов... Зацепиться, приобщиться, *защипнуться*... От... полноты жизни личности. Одному трудно. Одному надо думать. Где-то есть у Пушкина на эту тему – в письмах, по-моему... о Байроне, кажется... не вспомню... Часто гибель предмета нашего поклонения сопровождается волнами *подражательных* самоубийств. Как написал любимый мой философ Мераб Константинович: «Не имеет смысла то, что достигается не собственным трудом, не на самом себе, без обостренного чувства сознания...»

183

...Сейчас весьма популярно слово «адекватный». Слышал его на улице из уст бомжа. Без специального исследования рискну предположить, что где-то в 70-ых годах прошлого века его употребляли лишь научные журналы. То же и «имидж». Кстати, немного в иной транскрипции: «эмидж» (или имэдж?)... Живет великий и могучий...

184

...Социалистический реализм благополучно почил в бозе. Другой реализм придумали – православный. А определяют, кто вышел для него калашного ряда, а кто не вышел, те же неугомонные дядьки. Книги под задиристым названием «Я русский» называются – «и в грудь себя при этом ударял». «Поэзии сопротивления» помечаются. На самом деле так эстетическая несостоительность прикрывается, *баррикадируется*. Приведу на этот счет мысль Кафки, хотя и не вполне уверен в ее истинности: «Один из самых действенных соблазнов зла – призыв к борьбе»... А я, по-вашему, кто? Китаец?.. Эстетика вас подводит, господа, эстетика. Некрасиво...

185

...Может ли заинтересованный «узкий» специалист, например, упомянутый выше психиатр, что-либо прочитать *своё* из таких образчиков «поэтического» текста? Могут ли они послужить этаким тестом на... чего?

В домино играют.
Сантехники.
Козла в стол забивают,
А заниматься ремонтом им некогда.
А краны текут.
Третьего козла в стол забивают.
Сантехники.

(Из рубрики «Неизвестный солдат поэзии», «Город» № 5.)

...Ребенок в чреве мамы девять месяцев,
А ты внутри меня который год,
Я разрежусь тобой на грязной лестнице,
Моих мечтаний незаконный плод.
Не выдержу родильной я горячки,
Не оторву от лестницы лица.
Состроишь, раздирая в кровь болячки,
Глазенки трупу своего отца...
(Дамир, «Взгляд сатаны»,
издательство «СамВен», Самара, 1993 г.)

Только ли неумение и неграмотность проявляются в них?..

186

...Высоцкий – исключительно эпохальный поэт. Его невозможно оторвать от времени. Многое, что было предметом его внимания, нынешнему читателю, наверное, будет непонятно. То, что нами подразумевалось и читалось между строк. Например, в стихотворении, посвященном Енгибарову:

Шут был вор: он воровал минуты –
Грустные минуты, тут и там, –
Гrim, парик, другие атрибуты
Этот шут дарил другим шутам...

Вот это «другим *шутам* (! – В. С.)». Каким?.. Тут представляется непременный кивок наверх – туда, где проходили бесконечные церемонии с награждениями орденами и медалями. С вручением памятных реликвий, говорением пышных речей и пр... «Бровастое» было время. А Высоцкий писал свои стихи с включенным телевизором (есть свидетельства). И еще для контекста лыко в строку из стихотворения «Мы бдительны – мы тайн не разболтаем...»:

«Какие ордена еще бывают? –
Послал письмо в программу «Время» я.
Еще полно – так что ж их не вручают?!
Мои детишки просто обожают, –
Когда вручают – плачет вся семья.

...К слову сказать, многое *временное* стало нам непонятным и у Пушкина. Например, кто без словаря или комментария поймет слово

«*vasiscdas*» в «Евгении Онегине»? «И хлебник, немец аккуратный, В бумажном колпаке, не раз Уж отворял свой *vasiscdas*»...

187

...Гоголь, наставляя актеров на игру «Ревизора», настаивал на реалистических образах героев. Во вдохновенном фонтанировании Хлестакова насчет «тридцати пяти тысяч курьеров» нет вранья. Он, по словам Гоголя, не враль, «не лгун по ремеслу; он сам позабывает, что лжет, и уже сам почти верит тому, что говорит». «Всякий хоть раз... делался... Хлестаковым, но натурально, в этом не хочет только признаться».

Я, например, в молодости, охмуряя девушку, врал так же самозабвенно о своем аристократическом происхождении. Притом почему-то английского корня... Минуту назад и не помышляя об этом. В принципе, в этой ситуации не важно *содержание* разговора – это глухариное токованье с павлиньими перьями. Но когда она меня спросила: мол, а почему у тебя фамилия такая – я не нашелся что ответить, не подготовился... В ближайшем обозримом прошлом предки мои – тривиальные «черные» крестьяне...

188

...Реклама лукава – что с нее взять, – апеллирующая «голосовать сердцем». «Целый пакетик сухариков»! И действительно, целая горстка. Хотя в этот же пакетик можно поместить столько, столько и еще раз столько... А попробуй опровергнуть, что не целый пакетик, юридически... Апория Зенона однако...

189

...Поэт – это нервно и сердечно *заинтересованный* в жизни людей человек. Это *очень* человек. Материал, глина его деятельности – человеческое, слишком человеческое. Демон, с его холодной высокопарной отстраненностью, не может быть поэтом...

190

...Прилепинский Санька, занимающий отведенную ему системой *нишу*, потенциально и не может вести себя иначе, не «по-нишнему». Тут – не *каждому по способностям*. Он не лучше и не хуже, как *человек*, либерала Алексея, еврея Левы или Аркадия – «государственника». Он не по природе убежденный маргинал и не по Ламброзо. И у него есть пространство для «маневра» в сторону *жира*. Он и не романтик по-чегеварному. Дело случая. Система может быть и функцио-

нально эффективная, но обреченная на определенный социально-политический спектр. Это почва в том числе и для *саньк*. Она «рассчитана» (*бессмысленный и беспощадный заложен в формулу*) на пускание самой себе жирной кровушки...

191

...Поэтическая истина обаятельна:

...Поэтом можешь ты не быть,
Но гражданином быть обязан (В. С.)...

Какая чушь! Никому я ничем не обязан... Кроме Бога...

192

...Ни у кого в русской поэзии (а в мировой?) нет такого отношения к животным как у Сергея Есенина. К «братьям меньшим». Такого сочувствия, такой органической жалости, такого *продолжения* животных собой (ну Маяковский припоминается с его «Хорошим отношением к лошадям», с собачонкой, которая «одна сплошная плешь», которой он фигулярно отдает свою печеньку, а – на самом деле?):

Дряхлая, выпали зубы,
Свиток годов на рогах.
Бил ее выгонщик грубый
На перегонных лугах...

А что если бы поэт пошел на поводу у «умников» и причесал слово «глаза» на «слезы»?

Покатились глаза (! – В. С.) собачьи
Золотыми звездами в снег...

193

...Озадачил нас Борис Рыжий своим самовольным уходом. И думаешь об этом постоянно: зачем да почему. Читаю, например, Хайдеггера и какие-то его, вроде бы отвлеченные, рассуждения в подсознательном контексте начинают *относиться*, притягиваться к драме поэта: «Бытие его в о т в такой ненастроенности обнажается как тягота». Конечно же, относительно поэта речь идет не о бытовой тяготе. О какой-то фундаментальной. Находятся толковые объяснения: мол, «не смог вынести «немотивированного», «первозданного сты-

да жизни». «Борис Рыжий стремился к смерти, чтобы поскорее обрести какую-то завершенность, цельность». «Поэт всегда трагедия». И т. д. (Цитаты из ЛР, № 18-19)

Да, он по-крупному отнесся к миссии поэта (пишу, а чувствую, что слова не те – не ухватывают уровень реальности)... И вроде бы жизнь наша гламурно «разъяснилась»: бери от жизни все, лови кайф... А он возьми да появись в самое отвязное свистоплясочное время. Да в первородном гибельном качестве. Гибельность в русской поэзии стала *традицией*. Поэзия (с заглавной буквы) в виде жертвы искусства избрала именно его как самого полного и подходящего.

Погадай мне, цыганка, на медный грош,
растолкуй, отчего умру.
Отвечает цыганка, мол, ты умрешь,
не живут такие в миру...

194

...Как там у Мариной Цветаевой?.. «Поэт издалека заводит речь, Поэта далеко заводит речь...» А если идти на поводу у «подруги вдохновенного досуга», рифмы, то и до нелепости дойти можно. Мое малолетнее дитя просто попалось по-незнайкину (*«Как-то Знайка шел на речку, перепрыгнул через овечку...»*) на невероятные строчки стишка с весьма увлекательным звучанием: «Кони, кони, кони сидели на балконе». Рифма провоцирует смысл. По рифме, в том числе, можно многое *вычислить* про стихотворца. Его эстетические воззрения, пристрастия, кругозор... Автором ли управляет рифма или он с ней успешно управляется. Один пишет «на слух», другой – «по нотам», грамотно. Подчас совершенно очевидно, как поэт идет по легкому пути, подыскивая самую подручную рифму, близлежащую, *банальнюю*... (Я никогда не просила у Бога – рифмы (*это – мое дело*), я просила у Бога – силы найти ее, *силы на это мучение*. – М. Цветаева). Эге, думаешь, господин сочинитель... Хотя это еще не факт, что банальная рифма обязательно испортит стих... А новая и оригинальная непременно улучшит. Тем более таковых «пара рифм и осталась где-нибудь в Венесуэле» – как писал Маяковский... Рифма обладает несомненной магией внушения. Даже такой по-бытовому невероятной ситуации, как пребывание лошадей на балконе, краешком, крохой сознания начинаешь верить. Может быть действительно где-нибудь да когда-нибудь эти самые притянутые соблазнительной рифмой за уши легендарные кони благополучно сидели на идиллическом балконе и заслуженно попивали чай...

195

...Пугающие афористичные строчки Бориса Скотневского: «Я б жалел даже самых счастливых – все несчастья у них впереди...» Ах, зачем же нам о них напоминать, о будущих невзгодах – нищете, немощи, тюрьме-суме (слова-близняшки), старости!.. Нам, гомо плящущим (гомо пытливый, любознательный, разумный – ау?) по-стрекозиному в Куршавеле... Человек, стусток солнечной энергии, эпикурейски *улясаться*, изнемочь должен до упаду, до распаду – знамя времени... Вот и Лаура, пушкинская веселушка из «Каменного гостя», то же самое говорит (права по-своему):

Зачем
Об этом думать? что за разговор?
Иль у тебя всегда такие мысли?
Приди – открай балкон. Как небо тихо;
И лавром пахнет, яркая луна
Блестит на синеве густой и темной –
И сторожа кричат протяжно: «Ясно!..»
А далеко на севере – в Париже –
Быть может, небо тучами покрыто,
Холодный дождь идет и ветер дует. –
А нам какое дело?

А вы нам все: «*memento mori*», «где стол был яств, там гроб стоит»... Что ж, проблемен человек, нестабилен, трагичен в конечном итоге да в контексте. «Еще меня любите За то, что я умру» (Марина Цветаева)... Гуманизм, понимаешь...

...Гм, «все несчастья у них впереди...» Между прочим, не только поэтом сказано, но и врачом...

196

...Что-то вроде о «пользе чтения». Вот читаешь (за окнами клены медового цвета – поди, погуляй!) всю свою сознательную жизнь... хотя, что такое это самое *сознательная*? Термин для обозначения гражданской ответственности или же самомнения. Стал ли ты умнее? Не просто информированнее, а умнее? И что такое умнее?.. «Если ты такой умный, почему такой бедный» – любят щегольнуть заморской поговоркой наши «новые». Понимаешь: сколько бы ни прочитал еще книг, ничего такого окончательного в умственном отношении не наступит, не откроется. Никого ты этим не осчастливишь, ибо личное дело. А жажда не иссякает. И что-то перечитать хочется еще и еще в

вечном цейтноте. («Как нескладные верблюды нагружены они своими познаниями, и, как соленая вода, наука только разжигает жажду знания, никогда не успокаивая воспаленного ума...») А книг море... И дело, быть может, состоит не только в поиске истины – «мне мир прозрачен как стекло» уже просто по «эклезиастовскому» возрасту... Но не хочется это представлять как механический процесс потребления «духовной пищи», как времяпровождение, как праздную забаву, как кайф, как коробочкино почесывание пяток... *Тут масштаб почищее трагедии «Фауст» Гете будет...*

197

...Хрестоматийные шекспировские строки: «Порвалась связь времен, зачем же я связать ее рожден?» Да, тот разрыв на две непримиримые эпохи!.. Когда, по отчаянным словам Розанова, «Русь слиняла в два дня. Самое большее – в три...» (Что-то частенько она линяет). И горбачевский процесс пошел. Устаревали на глазах сорокалетние – мы, сплошные родимые пятна социализма. Сердца рвались тем временем на части: белые, красные, коричневые и т. д. «Мне вчера дали свободу – что я с ней делать буду?» – Высоцкий. Мешала нас эпоха, как ложкою в кotle. Когда трудно смотреть в глаза друг другу – выстрелить хочется. И Тютчева завспоминали все: «Блажен – кто посетил сей мир в его минуты роковые». (Частеньки эти минуты роковые). По мановению все глупеют в общем. И не спасает хата с краю как всегда. «Горе нам, что по воле Божьей В страшный час сей мир посетили...» – Ходасевич. И было мучительно больно за «бесцельно» прожитые годы. И жалко этих лет, потраченных на «общественную работу», на «бескорыстную дружбу мужскую», на «первым делом самолеты»... Как у уборщицы душа болела – такая грязь вокруг была. Как «уходило» новое время нас не по собственному желанию! Таких некоммерческих, таких неуместных, таких однобоких...

...Но ничего...

198

О! Страшных песен сих не пой
Про древний хаос, про родимый! (В. С.)
Ф. И. Тютчев

...Одно из основных понятий античной космогонии – Хаос. Термин со временем усложняющийся, эволюционирующий, мировоззренческий... «Хаос представляется как величественный, трагический образ космического первоединства, где расплавлено все бытие, из кото-

рого оно появляется и в котором оно погибает...» Хаос – человечески эмоционально окрашенное представление. Нервная, рвущаяся неизвестно куда *слепая* материя. Это некая безглазая, безоглядная, бесперспективная, беспросветная, но не безнадежная, а потенциально взрывная энергетическая муха... Случайно вылупившаяся глазом – рептилии ли, египетского ли сокола Гора, собой ли зачарованного Нарцисса... А может быть и не случайно... Нашедшая исход в оке. И все обрело гармонический смысл. И все как по маслу совпало. Все стало вокруг голубым и зеленым. И цветы распустились приветно для глаза...

199

...Читая трагического П. А. Флоренского. Гомотипия человеческих органов, их полярность и симметрия – это, скорее, плод дотошной любознательности и переизбыток *зрения* (так кажется мне). Голый взгляд... Платоновский «Пир» вспоминается с мифом об андрогине – едином целостном муже-женском теле, расчлененном Зевсом на две «камбаловидные» половинки, безнадежно ищащие друг друга... А может быть, доисторическое человеческое тело имело вид этакого замкнутого на самом себе кольца, затем разомкнутого (по Флоренскому) да выпрямленного?.. Лобок – подбородок, лоно – рот и т. д...

200

...И вот еще вопрос – окуджавовские строчки: – А полковник главный, на гнедой кобыле, говорит: «Да что ж вы все забыли...» Рифма «кобыле – забыли» случайная или на самом деле полковник сидел на *кобыле*? Не просто на лошади, а по каким-то ритуальным соображениям именно на кобыле притом еще и на гнедой. Ибо так положено было по воинскому *уставу*?.. Ладно, опускаем «кобылу». Но надо ли было полковнику сидеть именно на «гнедой»?.. Булат Окуджава, надо полагать, автор серьезный и исторически подкованный...

По таким специальным знаниям и нюансам сознание обычно проскальзывает, и надо непременно зарываться в справочные материалы... В общем, вопрос поставлен, будем стремиться на него ответить...

201

...Кому-то и Сальери надо быть по божьей «нише» (не все же Моцарт) – мир так неизбежно полярно и полифонично парадоксально задуман... «Добро-злым» – по святому Августину... Детерминизм, однако, как сказал бы чукча...

202

...Марина Ивановна Цветаева не дожила до пресыщенного экклезиастовского возраста. Будучи страстной и пристрастной, до конца своих дней прожила *не выпавшим* из людей, не «итоговым», человеком. А если и выпала, то лишь физически (*Et ma cendre sera plus chaude que leur vie.* – И прах мой будет жарче их жизни (*фр.*) – Из «Записных книжек и тетрадей»). Так оно и получилось: жарче...

203

...И был еще такой принципиальный вопросик: что первично – дух или материя? бытие или сознание?.. Дополняю: жизнь или литература? И отвечаю: литература! Поскольку жил-поживал в обывательском неведении (подобно герою романа «Процесс») и не знал, как это называется. А теперь знаю: *кафкианство* чистое. Умерла у меня теща. Что ж, умерла так умерла – возраст, слава богу, смертный... И ровно через месяц стали нам приходить извещения на имя покойницы об оплате услуг радио. Никогда ранее (в течение двадцати пяти лет) они не приходили, поскольку услугами радиосети мы не пользуемся. Мало того, я хозяин квартиры. Присылайте на меня, теща у меня живет. Вернее, жила. Да и всего-то ничего, несколько лет... Почему *после* смерти? «Уважаемый абонент, предлагаем Вам оплатить счет до двадцатого числа...» Все строго официально, с надлежащими реквизитами и угрозами санкций... И так в течение двух лет – тупо и методично. Звонил, разъяснял – мол, радио не пользуемся, пришлите специалиста, пусть отрежет, коль не платим. Если не платят за электричество, им отрезают, коль не платят за квартиру, их выселяют... Бесполезно!.. Наконец приехала представительница фирмы – вроде бы обыкновенная усталая женщина, но как-то больно уж *метафизически* обыкновенная и усталая (все в романе Франца Кафки маскируется будничностью). Жутко обманчиво обыкновенная, с подвохом. Женщина *процесса*. Живешь вот, книжки умные читаешь, зарядку по утрам делаешь, патриот весь... А процесс (не путать с горбачевским), оказывается, всегда подспудно ждет тебя! Ты живешь в этом самом *процессе*. *Процесс* без тебя не может существовать. Ты ему нужен. Он грустит по тебе как петля по шее («...вины, как сказано в законе, сама притягивает к себе правосудие»)... Стал ей то же самое говорить, мол, мы ваши извещения аккуратно передаем покойнице... Вроде бы все поняла, даже с юмором. Приезжайте, говорит, напишите заявление... Нет, отвечаю, вы приезжайте и отрезайтесь, коль не платим... Прекратились извещения. Забыл про них. Но живу с подспудною тревогой... *про-*

цесс! Почти через два года... опять пошли! «Уважаемый абонент по-
койница теща...»

...А вы, наверное, думаете, что вас *процесс* не касается?...

204

...Леонардодавинчевская мысль: «Жалок тот, чье произведение выше его разумения, но приближается к совершенству в искусстве тот, чье разумение выше его произведения». И следующие пристрастные мариноцветаевские строки из «Героя труда» насчет Валерия Брюсова: «И – странное чудо: чем больше творение (Фауст), тем меньше оно по сравнению с творцом (Гете). Откуда мы знаем Гете? По Фаусту. Кто же нам сказал, что Гете – больше Фауста? Сам Фауст – совершенством своим». По-моему – очень близкие высказывания...

205

...В. К. Кюхельбекер в своем *далече* разбирает 8 главу «Онегина» как учитель школьное сочинение – с красным карандашом. И восхищается Александром Сергеевичем как отличником – без будущего всеобщего питета...

206

...Какие-то стихи лишь со временем начинают доходить до внимания, до сознания... Цветаевское стихотворение «Прокрасться...», например:

А может, лучшая победа
Над временем и тяготеньем –
Пройти, чтоб не оставить следа,
Пройти, чтоб не оставить тени...

Это же позиция какого-нибудь восточного мудреца, постигшего высшую и окончательную истину. Нирвана, отрешение, обезболивание жизни... Экклезиастовское отношение к тщете земной *затеи*. Это же «антихудожественное» стихотворение *ухода* в сторону (гвоздя?), поскольку сама Марина Ивановна – вся состоящая из «категорий» сердечных, болевых, участвующих... Поэзия – искусство эмоциональное и участливое по сути. Художник, вольно или невольно, оставляет «след на земле», материализуется своими произведениями. Ах, творчество – это таинственное удвоение реальности! Игра отражений. Нарциссическая зачарованность... Или – рифмованное говорение слов. Лавина по-человечески *слабых* слов («проводников пошлости» – Сио

ран)... Можно себе представить поэта воздержавшегося – бессловесного, антимирного, минусового, непроявленного («Молчи, скрывайся и таи...»)?.. А может быть есть такие? Мы их не знаем, потому что они *мудро* молчат. Или растерянно молчат – в оторопи: о, эта бесцеремонная вброшенность (без нашего спросу!) нас, грешных, в этот прекрасный и мучительный мир!.. *Говорящий* поэт где-то и колеблется в сторону мудреца в минуту тяготы сомненья. «Мудрецу подобные импульсы чужды, или он их подавляет. Величайшая его амбиция сводится к тому, чтобы исчезнуть, не оставив после себя никаких следов» – Сиоран... «Пройти, чтоб не оставить...» (Антисуществованием своим и задерживается – хитрец.)

...Может быть, отказом
Взять? Вычеркнуться из зеркал?
Так: Лермонтовым по Кавказу
Прокрасться, не встревожив скал.

А может – лучшая потеха
Перстом Себастиана Баха
Органного не тронуть эха?
Распасться, не оставив праха...

207

...У Юрия Нагибина прочитал мысль, что писателю легче в горе. Профессионализм спасает. Даже у гроба, в скорби, сознание продолжает свою автоматическую работу фиксации деталей. У писателя в горе есть, какой-никакой, *выход*. Обыкновенный человек загерметизирован в нем...

208

...Вековечно горькая истина о писателе:

...Кто над столом гнется,
Пяля на книгу глаза, больших не добьется
Палат, ни расцвеченнна мраморами саду;
Овицу не прибавит он к отцовскому стаду...
(Антиох Кантемир)

По-моему, звучит очень современно по отношению к «некоммерческой» литературе – к *авторской*. И вот еще глобальный вопрос: может

быть, художественная литература, поэзия – это «детство» человечества? В будущем оно, техногенное, будет обходиться без них? Пропадет ли оно в таком случае без бабушкиных сказок, просто буквально питаясь?..

209

...Стукаческая мы страна. Не вовнутрь обращенная, а вовне – на укорот ближнего. Да и дальнего тоже. Нетерпимая, нетолерантная к чужому мнению. Стоило «фраеру» Чаадаеву произнести вслух, публично свои философские размышления (глас вопиющего в пустыне молчания), что тут началось!.. «Я его истинно полюбил, полюбил в нем ум, познание, обхождение... Но он мне досадил, досадил аж до злобы! ...Это надообно так возненавидеть свой народ... но когда он дал статью эту перевести и напечатать по-русски, оскорбил меня, глубоко меня обидел, так глубоко, сколь глубоко я русский. Не уверен, что не оскорблю его при свидании...» (цитата из книги Бориса Тарасова «Чаадаев») Какой патриотический вихрь возбудил философ! «Студенты Московского университета явились к его попечителю и председателю московского цензурного комитета графу С. Г. Строганову и заявили, что готовы с оружием в руках вступиться за оскорбленную Россию». Готовые ополчиться не на организационное действие, а на мысль! Чем не нынешние «Наши» или «Летящие рядом» орлята – куда летящие?.. И это не сталинские какие-нибудь годы!.. Философская мысль не нарочно придумывается – она простодушно и чистосердечно рождается как результат умственных усилий, выпадает в осадок... Пусть незрелая, необъективная, ошибочная... Полемизируй, аргументируй, опровергай – не стучи на мыслителя!.. Молчать мы умеем. Стоит кому-нибудь что-либо обдуманное произнести... почему не пищу для размышлений, а для расправы да уличного шествия?.. Понятно – власть, трясетя за устои. Крамола и все такое... Трухнул Петр Яковлевич, трухнул – памятны еще были «каторжные норы» да «глубины сибирских руд»... Но мы то!.. Пастернака «я не читал, но...», Синявский с пушкинскими «эротическими ножками», Бродский с «тунеядскими» стихами и т. д. Примеры можно множить... Мы по-прежнему одного стукаческого поля ягоды...

210

...В воздухе идеи носятся. Еще не существовало летательных аппаратов, но в помине они уже были. Лихо написал Федор Николаевич Глинка:

...Но рок дойдет и до чугунки:
Смельчак взовьется выше гор
И на две брошенные струнки
С презреньем бросит гордый взор.

И станет человек воздушный
(Плыя в воздушной полосе)
Смеяться и чугунке душной
И каменистому шоссе...

Насчет «смеяться» поэт дал романтического маху...

211

...Как там у Маяковского?

...Что мне до Фауста,
феерией ракет
скользящего с Мефистофелем в небесном паркете!
Я знаю –
гвоздь у меня в сапоге
кошмарней, чем фантазия у Гете!

Да, отвлекает от мыслей. Казалось бы, такой вздор – гвоздь... Хотя его действие *на ногу* легко устраниТЬ, сняв сапог... Впрочем, как устраниТЬ быт? Его не устраниШЬ. Есть и мыслителю хочется. Вот, к примеру, Василий Васильевич Розанов – ел и мыслил, мыслил и ел *варенье...* Все было в ажуре... Если бы не Революция. – Мыслить, пожалуйста, продолжай про себя, а вот кушать... И лишила Революция философа кушанья. – А чего его кормить, старый мир... «Пайку» шестиразрядную изобрела... И произвела громадный сдвиг в его духовном сознании... Не выдержал «старый мир» испытания бытом. Запаниковал вчуже. «Апокалипсис нашего времени» написал. Закаялся перед всеми по-христиански, запрощался. Заметал отчаянные письма из Сергиева Посада – то друзьям («Неужели ни один человек в России не захочет и не сможет меня спасти? Что делать: научите, спасите, осветите пути жизни. Воображение мое полно мыслей, я могу и многое могу: но я – ничего не умею. Однако способен чистить сапоги, ставить самовары, даже носить воду, и вообще способен к «домашним услугам»...), то буревестнику литературы Максиму Горькому, который согласился с Пришвиным, что «Розанова, как шило, в мешке не утаишь»... В общем, поднял мыслитель быт до бытийствую-

ших высот, а бытийствующие высоты трагически осветил бытом... И умер смиренно, прилежно, примерно...

212

...Георгий Адамович – «Невозможность поэзии». Со всеми мыслями соглашаешься и всем обоядно возражаешь – одновременно. Ибо понятна *парадигма*, отпляс. Этические и эстетические координаты критика. Бесспорность того, что «человек создан по образу и подобию Божьему». Что жизнь разнополюсна: Истина – Ложь. То, что отрезвляет от «житейских наркотиков», от упоительной дребедени – это и есть «образ и подобие». А для верующего человека: «...то, чего хочу я, и никак не для самого себя, не эгоистически хочу, – того хочет Бог...» Можно ли вывести, вульгаризируя, формулу русского поэта, поскольку практически «заземленный» не дотягивает до платонических высот или до Образа?.. Наверное, можно – политикой, селекцией и пр. *вмешательством*. Хотя статья, конечно, не руководство к действию. Но в этом заключен идеал и «поэтический голод» взыскательного критика, не удовлетворяющий по большому счету ни Цветаевой, ни Пастернаком...

Резюмируя: «невозможность поэзии» – это некие «ножницы» между серьезностью высоты Образа и литературной «игры», *соблазна* (диапазон весьма широк: земная суeta suet). Подкреплены размышления стихотворением Баратынского «Молитва» (Царь небес! Успокой Дух болезненный мой)...

...Вроде бы со всей логикой критика соглашаешься... Но не сводится ли тут поэзия к религиозной функции? Человек разумный – поэт послушный. Послушник... Точат подспудно какие-то неудовлетворенные оговорочки. Типа: поэзия – это всегда один непрерывный и самонаращающийся культурный пласт, тело с *непредсказуемым* продолжением... В русском ли контексте, мировом ли... Статья «Невозможность поэзии» – это «итоговый», беспредельно авторитетный (может, авторитарный?) Адамович, и по опыту и по возрасту, а значит... как-то и ограниченный... Сидящая на лавочке старушка, раздраженно, шумящим беготней детям: – Хватит бегать!.. Это детям-то «хватит бегать»!.. Литературные «дети» с *играми* до поэзии не дотягивают...

...Да, пафос «невозможности поэзии» весьма убедительный... Однако и поозоровать неохваченной монастырскими стенами живой жизни хочется!.. Да и побунтовать!..

...Почему речь идет, собственно, лишь о невозможности поэзии, а не о невозможности жизни вообще? Хорошо, когда есть уютные «координаты», есть на что положиться, опереться, прильнуть куда... А

если нет у человека религиозных «координат», на самостояны он, мировоззренье у него иное, инакомыслящ он – он что, не человек?.. Ах да, овца заблудшая, отбившаяся от стада... Сомневающийся Иван Карамазов размахивался на возврат своего «билета» Богу... *Дар Божий* жизни – «рабу божьему». Крест и – неси!.. Человек изначально «божий раб». А «раба божьего» спросили: нужен ему этот «дар»? С этой выматывающей мукой гонки и заботы в «поте лица своего»? С инстинктом самосохранения... С искусственною челюстью во рту... С гамлетизмом... С адскою карою... Впрочем, как можно спросить *потенциального* «раба божьего»?..

213

...Курил ли Тютчев табак? Вздорная вроде бы подробность, но именно такие «мелкие» детали играют на *объем*, на мерность образа, скрадывающегося разлагающим временем, силу коего поэт знал. В стихах он не курит. В письмах... не помню... Это надобно все источники лопатить снова... А найдешь ли?.. Спросить кого?.. Может быть, Валентина Яковлевича Курбатова? Он, поди, все знает...

214

...Маяковский назвал Есенина «балалаечником». По такой оркестровой логике Маяковский – сам барабанщик...

215

...Перечитывая любимые стихи Александра Сергеевича (философ начинается, по словам Мамардашвили, с непонимания – значит, я философ):

...И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.

Спотыкаешься на ударном, рифмованном «не смываю». Наверное, пушкинисты давно уже истрактовали его вдоль и поперек. Почему «не смываю», а не, например, не стираю (если пишешь карандашом), или не вычеркиваю (если пишешь гусиным пером). Само собой, не вырубить топором... Может, что-то такое скралось временем, и непонятно нам?.. Гм, не смываю... Пушкин, впрочем, знал толк в словах. Скорее, подчеркнутое акцентированным местом в строке «не смываю», относится к льющимся слезам («слезы лью»)... Экое открытие!.. Хотя

процесс смывания зависит от количества слез – можно смыть *чернила*, если побольше плакать. Но, видно, того, что отвращает, катастрофически много – никаких слез не хватает, чтобы смыть, ибо речь идет не о квадратных метрах...

216

...Потомки Эллочки-людоедки, мы вполне обходимся парой-тройкой обезьяньих междометий: супер, классно, круто...

217

...И. С. Шмелев своими книгами успел таки благодарно запечатлеть канувшую в коммунистическом море Атлантиду православной России. По ностальгической *сердечной* памяти. Можно, вроде бы, представить ее, прежнюю, по его солнечным «чертежам»... Ее жизненный ритм, ее речь, коренную еще – не оторванную от корня... По *писаному* жили – по священному Писанию, послушно... Но как восстановить *дух* времени?.. Вольному воля, спасенному рай... Какая «воля», боже мой!?. Бог заменен массовиком-затейником... Человек разумный – человек рекламный...

...Кажется – жил я там когда-то: в *той* Руси. Вся пррапрапамять взволновалась-взбудоражилась-взметнулась чтением... Встрепенул Иван Сергеевич, русский человек, все геночки да хромосомочки мои грешныя... Низкий поклон...

218

...«Большое видится на расстоянии» – да. Но и малое – тоже, со временем...

219

...Да это же какая-то вечная душераздирающая формула России по Блоку: «И вязнут спицы *росписные* (! – В. С) В *расхлябанные* (! – В. С.) колеи...» Спицы-то «росписные» – пышные («мерсы» шестисотые), а колеи – «расхлябанные», хорошо рифмующиеся... Впрочем, и дальше все узнаваемо сердцем:

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые –
Как слезы первые любви!

И дальше, и дальше, и дальше так...

220

...Из самозабвения будней да лени душевной, из ожиренья мозгов, как из комнаты душной, из жизни косной, Мюнхгаузеном за космы – в космос!.. Как слезы брызнувшие, строки пушкинские: «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать...»

221

...Платон и Гоголь. У Гоголя остро развито чувство идеального, поэтому его герои так наглядно «уродливы» – недостаточны: одному недостает того, другому этого. «Если бы нос Балтазар Балтазарыча да к губам Ивана Кузьмича...» Или: «Голова у Ивана Ивановича похожа на редьку хвостом вниз; голова Ивана Никифоровича – на редьку хвостом вверх...» Вся эта художественная *пластика* Гоголя вылилась в мучительную христианскую «претензию» к миру...

...Кто внушил нам чувство идеального? Чувство красоты? Что стройные женские ноги – это красиво?.. – Прекрасное становится прекрасным благодаря прекрасному... – «Федон». Мысленная прямая линия всегда прямее практической, наличной. А разнобой физический толпы?.. Какие-то «недотыккомки» мы как будто (любви нехватило дотыкать!)... Ах, эта гонка, верней, подгонка себя под модный эталон...

222

...Читаешь Хайдеггера в части *страха*, и Тютчев на ум приходит – наш поэт бездны. Чувство страха – изначальное чувство, заложенное фундаментально «экзистенциальной пространственностью бытия-в-мире», модифицированное, ибо страхи бывают разны. Страх непосредственной угрозы, переходящей в *испуг*. «А когда угрожающее встречает чертами жуткого и вместе с тем имеет еще черту встречности пугающего, внезапность, там страх становится *ужасом...*» Но все эти страхи, так сказать, поверхностные, сиюминутные, «шкурные», то есть угрожающие шкуре...

Тютчевский «страх» – глубинный, коренящийся в истоке – «родовой» (! – В. С.). Ощущение непоправимости сценария. Ощущение пешки в чьей-то игре («И человек, как сирота бездомный, Стоит теперь и немощен и гол, Лицом к лицу пред пропастию темной»)... Все эти соблазнительные блески дня – лишь усыпляющая видимость: «Покров, накинутый над бездной». Это знание серьезно и трагично. Его можно тупо заспать, жирно заесть, засуетить – «спастись», лишь сойдя с ума *самозабвенно...*

...Откуда он, сей гул непостижимый?..
Иль смертных дум, освобожденных сном,
Мир бестелесный, слышный, но незримый,
Теперь роится в хаосе ночном?..

223

...Писал ли П. А. Флоренский стихи? – Не знаю. Но то что он мог бы реализоваться и через поэзию – можно предположить: метафизик до мозга костей. Его ощущения проникновенны: «Выйдешь без лунной ночью в сад. Потянутся в душу щупальцы деревьев: трогают лицо, нет преград ничему, во все поры существа всасывается тайна мира... нет очерченной границы между мной и не-мной. В корнях бытия – единство...» Космос, мироздание не где-то там, в звездах, а сразу за границей твоей кожи... нет – в глубине души твоей – неразличимо, неразъединимо, неразрывно... И следующий пассаж воскресает что-то твое лично «тупо заспанное» – дежа-вю («...Стоял, вспоминаю... и был этот блеск... и это тогда называлось Невою...» – Маяковский): «...Оглядишь кругозор. Стоят в застывшем воздухе сухие испарения пашен: то земля «горит» говорят крестьяне. Знойные дыхания земли не колыхнутся. ...то небосвод льет ливень расплавленного золота. Даже пыль не пылит, гнет и ее, покорную, стопудовый гнет. Тяжко и жутко...» – (Цитаты из «На маковице») Вспоминается не конкретный или похожий вид пейзажа, а «жирно заетый» мимолетный вздрог какого-то глубинного мистического постижения от его созерцания, когда душа была еще живой и трепетной:

Ночь теплая как дом,
Мы парохода ждем.
И неба глубина
Впервые мне видна... (В. С)

...Я понял, что умру.
И побежал к костру... –
Борис Скотневский.
(Конечно, понял не логически, а *порами*.)

224

...Писатель Владимир Сорокин «испытывает» читателя-обывателя «низостью» происхождения от обезьяны, а он, по человеческой слабости, оскорбляется...

225

...Все пошло с глаза – мысль Хосе Ортеги-и-Гассета. (А до этого – Шопенгауэра. А до этого...) Смотреть на себя – первое свойство жизни вообще. Иметь себя *в виду*. Человеческий глаз «чище» (по Флоренскому) рта. Мир так не «рискует» от зрения как от говорения: ртом можно осквернить мир, усиленный продажным рупором СМИ. Как в той сказке: слова-цветы и слова-жабы-змеи (хотя глазом можно сглазить)... Животное тоже имеет глаз, но оно не видит *себя*, не отражает (не в обиду сказано моему умному коту)... В сущности, видит не глаз – сознание: «У мудрого глаза его – в голове, а глупый ходит во тьме» – Екклезиаст. Мир «разомкнут» (по Хайдеггеру) в сознании. Такая большая разница. «Жизнь безумного – не его, то есть, строго говоря, не жизнь. Поэтому нет более невыносимого, чем вид умалишенного». Это катастрофа и трагедия *человеческого* масштаба. Есть сознание – есть мир, нет сознания – нет мира...

226

...Слаб человек общественный. Цитата из Декарта: «...подобно тому, как раб, наслаждавшийся во сне воображаемой свободой, боится проснуться...» – не так ли и мы цепляемся за уютные стереотипы, суеверные представления, образы кумиров, фанатичные «шайки» и прочее кодло, как за щит, чтобы не остаться один на один с мирозданием, *трудовой* истиной, совестью, судьбой...

227

...Ф. Н. Глинка («Записки русского офицера») в 1813 году пишет насчет дорожевизны: «...за курицу и утку (при царе Алексее Михайловиче – В. С.) платил он по копейке, за гуся и индейку по две, а теперь эти вещи рублевые! Как переменчивы времена! ...мне кажется, что главнейшими причинами всех беспорядков суть: мода и роскошь...» Как это все напоминает наши ностальгические сетования по поводу советской колбасы за два двадцать...

228

...Философ Мераб Мамардашвили образно выразился, что мы, как страна, перманентно пребываем с занесенной для шага ногой. И никак не шагнем по-настоящему. Столыпин, было («Вам нужны великие потрясения, а нам нужна великая Россия»), занес ногу России для эволюционного шага, да на революционном споткнулся. Сейчас то же самое: занесли по привычке по-революционному, а куда поставили?..

229

...Сколько смерти лет по возрасту? Говорят: «старуха-смерть». «Нелепо молодая смерть...» С косой зловещею изображают да в плаще с капюшоном. А то в рогах. Жалящую – «жало смерти»... Разумеется, все это образы народного фольклорного *испуга*. В них мало логики...

Не только поэтически обаятельный, но и философски точный образ смерти находим у поэтессы Веры Павловой:

Там, далеко-далеко,
Матушка-наоборот
грудь старикам дает,
и наполняет рот
черное молоко,
за диоптрии слез
(около минус шести)
прячет глаза: «Прости...»,
и зажимает нос,
чтобы отнять от груди...

Стихотворение построено на зеркальности смысла: смерть тоже некое рождение, но не на белый свет, а на черный с белого. На этом белом свете – молоко белое. На том – черное. Смерть по-христиански милосердна и жалостлива (*жало!*): поэтому *Матушка*. Возраст смерти тут – не старушечий какой-нибудь, а *материнский*... Как бы то ни было, смерть, как родная мать – одна. И также единственно и неповторимо твоя и только твоя...

230

...(Из дневника девяностых) «Русская идея» – вечная лебединая песня России. Достоевский, Соловьев, Толстой, Розанов, Бердяев... Вдруг – Гайдар, Чубайс (а до них Ленин), обещающие закрыть тему. Как в «Климе Самгине» – недоумевающая декадентка: – Бог – и половые органы... «Русская идея» и... Чубайс...

231

...В одной эстрадной песенке так упоителен как эврика рефрен:

Одна снежинка – еще не снег,
Одна дождинка – еще не дождь...

А сколько снежинок уже снег (три, четыре, пять)?.. А сколько дождинок уже дождь?..

232

...Можно лиrationально-хирургически разобрать стихотворение Лермонтова «Есть речи – значенье...»? Какие же это высшие «**звуки**», ради которых можно все бросить? Даже весьма серьезные дела:

...Не кончив молитвы,
На звук тот отвеку
И брошусь из битвы
Ему я навстречу.

Думается все же, что могут они перебить молитву, отвлечь от прочих дел, но из такого «плотного» и динамичного события как битва отвлечься труднее. Не только от тебя зависит. Впрочем, поэту видней... Тем не менее, что же это такое, так властно перебивающее текущий момент? – Некое неожиданное как снег на голову событие... Любовь? Она может. В этом состоянии действительно речи не имеют логического значенья – темны они или ничтожны (зря нападают на эти несчастные «...муси-пуси я во вкусе» – на мурлыканье), ибо и так все ясно – без слов... Слова – это все-таки ритмы бытовые, физические, де-факто да де-юревые, корневые (корешковые), тутощние... Звуки (вершковые) – брезжущие смыслы («Из пламя и света» лишь нарождающиеся, еще не воплощенные в слово), метафизические. Поэт застигнут этими музыкальными обещающими миражами – они-то и накрывают его «средь шума мирского». Но нет более благодарного, восторженного, счастливого, искупительного момента для поэта как этот...

233

...Фома-неверующий – это железная судьба. Его неверие заключается в том, что он дотрагивается до тела Христа, дабы удостоверится в его воскрешении. Поверили он после этого **чуда?**.. Мы, бесчудные дети «диалектического материализма», доверия глазу, обречены постоянно дотрагиваться до физического тела по-фоминому, ибо нельзя чуть побить им и оборотиться. Жизнь мимо Фаворского света. Мир – потная каменоломня. Смерть – голые косточки... Это крест...

234

...Пушкинское сравнение душевной печали с вином:

...Но как вино – печаль минувших дней
В моей душе чем старе, тем сильней...

Если подойти к эпитету «сильней» дотошно и со знанием винного дела, то можно заключить: оно относится не к крепости вина, поскольку вина, отстаиваясь, в этом смысле имеют предел. Крепчают не бесконечно, а где-то до 11-12 градусов. «Сильней» и «крепче» – не одно и то же. Поэт имел в виду, конечно, метаморфозы вина во времени. Оно действительно качественно меняется: благороднеет цветом, увенчивается заслуженными сединами, дорожает по линии коллекционности...

235

...Тютчев не враз становится «поэтом бездны». «Соблазнительной» ночи. Поначалу какими-то отдельными прорывающимися строчками... Явственно этот мистический «испуг» звучит в стихотворении «Сны»:

...Небесный свод, горящий славой звездной,
Таинственно глядит из глубины, –
И мы плывем, пылающею бездной
Со всех сторон окружены.

(«Бездна» Ломоносова не так пугающа. Там больше чистой ученой любознательности. Впрочем, также Фета: «И с замираньем и смятением Я взором мерил глубину...»). Это страшное знание «пылающей бездны» будет все глубже и концентрированней. Двойственность жизни: внешний блеск («Покров, накинутый над бездной») и подспудный трагизм, *родной* (мы дети его) хаос (революционная пороховая бочка – социальное его продолжение?)... Стихотворение «MALE ARIA», судя по комментарию, *книжное*, навеянное (зараженный воздух – чума? свиной, птичий грипп?), – чистый голос смерти, но это *частный* момент той же открытой себе поэтом изнанки бытия – небытия. Ощущение бытия как *подвоха* («И перед ней мы смутно сознаем Себя самих – лишь грэзю природы») фундаментально в мироощущении поэта, очарованного бытием (подсчитать синонимы слова любовь) и подчас теряющим мучительную «бдительность». Небытие везде: бытие – это небытие:

...Все так же грудь твоя легко и сладко дышит.
Все тот же теплый ветр верхи дерев колышет,
Все тот же запах роз... и это все есть Смерть...

Смерть, небытие априори. Смерть – прикидывающаяся розой (...*прикид...*). С пушкинской перекликающейся: «И девы-розы пью дыханье, Быть может... полное Чумы»...

236

...О, многозначность эта языка! «Мы поименно вспомним тех, Кто поднял (! – В. С.) руку!» – Галич. На Пастернака, разумеется. Поднять руку осуждаючи голосуя, и поднять руку – просто физически ударить. Одно и тоже бессовестное палачество по существу. «Цивилизованное» отстранение от непосредственного контакта с жертвой. Летчик, сбрасывающий бомбу... Вроде бы поднял руку эдак понезаметнее, но твой голос учли да подсчитали где-то там, и *за тебя* бюрократически-механически услужливо ударили...

237

...Чем ценила классика? – Там есть ответы на вечные вопросы. Вот, например, заглядывая в Блока: «Мы плохо умеем отделять настоящую книгу от рыночного хлама. То и другое одинаково имеет вид книги. Хлам часто издается даже гораздо «роскошней», чем настоящие книги...» Сейчас ведь то же самое. Значит – так было всегда. Можно ли с этим что-то поделать без нажима?.. Взвывать рынок к совести? Нет, конечно... Литературная «неподготовленность» читателя – величина постоянная. Можно лишь «точечно» скромно «бороться» за штучные души читателя *чистым* искусством...

238

...При всем благоговении к великолепному поэту, рефлексивная реплика. Вот пишет Осип Эмильевич в «Письме о русской поэзии»: «В конце прошлого века русская поэзия вышла из круга домашних напевов Фета и Голенищева-Кутузова, приобщилась к широкому кругу интересов европейской мысли и потребовала себе мирового значения...» Конечно же, поэзия имеет свой прогресс, каким-то образом *наращиваясь*... Задевает за живое уничтожительный эпитет: «домашняя». Потом: Фета и Голенищева-Кутузова – в одну обойму?.. Маяковский – революционная, ну и что?.. Пятерка по пятибалльной системе?.. Гигантоманией была охвачена эпоха. И Мандельштам ее не избежал... Поэт Поэта не опровергает, наподобие паровоза электровозом. Пушкин Державина. Блоковские символические «туманы» не вычеркиваются Гумилевской акмеистической предметной ясностью... Поэт – явление не горизонтальное, а вертикальное...

239

...Вот бы почитать эти самые записки, сподвигнувшие Блока на статью «Женщина, которую никто не любил». Удовлетворить любопытство... Хотя ловишь себя на простодушном любопытстве замочной скважины. Понятно, что уровень содержания их – в стихийной

бытовой откровенности. Литературно не обработанной... Литература – это все-таки *культурное* продолжение дела. Как сказала Ахматова: одна великолепная цитата. Или Жак Деррида: «следы». А так – человеческий документ, а не *искусство* (Эдичка сделал его приемом, Генри Миллер, нынешние «альтернативщики»: например, Ирвин Уэлш – та же акцентированная линия маргинализированной «жести»)... Блок и пытался опубликовать его в этом роде. «Сознавая все эти убийственные недостатки дневника, я спрашивал себя при чтении: почему испытываешь волнение, перелистывая эти сотни наивных страниц, заполненных чудовищной безвкусицей...». Очевидно, в этом произведении (без кавычек), Блок почувствовал разницу в том, что искусство все-таки идет по линии искусственной крови – «клюквенного сока», *игры* в кровь, профессионального изображения крови (требующего такого же ценителя условной крови – фабула, композиция, изощренный язык), а тут она – пугающе натуральная, как сама жизнь... С дышащей почвой и судьбой. «Эта женщина всю жизнь искала и продолжает искать Бога, а Бог был к ней, может быть, ближе, чем ко многим другим...». Тем не менее, лишь на площади литературы (*размеренно подать кровь – писатель* Варлам Шаламов) можно выразить нечто большее, чем занимательный сюжет – коснуться невыразимого. Это мучительно понимал *поэт* Борис Рыжий:

«Борис Борисыч, просим вас читать
стихи у нас». Как бойко, твою мать.
«Клуб эстети». Повесишь трубку: дура,
иди ищи другого дурака.
И комом в горле дикая тоска:
хуе-мое, угу, литература...

240

...Может, ломлюсь в открытую дверь, а словаря под рукой нет. Например, слово «случай» – не корень ли «луч»? Да нет, конечно. Но как уж логично... Луч во мраке, как нечто *случившееся*, как событие, движение, про-ис-хождение, что-то из-ошедшее из ничего, динамика из статики... Жизнь *случилась*... *Да будет свет!*..

241

...Шут гороховый, то же – чучело гороховое... Понятно, что речь идет изначально о пугале, которое ставили сторожить огород с горохом. Одетое как попало... Ставшее нарицательным, характеризующее неряшливого и пустого человека... Впрочем, *что* шут (дурак) посеребреному, как социальный феномен в истоке? Не как профессия?..

Человек, так или иначе, *слабый*. Не обязательно буквально дурак, но по слабости валяющий дурака – артистически... Пьянство в корне – тоже форма шутовства. Духовная слабость. А наше национальное пьянство, по-видимому, – серьезный исторический симптом этой болезни. Шут – форма социальной адаптации, приспособленчества, конформизма... Шут – пластический продукт иерархического неравенства отношений. Царь и шут (Иван-дурак) – объективная полярность. В любом, мало-мальски возникающем коллективе (дедовщина), роль «шута» (как, впрочем, и «садиста») объективно заложена. Объекта насмешек. До поры. Такие подчиненные отношения чреваты... Шут, как феномен, западного происхождения. У нас – юродивый, явление более русское, как пишет философ Каравес. Более масштабное, площадное... С него нечего взять в буквальном смысле. Ему нечего терять, поскольку жизнь его тела – некая жалкая видимость. «Юродивый – «брать» праведника. Он вымазан грязью, оборван, он «ругается миру», но смысл его хулы в итоге совпадает с молитвой праведника о спасении людей». Юродивый – некий *выкидыши* социальной жизни. Некий выверт тяжести социальной жизни... Укор (укол – глаза колет) социальной жизни. Индикатор неблагополучия общества. Общество не может быть вполне счастливым в виде юродивого... А в виде бездомного пса – может?..

...В каждом из нас сидит, наверное, если копнуть, затаившийся шут. Шутовство, впрочем, может быть массовым. Если вспомнить совсем недавние тоталитарные бурные продолжительные аплодисменты, переходящие в овации...

242

...О, сиюминутное самодовольство сейчас живущих! Нам кажется, что мы умнее предыдущих поколений просто по определению... Идем с товарищем гуляючи по улице. Огромная «металлургическая» луна выкатывается на горизонте. – А почему она нам видится внизу большой, а вверху маленькой? – вопрос спутника застал меня врасплох. Хотя мы вместе быстро разобрались со школьной многовековой задачей... Стали ли мы, «уличные», ныне физически живые, умнее да «продвинутее» Аристотеля, Декарта, Галилея, Канта?..

243

...Существует этакая бодряческая самоуверенность физически живого лица по отношению к мертвому. Все мы ею грешим. Вот и статья А. Кушнера «Тютчев (в новом ракурсе)» что-то в этом роде. Хотя что в ней особенно нового?.. Как бы ни были утопичны «славянофильские» мечты Тютчева (а Данилевский, а Леонтьев?), они органичны

времени, эпохе. Эпохи – сдвиги сознания в том числе. Следующим временам («времена не выбирают») кажется, что они умнее предыдущих само собой. Отсюда эти всевозможные «суды времени» и прочие последраковые сванидземлеченские сослагательные наклонения... Конечно, от них никуда не денешься, но много ли они истины стоят?.. Тоже самое назвать политическую лирику «трескучей и вздорной». Эпитет «вздорный» весьма не нов – принадлежит Л. Н. Толстому. Тютчев и сам понимал ее *функциональную* ограниченность. Это вопрос его общественного темперамента. Небрежное отношение Тютчева к своим стихам (на деле вопрос более глубокий – читай, к примеру, Кожинова) – тоже притча во языцах и секрет полишиналя – ничего из «нового ракурса». «Психоаналитическая» же часть статьи шокирует оригинальностью: оказывается, вся тютчевская экспанссионистская «теория» – лишь подсознательная меркантильная тяга к южному теплу (мерзляк был Тютчев. Впрочем, и это не ново – читай Пигарева, например). Как будто он один панславистски к нему, теплу, стремился... Вот описание дочерью поэта реакции на падение Севастополя: «Зная его страстные патриотические чувства, я очень опасалась первого взрыва его горя, и для меня было большим облегчением увидеть его не раздраженным; из его глаз только тихо катились крупные слезы...». Как понять нынешнему механически продвинутому времени, что раньше реальные патриоты были, а не пацаны? Которые «отстало» плакали за Родину...

244

...Ах, Валентин Яковлевич... Изящно умный и умно изящный Валентин Яковлевич («Блаженство и отрава» – Город № 27)... Позвольте одну, токо одну маленькую принципиальную реплику, ибо со всем остальным благодарно соглашаешься. Насчет «читательского закона». Как только берется читательский «закон» за права, то тут же и появляется цензура, всяческие рамки, прокрустовы ложа, общественные движения и борьба за «чистоту» (прочий *правеж*), тут же и начинается идеологическое «щекотание» вместо художественного искусства. А это уже не *эстетическая* «поляна», а, простите, лакейская. Лирическому (появляющемуся непредсказуемо) поэту, а это голос частного человека – честность частности – (не солипсисту и пр. партийным психам), творящему в своем углу, высокопарно разговаривающему с Богом тет-а-тет по *эстетическим законам*, по-прежнему «не дано предугадать – как слово наше отзовется». И не дай господь... Пушкинский завет («Ай-да Пушкин, ай-да сукин сын!» – самоудовлетворение *тильма для себя*), в том числе подхваченный Гумилевым: «Упреки льстивые и гул молвы хвалебный Равно для творческой святыни не-

потребны...». Ходасевичевы лыка в строку: «Ведь мы и гибнем и поем Не для девического вздоха...». Пастернаком: «Но пораженья от победы ты сам не должен отличать...». Чуткий Блок усмотревший в сочетании «Союз поэтов» оксюморон. Нобелевская лекция Иосифа Бродского – сплошь развернутый пример доминирования эстетического над этическим... Мне близка в этом плане мысль Марины Цветаевой «ДЛЯ КОГО Я ПИШУ»: – Не для миллионов, не для единственного, не для себя. Я пишу для самой вещи. Вещь, путем меня, сама себя пишет. До других ли и до себя ли? (Заметим в скобках: в этом ракурсе и можно понять концептуалистскую прозу Сорокина. Вряд ли он *рассчитывает* кого-либо огорчить. «Наши» – это следствие.) Примеры можно множить. Просто просятся в иллюстрацию стихи Бориса Романова из свежей антологии «Пламень»:

Поэтов все еще немало.
Ну а читающих стихи
хотя б и вовсе не бывало.

Ведь не для кур, что дремлют вяло,
а для того, чтоб солнце встало,
поют в потемках петухи!

В этом «хотя б и вовсе не бывало», конечно, можно заподозрить этакий отчаянный задор автора и бравадку (в сторону: – Хочет, хочет побольше поклонников!), но – как частный случай заблуждения! Пронесение художественного слова (не агитки) – чисто эстетический самодовлеющий акт. Это не значит заведомо морально безответственного! Если оно еще и находит *со-чувствие*, то автору это приятно, «благодати» подобно. Но это лишь («...Нам не дано предугадать...») социальное *приключение* слова. Совершенно самостоятельная и независимая вторая половина его жизни...

245

...Ловлю себя на старицком консервативном ворчливом слове, вспомнив Маяковского:

(У меня в душе ни одного седого волоса,
и старческой нежности (! – В. С.) нет в ней...)

нашел чем хвастать, фулиган... Вообще, Маяковский энергетически – поэт *молодежный*, для молодежи. Он и сам-то умер молодым... С годами приходит это ощущение. Появляются этакая пожилая въедли-

вость и досужее крохоборство... Скепсис... С тобой, как с читателем, происходит естественная (?) временная метаморфоза... Вроде бы *эффектно* слезу вышибало:

...Я люблю зверье, увидишь собачонку –
тут, у булочной, одна – сплошная плеши –
из себя и то готов отдать печеньку –
мне не жалко, дорогая, ешь!..

А сейчас приземленно по-обывательски думаешь: стала ли она после такой самоотверженной «печеньки» сыта? Может быть, лучше – хлеба конкретного?..

246

...В природе человека нет золотой середины. Чуть что, слабинка – сразу гедонизм. Рим от кайфа рухнул. Социальные противовесы удержания в форме (служебной) человеческой *плазмы* (неустойчивого состояния вещества): мораль, религия, государство, акцентирующие внимание на «духе» (долге), не могут преодолеть «атавистическую» природу тела (побеждает почесывание, «сторона удовольствия»). Вся эта «надстройка» – заговаривание тела-помехи, что заговаривание зубов. В борьбе за «дух» самыми принципиальными и радикальными, идущими честно до самого *конца* по этому пути, оказываются скопцы (В. В. Розанов – «Люди лунного света»). Или платоновские чевенгурцы (русская революция – проект духа в ущерб путающемуся под ногами телу). Европа много веков живет под знаменем гуманизма, антропоцентризма, личностной свободы... Правилен ли этот «разнуданный» *приспособленческий* путь («движение все, цель ничто») или гиблен? Перспективен или тупиков? Способно ли человечество остановить, например, глобальное потепление за счет почесывания?.. Как там у Маяковского?

...Всемогущий, ты выдумал пару рук,
сделал,
что у каждого есть голова, –
отчего ты не выдумал,
чтоб было без мук
целовать, целовать, целовать!? (! – В. С.)

(А как же «в поте лица своего»? Тем более, нефть скоро кончится.) Ибо, судя по всему, руки, голова, сердце оказываются все же в этой

«иерархии» весьма второстепенными. Главное – исключительно целовать, целовать, целовать («...движение – все» – тела, лови кайф!). В любом случае, это организационно самый легкий, бессовестный, *естественный* (купилprodайсяебя), проституированный механизм (глянь в телевизор или в Жана Бодрийяра – «Символический обмен и смерть») жизни. По-рекламному (люби себя!) ухоженное да взлелеянное, сбекавшее от нас напоказ, как гоголевский Нос, статистически безудержно заголенное тело цивилизации...

247

...«Как закалялась сталь», «Молодая гвардия», «Повесть о настоящем человеке» (ублюдочное: «Но ты же советский человек!» Будто остальные деланы пальцем, как заметил Твардовский) и прочие книги (если спрятать Платонова да Булгакова) – могли бы по отдельности быть хорошими художественными произведениями на необитаемом острове. В архипелаге ГУЛАГ. Без контекста мировой литературы. Но... подводят они эстетику, подкачивают... Идеологический социалистический реализм пытался делать из людей массовые беспримесные железные гвозди на службе партии («Гвозди бы делать из этих людей...») И прочие «драгметаллы» по инженеру Вермо). За колючей проволокой. Хотя человек «строится изнутри», а не извне. Как экзистенциальная проблема для *себя* («...но гражданином быть обязан» (воспитание) – социальная). Иначе – наташивание, дрессированные тюлени...

248

...Нет-нет да и упомянет всуе какой-нибудь нынешний Цицерон-романтик хрестоматийные строки Тютчева:

Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые...

Наверное, имея в виду себя (про себя) в контексте последующих:

Он их высоких зрелиц зритель,
Он в их совет допущен был –
И заживо, как небожитель,
Из чаши их бессмертье пил!

Надо ли романтизировать и провоцировать социальные потрясения? Может быть, лучше относиться к ним как к *хозяйственной* проблеме

(как Столыпин)?.. Впрочем, все это идеалистическая риторика. Как-то проскакивает зачастую мимо сознанья смысл предыдущих:

Во всем величье видел ты
Закат звезды ее *кровавый!*.. (! – В. С.)

Революции – это всегда пагубная политическая страсть и кровь!.. *Народная* трагедия... Забывают это напрочь трибуны энтузиасты. Очень не популярна у них «понижающая» реминисценция Ходасевича (да и не только его):

Горе нам, что по воле Божьей
В страшный час сей мир посетили...

249

...(штришок) В революциях в дело вступает неотвратимый Рок. В революциях по отдельности люди теоретически умные, а все вместе – практически безумны, ибо таких дров наламывают (кстати, не так уж и безумны: «...в революционной партии на 100 человек, наверное, 90 подлецов и негодяев, вредящих делу. Это между интеллигенцией, а в народе? ...всезде вижу одно – лишь полное отсутствие человечности, одну лишь цивилизационную гангрену буржуазных стремлений» – так с горечью писал Мишель Bakunin, подводя итоги своей революционной деятельности). Пусть не Рок – политическая идея, задача, цель, актуальный лозунг, перед которыми человек оказывается мал... В революциях есть «низ» и «верх». Мародерская кровавая низость конкретных лиц с мандатами или без («голодные» записки Марины Цветаевой 1918 года) и безличное идеалистическое «упоение в бою у бездны мрачной на краю» голой Свободы... Сколько в революциях обыкновенной бытовой грязи! Да что там грязи – дерьяма! Революция – это один огромный разнуданный нужник (почитать хотя бы воспоминания Р. Донского из «Архива русской революции». А наши банальные девяностые – по уши заваленные мусором?)... В сущности, революции – это *неизбежные* покушения на счастливые и сытые евангелия от банкира (сегодня Авена)...

250

...Попытка афоризма: революции делают непорядочные люди. То есть восстающие против существующего *порядка*. Устанавливающие *свой* порядок. До следующих непорядочных людей...

251

...Вот еще темка: есть пьянящие поэты и трезвяющие, как сентябрь. *Шаман* (...ман... манить... заманиловка...) поэт?.. Бывает так: любил и... разлюбил. Поэта... Зачарованно внимал, самозабвенно вызывал на бис... Зачитывался, упоенно скандировал... Твердил наизусть, делился с другими назойливо щедро... Жил им, наркотическим властителем дум твоих... Тем паче – взбудораженных чувств... Вдруг что-то незаметное произошло в отношениях «читатель-писатель», изменилось со временем (изменило)... И вышло как у Гумилева в строчках:

И, как пчелы в улье опустелом,
Дурно пахнут мертвые слова.

Те же, вроде бы, слова!.. А обаяния лишились... Для тебя... И стыдновато как-то даже стало: как с похмелья... Чары рухнули... Отрезвела голова и сердце заавнодушнело... Где все?.. Сплошная фальшь, эффект эстрадный – как мог купиться ты на этакий дурман, клоунаду, фокус?.. Однако, не только ты... А может, просто зачерствело сердце? Жиром заросло, как у Ионыча, непробивным?.. А может быть, наоборот: не заросло, а возмужало и закалилось против мелочности суety? Потому что «в скучных пределах естества» все происходило – без контекста вечности... Зелен был, кумиров сотворял... А сейчас, по-экклезиастовски испепеленный, – слушаешь Баха и хватаешься за голову отчаянно: – На что я жизнь убабахо!..

252

...Искусство деградирует от штампов, а муттирует по законам вирусных штаммов: с настоящим произведением поначалу не знаешь как «бороться»...

253

...Вынырнув из забытья чтения, как ныряльщик: токо-токо разлакомился на пищу жизни, а уже пора *домой* из гостей («Человек приходит из небытия и уходит в небытие, так ничего и не поняв» – А. Н. Чанышев, «Трактат о небытии»)...

Мне страшно, что жизнь прожита,
Что смерть – это значит домой...
(Владимир Соколов)

254

...Рифмованный стих устарел – затвердили (с XIX века! Хотя Случевский уже тогда дал достойный ответ на это сомнение стихотворением «Ярославна»). Дескать, им пишет каждый – мальчикам в забаву. Верлибр, мол, верлибр... Как будто, если пишет каждый, прибавилось поэзии... Колесо – оно всегда колесо. Деревянное горацово или шипованое бродское. В какую б моду мы ни одевались, под одеждой всегда будет одно и то же: голое неопровергнутое тело... Оптимизм внушает не форма, а глубинная суть (поэзия – *дактилоскопична*). Потенциально заложенный в человеке *спрос* на поэзию. Даже не способность поэзии эмоционально схватывать хаотическую реальность, гармонизировать ее («Поэт – сын гармонии» – писал Блок), ориентировать, оформлять, а удовлетворять *метафизические* потребности. Человек будет всегда находиться в контексте непостижимого. Его внутренняя сиротливость неумолима... Если, конечно, он останется человеком...

Ольховый полдень на краю болота.
Среди осоки ряска и покой.
И ровное гуденье самолета,
Как комара, не отогнать рукой.

И стебли трав, и тени под ногами
И ствол ольхи – забылись летним сном.
И снится им полет за облаками
В сияющем пространстве неземном...
(Игорь Мельников)

255

...У Блока какие-то разрозненные, в том числе незначительные бытовые факты, сливались в исторический гул, поток, «музыкальный напор»... «Чувство неблагополучия (музыкальное чувство, ЭТИЧЕСКОЕ – на вашем языке) – где оно у вас?» – из «Записных книжек».

Есть «у нас» оно – чувство глобального неблагополучия. Чувство всепроникающего «наперсточничества» заложенной социальной системы, лжи и механицизма жизни, когда слова произносят продажного чиновника, а не наоборот – чиновник слова. В этом несоизмеримо счастливо захлебывающемся в смехе и кока-коле фасаде. В бесконечно льющейся на уши информационной лапше глобальных проектов на

фоне «законсервированной» *вечной* российской убогости и нищеты. В масмедиийных «раскрученных» идолозированных персонажах, зомбирующих фанатическую толпу непрерывным развлекаловом. В докторской колбасе, отдаляющейся все дальше и дальше от своих мясных «корней» в *симуляцию* колбасы (в тенденции симулируется все!). В небывалом провале Зимней Олимпиады. В выгодной для высокопоставленной лукойловской шишке «случайной» отключенности видеокамер в центре Москвы. В тотальной *подставе и кидалове* жизни... Во все большей потере *стержня* (тоже блоковский «термин»)...

256

...Можно ли писать стихи после Освенцима? – провокационно-риторический вопрос Теодора Адорно. Стихи можно и не писать. Если это приплясывание за плугом. Поэзия – онтологическое свойство человека. Без поэзии человек – не человек. К сожалению, и без Освенцима – не человек. Безбрежен он – диапазон...

А можно ли написать что-то типа скороспелой умопомрачительно бес tactной агитки «Я умер в Беслане...», а потом аппетитно лакомиться своей переделкинскодачной приватизированной малинкой?..

257

...Историческая тишина молчания, безмолвия – *пред*-сказание. Нарушилась тишина, *сказалась*: сказом, сказкой, сказанием...

258

...Недавно академики кофе мужского рода «разжаловали» в средний род: теперь он *оно и черное*. Мотивируя это народной практикой... Академикам, конечно, видней... По этой логике надо бы и вопросительное местоимение «что» (в двух вариантах произносимое: по-интеллигентному «что» и по-обыкновенному «што») словарно узаконить в «чо» («что за базар») – вся страна давно поголовно *типо* «чокает»...

259

...Любим мы ярлыки развешивать да по полочкам раскладывать. Ярлыки объясняют, полочки успокаивают. Повесил – и спокойненько живи дальше. Подобно гоголевскому Ивану Ивановичу: «Сия дыня съедена такого-то числа...» Или: «Андрей Платонов, Михаил Булгаков – советские писатели» – заявляет ничтоже сумняшееся вездесущий шоувандеркинд Дмитрий Быков. Впрочем, это распространенное мнение. А почему, собственно, советские (*политический ярлык*)? Только потому что они совпали с советским временем? Или участвовали в

коммунистическом «проекте»?.. Разумеется, были в чистом виде советские писатели-служаки – где они сейчас? Ничего от них не осталось... Для Платонова эпитет советский – чудовищное прокрустово ложе... Да и для Булгакова... Значит, по этой логике Бунин – царский (власть была *царской*). Горький – царско-пролетарский. Тож Белый... Блок на 95% царский, на 5% советский... Пастернак на 20% царский, на 80% советский... Сам Дмитрий Быков – чисто демократический на все 100... Али *русский*-таки в силу языка?

260

...Классика: «черный риэлтор» Лиса («Была у Зайца избушка лубянная, а у Лисы ледяная. Пришла весна...» и т. д.). Забулдыга Заяц. Судебный пристав Петух...

261

...Помнится, «забавлял» женщину чтением любимых стихов наизусть. В том числе бунинским «Одиночеством». Она заинтересованно слушала. Среагировала же весьма категорично на следующие строчки: «Мне крикнуть хотелось вслед: «Воротись, я сроднился с тобой»: – Что же не крикнул, если хотелось?.. Все мужики – трусы!..

262

...Философия – это мозг на блюде...

263

...Почему все так быстро забывается? Потому что отпускает боль... Также и боль историческая. Память наша так устроена... Примерно такие мысли возникают с *думой о Ленине*. Никакие документальные факты (их масса) его фанатической жестокости не действуют на *ленинцев* (да и на сталинцев тоже) как аргументы. Особенно поколений молодых – *оторванных*. Находящихся вне зоны действия болевой сети: в бескровно чистых символических абстракциях (есть, правда, и немолодые интеллектуалы-одиночки, сваливающие вину и ответственность за жертвы на безличный Рок). Людям нужны «клевые» знамена. Вернее, знаменам нужны полнокровные люди как приложения... Как там у Марины Цветаевой?

...Белый был – красным стал:

Кровь обагрила.

Красным был – белый стал:

смерть побелила...

264

...Простодушно ноздревская поправка Тютчева сиюминутным по-этом Николаем Зиновьевым умилительна:

Душа хотела б быть звездой.

Ф. И. Тютчев

Над этой фразою мирской
Враг человечества хохочет...

...Душа душой оставаться хочет,
И оставаться неспроста,
А в объятиях Христа.

Ухватка слесаря-интеллигента Полесова: – Ну, кто так стихи слагает! Уйди... Еще бы Марину Цветаеву поучил эдак щи варить – «беззаконницу»... Базар-то свой православный фильтровать надо...

265

...И читаешь, например, мемуары Фаддея Венедиктовича Булгарина — и образец приличного и рассудительного человека предстает перед мысленным взором. Патриота. Отнюдь не Фиглярина...

266

...Достоевский разъяснял, что все Карамазовы — потенциально в нем. Впрочем, и Свидригайловы сидят тоже не где-нибудь за кусточками, а являются нашим внутренним содержанием...

267

...Творчество Осипа Мандельштама достаточно серьезно исследовано. В том числе раннее. Отмечено, что стихотворение «Дано мне тело — что мне делать с ним...» написано как бы с *перепугу*. После рискованной болезни. То есть имеющее непосредственный психофизиологический корень.

Дано мне тело — что мне делать с ним,
Таким единственным и таким моим?

За радость тихую дышать и жить
Кого, скажите, мне благодарить?

Я и садовник, я же и цветок,
В темнице мира я не одинок.

На стекла вечности уже легло
Мое дыхание, мое тепло.

Запечатлеется на нем узор,
Неузнаваемый с недавних пор.

Пускай мгновения стекает муть –
Узора милого не зачеркнуть.

Стихотворение-облегчение, стихотворение-благодарение, стихотворение-размыщление – все это в нем, разумеется, наличествует. Все же оно гораздо пространнее подобных прокрустовых эпитетов. Глубже, онтологичнее... Именно – в первых двух строчках. Перекликающихся экзистенциальным изумлением (голым «парусом духа»), например, с: «Неужели я настоящий и действительно смерть придет?», «Да обретут мои уста Первоначальную немоту...» (в отличие от постсостояния – рождения Афродиты). Поразительно, но как раз о теле-то меньше всего выпало заботы поэту. «Заботу» о теле полностью взяло на себя советское государство. Однако с духом Мандельштама оно не сладило. С духом вышла промашка...

268

...(продолжение) «Таким единственным и таким *моим* (? – В. С.)»... «Моим» – утверждение весьма... иллюзорное... В христианской парадигме оно тварное (тварь – Творец), сотворенное Богом живое существо. *Раб* божий со всеми вытекающими из этого последствиями и карами за непослушание («Создать меня, даже не осведомившись, хочу ли я этого, и потом обречь меня на вечную муку бессмысленного тления». – Л. Карсавин – «Поэма смерти»). Априорная *охваченность* тела (в общем, настроение стихотворения не выбивается из рамок принадлежности непререкаемому «садовнику») – да и духа, конечно же – социальными институтами! По христианскому закону я *обязан* умереть собственной смертью. Объятия Левиафана-государства еще более роковые. Механизм этого «объятия» обстоятельно проанализирован в книге Жана Бодрийяра «Символический обмен и смерть». «Я просыпаюсь. Я объят открывшимся. Я на учете», – как написал Пастернак. Паспортизирован и прописан с потрохами гражданским *доглом*... Выход (выбор: быть или не быть?) из ситуации (не в смысле

деструктивности), тем не менее, единственный, но есть. Есть исключительно личная мера...

269

...Что тело? Что дух от него оторвавшийся («Не знает чайка, что она чайка», – Евтушенко.)?.. Вся история человечества и искусства – запрет и расцвет тела. Вообще-то, тело – досадная помеха для духа: читаешь стихи любимой девушке, а у тебя в животе урчит. Тело – это икота, отрыжка, колики, кашель, сморканье, храп, пот, почесывание и прочие выносы тела, кои надобно иметь *в виду*. Впрочем, есть и прелестная сторона... Очень в тему написал Сергей Лейбград:

Строительство и голодранство
сливаются в одну черту.
Иду и пакую в пространство,
в темнеющую пустоту.

...И нет *стыда* (? – В. С.), и нет свободы,
а только этот честный звук
среди сплошной эрзац-природы
берущей душу на испуг.

Здесь каждый ход чреват, как крестный.
Так пусть – подхваченный волной –
мой дух отчаянно телесный
смутит идущего за мной.

Зато тело благо для сыска в его надежной материальности (международный розыск и пр.) – у него отпечатки пальцев, особые приметы, генетический код... Его можно пощупать, заключить, пришить к делу...

270

...Тютчевский «SILENTIUM» многократно истолкован и разобран по косточкам. Но какая-то *фора* все равно остается в его трактовках, вызывающих реакцию недовольства, а подчас и раздражения. Например: «Императив Тютчева мужественное отчаяние духовно богатой личности, обреченной в силу этого на непонимание ее окружающими и на неизреченность, а потому одинокой и замкнутой в себе, подобно Лейбницаевой монаде». Так в свою очередь прочитала это стихотворение (скорее, в духе «поэт и толпа») современная Дора Черашняя, имея, конечно же, читательское право на это... «Духовно богатой личности»... Гм... Значит, это... переживание доступно лишь избран-

ным?.. Хотя (Декартова мысль), если я подумал – все подумали, то есть потенциально может подумать то же самое и абориген – как *человек*, как существо разумное. Полагаю – и чувствовать. Судя по всему, Тютчев не очень-то страдал байронизмом, прочей романтической позой. Но в русле романтической поэтической *традиции* времени он, конечно же, находился. Со всеми его условностями и стереотипами. Из времени не выскочишь. Потому-то чувствуется неизбежный налет благородной архаики на стихах (слова сделали свое дело, как вулканическая лава, и застыли). Хотя тема воплощения словом «не-выразимого» волновала не только Тютчева. У Лермонтова: «...Простых и сладких звуков полный, – Не вслушивайся в них, не предавайся им, Набрось на них покров забвенья: Стихом размеренным и словом ледяным Не передашь ты их значенья»... Непонимание людей на каком-то глубинном уровне – главный смысл стихотворения (как напишет Мандельштам, подхватывая: «Я участвую в сумрачной жизни, Где один к одному одинок»). Он коснулся универсальности этого закона. Непонимание, разумеется, не на информационном уровне. Убили ли «несказанности» дальнейшие эксперименты со словом – футуристы и пр., дробя его на элементы?.. «Из сознания непостижимости мира вытекает другое – невозможность выразить свою душу, рассказать свои мысли другому» – пишет о «SILENTIUM» Брюсов. Продолжая: «Как бессильна человеческая мысль, так бессильно и человеческое слово» («Ф. И. Тютчев. Смысл его творчества»). Вяч. Иванов: в «Silentium!» выразилось «осознание общей правды о наставшем несответствии между духовным ростом личности и внешними средствами общения: слово перестало быть равносильным содержанию внутреннего опыта» (цитата из статьи Королевой Н. В. Ф. Тютчев – «SILENTIUM»). Все это все равно где-то вокруг да около – такое ощущение. Человеческая мысль и слово не бессильны как раз. Мысль можно выразить при помощи слов. Плюс чертежи, графики, формулы, цифры, и прочая наглядная агитация (хотя на самом деле все гораздо сложнее и противоречивее – читал я «Антиномии языка» П. А. Флоренского)... Сам Тютчев в письме к Ив. Гагарину пишет: «В сущности, как только человек расстается со сферой чувств, для него, пожалуй, не остается реальности, кроме этого согласия, этой духовной связи...». Другое дело *душу* (хотя это слово тоже самое что ни на есть подручное как инструмент), «темный бред души». Вот выражение всякого этого *несказанного* (у символистов ли), недискурсивное в результате, на поверхку оказывается бледным и неточным: «Мысль изреченная есть ложь». Прежде всего это чувствует *художник* (поэтическое слово в тенденции – музыка. Фет, например)... После всего

высказанного остается неисчерпаемая метафизическая глубина. Поэтому стихотворение так интоационно категорично.

Молчи, скрывайся и тай
И чувства и мечты свои...

Не «мысли», а «чувств». Мысль можно передать. Можно столкнуться. Хотя и тут возникают определенные «ававилонские» ножницы. Мечты можно отрационализировать и отклассифицировать (мечта о велосипеде, о любимой девушке, просто грёза) методом дедукции-индукции... В принципе, сама исследовательница истолковала стихотворение в эмпирическом ключе – буквально разбирая строчку за строчкой: «Как другому человеку понять твою и без того ложную речь о жизни сердца и как вообще другому понять, что происходит в глубине твоей, чуждой ему души?» («Другому как понять тебя? Поймет ли он, чем ты живешь?»). Не выбивающееся лексически из романтического контекста. И тут все чин-чинарем – правильно... Но... мало эмпирики... Слова стихотворения как бы прозрачнеют, становятся незаметными и хрестоматийно сами собой разумеющимися в восприятии. Вроде бы, понятное слово «мечта», но такое уж банальное... Впрочем, лучше чем *ничего* – есть за чего ухватиться, ибо слово все же предметно... Мутирует философский смысл стихов во времени. Тютчев уловил перманентную автономность сознания. Ритмическую разобщенность сознаний... Разнобой *озарений* сознаний истиной – личных эврик. Невозможно представить себе хор озарений на один и тот же предмет. Вроде бы давно знаешь это стихотворение. Сначала как школьник. Потом – как «культурный» человек. Потом – единственной не-повторимо радужной сиротливой радостью прозрения смысла, похожей на прорыв в какие-то первоосновы «родного хаоса» или «бездны безвидной». Может, это наш состав атомов плачет по своим забытым брезжачшим прошлым пра-пра-пра-пра... сочетаниям?.. Не об этом ли писал наш горемычный Александр Николаевич Радищев два века тому назад (знал ли Тютчев «О человеке, его смертности и бессмертии»?): «Где был ты, доколе члены твои не образовались, прежде нежели ты узрел светило дневное? что был ты, существо, всесилию и всеведению сопричастное в бодрственные твои лета? Измерял ли ты обширность небесных кругов до твоего воплощения? Или пылинка, математической почти точке подобная, носился в неизмеримости и вечности, теряясь в бездне вещества?».

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?

...Устаревают ли эти вопрошания-восклицания после Фрейда?..
Вот, не удержался, бесполезно высказался...

271

...(продолжение) Имеет ли стихотворение «SILENTIUM» отношение к теме «поэт и толпа» – в пушкинской коллизии: «Не для житейского волненья, Не для корысти, не для битв, Мы рождены для вдохновенья, Для сладких звуков и молитв»? Тем более в подобной: «Молчи, бессмысленный народ, Поденщик, раб нужды, забот! ...Ты червь земли, не сын небес»?.. Вроде бы, можно провести какую-то смысловую параллель из следующих тютчевских строчек:

...Есть целый мир в душе твоей
Таинственно-волшебных дум;
Их оглушит наружный шум,
Дневные разгонят лучи...(! – В. С.)

Но... вряд ли – тут имеет место внутренний диалог... Вообще, тема «поэт и толпа» эволюционировала в русской поэзии семимильными шагами – от высокомерия «сына небес» до экстаза полного растворения в массе («...мой стих, умри как рядовой...»). От нимба до кепки. Интересно продолжаясь у Ходасевича в «Балладе»:

Мне невозможно быть собой,
Мне хочется сойти с ума,
Когда с беременной женой
Идет безрукий в синема.

Мне лиру ангел подает,
Мне мир прозрачен как стекло.
А он сейчас разинет рот
Пред идиотствами Шарло... (! – В. С.)

Можно посомневаться, конечно же, в «прозрачности мира»... Хотя, речь идет сейчас о той же традиционной *пропасти* между «творческой личностью» и «окружением». Занятен нюанс этой эволюции: поэт не возвышается уже, а унижается – унижается:

«Pardon, monsieur, когда в *аду* (! – В. С.)
За жизнь надменную мою
Я казнь достойную найду,
А вы с супругою в *райо* (! – В. С.)...

Блаженны нищие духом – ибо их есть Царствие Небесное.

Тогда с прохладнейших высот
Мне сбросьте перышко одно:
Пускай снежинкой упадет
На грудь спаленную (! – В. С.) оно...

У Георгия Иванова:

...И понимаю, холода,
Что я уже не человек,

А судорога идиота,
Природой созданная зря.
«Ура» – из пасти патриота,
«Долой» – из глотки бунтаря.

У Галича то же самое:

Я твердил им в их мохнатые уши
В перекурах за сортирною дверью:
Я такой же, как и вы – только хуже,
И поддакивали старцы, не веря...

У... продолжайте, читатель...

272

...Очень *мурашковая* рифма «на кол – заплакал» в «Коньке-гор-бунке»: «На правеж, в решетку, на кол... Тут Иванушка заплакал, И пошел на сеновал, Где конек его лежал». Заплачешь тут... Кстати, не чересчур ли часто Иванушка в сказке слезы ляет? Чуть что – в слезы... Сам виноват: то жаро-птицино перо приберет, то на золотых яблоках черт попутает... Ищет себе приключения... Впрочем, что же, право, сиднем-то сидеть...

273

...Эго – эхо. Нарцисс – эго, нимфа – Эхо. Миф о Нарциссе воспринимается как патология. В сущности, во всем виноваты очарованные красотой глаза. Вот не было бы глаз... Нет – во всем виновато зеркало. Вот не было бы зеркал... От нарциссизма лечат. Корректируют личность... Нарциссизм – это поверхностная влюбленность,

лицевая... А вся европейская философия не зеркальнонарциссична ли в своей рефлексивной основе: «познай себя»? Ах, скорее (как пишет Бибихин) узнай себя. В «узнай себя» гораздо сложнее, там диалог, а не одностороннее требование. Кроме этой надписи на фронтоне дельфийского храма есть еще буква: Е... Короче говоря, читающий это самое «узнай самого себя», отвечает почтительно «Ты еси». Дескать, ты существуешь, ты само существование... То есть смысл требования заключается не в самопогружении с головой в себя как в воду – мир отнюдь не исключается. Узнай себя – означает найди себя, самоидентифицируйся, совпади с собой задуманным. Не познай, а узнай – здесь имеет место духовное отражение... В «познай» есть некая завершенность действия. Можно ли сказать живому человеку: я, наконец, познал себя? И что делать после познания себя? – Идти дурака валять?.. Вообще, в этом самом самопознании заключена мука («Познавший себя – собственный палач», как написал Ницше). Оно чревато выходом из себя: хватит самокопанья, надо действовать! Хотя и тут не все так просто с самопознанием, с самосознанием... Как пишет далее Бибихин: «Мысль и сама уже дело, и то, во что мы остуپаемся из мысли, тоже поступок, дело. Дело без мысли перестает быть делом, становится *не делом*». Так что думать все же надо. Смотреться в зеркало духа...

...Гуляя, подчас прохожу мимо здания бойцовского клуба, на котором тоже, как на храме, красуется взывающий к тебе изывающий лозунг: «Хватит собираться с духом – надо действовать». И то правда: надо действовать, надо действовать, действовать...

274

...Заспорили мы со Славой Смирновым насчет текста Высоцкого «Я дышал синевой, белый пар выдыхал...»: он утверждает, что это стихи, я – песня. Раз не обнаружено исполнения автора, коль нету записи, фонограммы, то и нечай стихи называть песней. И это превалирующее и распространенное мнение. Мол, «к сожалению, не успел или не было у него желания положить эти стихи на музыку...» (цитата из радиопередачи). Дескать, любое другое утверждение – отсебятина. Что ж, я и касаюсь этой темы в рамках «Отсебятины», а не юридической тяжбы. Я прослушал три варианта исполнения *песни* на эти *стихи*. «Роковый» Константина Кинчева, «актерский» Александра Вилкова (театр у Никитских ворот), «фанатский» (автора не помню). Назвать музыкой вариант Кинчева язык не поворачивается – это та же ритмическая основа, о которой говорил Высоцкий, «сдобренная» инструментами. Актер Вилков исполняет стихи более мелодично – ближе к песне, без речитатива, под гитару. Авторанепомню – как имитатор

ритмической основы. Используя широкий контекст манеры Высоцкого. Получается до жути похоже, но подражательно пошло... На мой дилетантский слух все три исполнения *похожи* в основном. Поскольку сами стихи готовы к пенью. Судя по тому, как работал Высоцкий над песней («...маленький магнитофончик... меняю размер... это моя кухня — вам не интересно...» — что-то в этом роде припоминается), стихи зачастую деформировались мелодией, он их «подгонял». Это понятно. Стихи «Ямщика» стопроцентно подогнаны мелодией — такое впечатление. Структура песенная (с припевом, хотя и с разнообразным). С «трудноточением» стихов — нацеленных не на произношение, а на пение (характерная творческая черта). И если нет авторского конкретного исполнения, то это не значит, что он не пел эти стихи — пел. Хотя бы про себя. Нам просто не повезло их услышать...

275

...Мы в цехе собирали конструкцию пресс-формы для железобетонного завода, само собой разумеется, по чертежу. Детали по отдельности обрабатывались — фрезеровались, сверлились, сваривались — а при сборке в размерах образовались в каких-то «десятках»-«сотках», но недопустимые погрешности. Пришлось все переделывать. Переделав, дотянули до *нормы*. Изделие *протолклили*... Далекое до идеала... Впрочем, все у нас так делалось — проталкивалось. Да и сейчас мы не далеко ушли в машиностроении. Может быть, оттого что не очень жаловали Платона — идеалиста? Все больше к материализму льнули, жались. А ведь это самое идеальное приходит в голову как-то так естественно, на бытовом уровне. Оно есть. Маянщее как маяк совершенство. Вот и Дон-Жуан никак не мог удовлетвориться в стремлении к нему... Откуда в человеке это чувство идеального?.. Глянь на людской поток: тут недостаток, там избыток... Да и сама королева красоты без кавычек не воспринимается. И она это (если не дура) подспудно *знает...*

276

...Вроде бы пустяковый вопрос, а как мы рубашки рвали в засильных разговорах. Я открыл для себя, что с исчезновением отражающего духа, то есть человека, человечества — исчезает мир. И такие в ответ получал сарказмы. Мол, и этот стол исчезнет, и эта водка... Вспомнил эпизод из советского фильма (не помню названия), в котором тоже шли подобные дебаты, дескать, и этот городовой за окном тоже исчезнет?.. И Ленин в «Материализме и эмпиокритицизме» полемизировал с идеалистами примерно так же: мол, каменный уголь под землей существовал до духа и будет существовать... А я тоже утверж-

даю, что с исчезновением духа водка останется на столе, поскольку и стол останется. Но отражать все это будет *некому!* Пардон – выпивать. Мир окрашивается *человеческим* смыслом. Мы можем лишь предполагать, пока способны, что после нас все так и останется: водка, стол, Млечный Путь... Мир обессмыслился *по-человечески...* Позже я стал находить подтверждения, читая. Например, у Хосе Ортеги-и-Гассета: «Жизнь безумного – не его, т. е., строго говоря, не жизнь. Поэтому нет более невыносимого, чем вид умалишенного». И блестящее точно у Хайдеггера: «Если никакое присутствие не экзистирует, нет и «вот» никакого мира»...

277

...Вопрос о «перводвигателе» всегда метафизически открыт. (По словам Гесиода:

Прежде всего во Вселенной Хаос зародился,
а следом широкогрудая Гея. Также – Эрот...).

Разумеется, для любознательного ума. Впрочем, и для обывательского тоже. За исключением религиозного: здесь все понятно – Бог. Вопрос закрыт. Насчет *как все устроено*. Содержание этого «как все устроено» всегда ограничено. Ум всегда куда-то упирается. В какую-то немыслимую вязкую границу. Для Аристотеля это одна граница. Для ума, «отягощенного» современной астрофизической картиной мира – другая. Мы застигаем мироздание в процессе пространства и времени. «Ум, продумывающий мир до конца, выходит за (или на) его пределы. Он их и образует: мир присутствует (как мир, целиком) только в уме...» (А. В. Ахутин «Античные начала философии»).

То есть эта самая граница, предел для ума, не каменная стена – она бесконечно расширяется и конкретизируется. При помощи Эйнштейна ли, космического аппарата, телескопа «Хаббл»... Аристотель знал о законе *движения*, но не мог знать «теории большого взрыва». О черных дырах, темной материи... О том что наша галактика через энное число миллиардов лет смещается с туманностью Андромеды. Что наше родное Солнце через четыре миллиарда лет превратится в красного карлика... Гераклит: все миры мерно возгораются и мерно гаснут.

...Что-нибудь придумаем. Придумаем...

278

...Фаустовский возглас «остановись мгновенье» убийственно ответственен. Он произносится набело. Без репетиций, без прик遁ок.

Один лишь раз. Как сама жизнь... Его не переиграешь как в «стрелялках». Ты шел к нему. Ты готов за него умереть. Это как через тернии к звездам. Звездный миг... Хотя заложен в нем определенный риск импульсивности и соблазна: а вдруг до срока возгласишь? И не узнаешь главного – ради чего жил?.. Не дойдешь до «дамбы», завязнешь на Гретхен...

279

...Врубелевский Демон (как гимнаст Немов) лермонтовского возраста. Хотя по лермонтовскому «паспорту» ему – века. Он бессмертен. По сути, бессмертие это что-то вроде пожизненного заключения, отсидки. В этом отстранении от земных дел («Я царь познанья и свободы») есть, конечно, своеобразная логика. Действительно, что тут хорошего?

...Смотреть на землю станешь ты,
Где нет ни истинного счастья,
Ни долговечной красоты,
Где преступленья лишь да казни...

Много всего справедливого наговорил он про Землю. Есть от чего отвращаться. Со стороны видней. Но и *tam*, похоже, ему не очень-то весело и счастливо живется. Признание в любви к Тамаре не весть какая *по-земному* романтически банальная лапша, судя по лексикону, поскольку в этом безлюбом *tam* нет нужных для таких случаев слов:

...Всечасной дивною игрою
Твой слух лелеять буду я;
Чертоги пышные построю
Из бирюзы и янтаря...

Речь безличностная, механическая, «крутая»... Любовь к Тамаре вывихнула его на какое-то время из небесной стерильности времяпрожаждения. Что ж, на Земле рискованно. То же самое, к примеру, в банальность впасть... Хотя вряд ли Демон трус. «Жить для себя, скучать собой...» Тем не менее, демоны как-то получаются, выходят, выживают из народа в ледяные высоты... В безлюбость... Что ж, не Христы... Причин много. Обыкновенная физическая брезгливость может превратить человека в демона.

...Все мы в какой-то мере демоны – отчуждаясь, отдаляясь, эгоистически отпадая друг от друга...

280

...Общество социализирует человека во что бы то ни стало. Подчиняет своим *законам*. «Пейте, дети, молоко, будете здоровы». Покойников приукрашивает. Если что – изолирует нарушителя. Попросту говоря, сажает. Или «выпадает» на горьковское дно. Тем самым подтверждая свою логику и непререкаемую правоту *жизни*. Хотя понятие жизни метафизичней юридических законов государства. Которое мимикирует под подлинную жизнь, в сущности, не нуждаясь в *человеке*. Нуждаясь сквозь зубы в электорате. «В семье не без урода» – так радикально оно блюдет чистоту. Маргинальность – уродство. Даже философская. Толстого отлучают от церкви, в сущности, за *мысли*. Он невольник мысли. Но мысли, как и сердцу, не прикажешь! Она приходит в голову сама! Ибо нам свойственно впадать в мысль. Куда мысль вымыслит – до поры не знает никто. «Поэт издалека заводит речь, поэта далеко заводит речь...» (Цветаева). Мысль – это оглядка. Взгляд со стороны. С высоты птичьего полета. С демонической высоты... Мысль демонична, драматична, поперечна... Толстого поразила банальность жизни (скорее, «узость» цели), и он стал сторониться веревки (веревки общество не отнимет! Абсолютная свобода в веревке). Он взглянул на *механизм* жизни, и ужаснулся... А вообще, зачем мы рождаемся человеками в эту боль и муку? «Я, может, согласия на операцию не давал...» – как, тоже резонно, заявил Шариков... Мысль губительна... И спасительна. Она *побуждала* (блудный сын) и, преображенная, возвратилась в лоно. Броде бы, счастливый случай...

...Я плачу – овечка Долли:
зачем в эти светы дня
и в эту юдоль боли
вы выпустили меня...

281

...Не помню, где прочитал: русский мужик увидит голую бабу, и сразу акушером себя представляет. Так же и наш депутат. Если уж депутат, специалист по коммунальному хозяйству, то и само собой мастер на все руки, универсал. По части художественной литературы – тем более. Как там у Пушкина сказано? Суди, дружок, не выше коммунального хозяйства – умно же сказано. Дескать, скромнее вести себя надо в вопросах литературы специалисту по части коммунального хозяйства... Обсуждает, например, гордума проект Гимна Тольятти. В сущности, что тут обсуждать? Принимай или не принимай – вот и все! Ибо это *конечный* продукт. Прошедший предварительные стадии... Так должно было бы быть по-серезному... Но по какому-то роковому

недоразумению на обсуждение попадает *искаженный* текст, и заседание сбивается на литературную критику. Нападкам подвергается «маловразумительная строчка»: «Мой город Тольятти, ты *сердце столицы...*» Действительно маловразумительная! Просто глупая... Но на самом деле такой строчки в тексте нет! Почему бы не задаться вопросом: неужели профессиональный автор мог такое написать? Нет ли здесь ошибки? Но... Скорее здесь – *организационная* ошибка. Может, пригласи на такое важное мероприятие автора текста, не потратилось бы депутатское время впустую... В тексте строчка звучит по-иному, а именно: «Мой город Тольятти, ты сердца столица (!). Есть разница? Как известно, столица это главный город. В данном случае для сердца. Проще говоря, любит сердце свой город... Какая мука для авторского самолюбия искажение детища! Впрочем, это личная мелочь. Вообще, весь текст *профессионально* продуман! Построчно и в целом.

Мой город Тольятти, ты сердца столица.

Судьба и начала мои.

Так пусть раздаётся как песнь и молитва:

Тольятти – Россия – живи!

Мой город, ты радость работы и долга.

Ты – чистые слёзы любви.

Да здравствует вечно священная Волга!

Тольятти – Россия – живи!

Мой город, ты камень святой обелиска

и праздничный Спас на крови.

Живые и не позабытые лица...

Тольятти – Россия – живи!...

Первая строчка, бесхитростна, но оригинальна – подите поищите. Отвечаю, впрочем, за каждую. Да и рифмы на дороге не валяются... В целом концепция Гимна продумывалась от *противного*. Государственного гимна и Царского. В них есть *государство*, которому мы поклоняемся... Человек в этих гимнах малюсенький этакий, как трава... В моем тексте заложена *биография*. Тольяттина Нового города, вазовца прежде всего («Судьба и начала мои»). Но не без контекста!.. Смею наедятся, он личностней, теплее, адресней, человечней... Не с бухты-бараахты, как это представили депутаты, написан... Чур меня – это не в качестве хвалы произведения. Не набивание цены мною движет или проталкивание. Безответность – страдание автора. Невозможность впрямую ответить на такие... парламентские выражения как

«тольяттинский самосад», что таких «песенок похожих на ту, что сейчас предлагается узаконить в качестве гимна, на грушинском и захаровском фестивалях звучат сотни»... Тут депутат дал коммунального маху...

282

Ты думаешь, ты воду пьешь?
В. М. Шукшин. «Микроскоп».

...Как мы должны быть благодарны умным людям, раскрывающим нам глаза на мир! Впрочем, раскрывают, раскрывают, а все узкие да дремучие... Не разъясни Мераб Константинович про звук, так бы и ходил олух олухом до скончания дней. И думал бы, что собака на самом деле лает «гав-гав». Отнюдь. Это нам кажется, что мы слышим «гав-гав». Вот что пишет М. К. Мамардашвили про звук: «Мы слышим звук «а». Я утверждаю: никто не слышит звук «а». Он мнит звук «а»! Физический звук (слышимый нами как «а») не является таковым. А он есть. Фонема – ходячая мнимость...» Читал лосевскую «Философию имени» с зубовым скрежетом: о том, как звук эволюционирует в слово. В сущности, это о том же. Я так понимаю, что физические звуки человеком *прибраны* и являются нам этаким «культурным слоем». Само собой разумеющимся. А мы их мним, воображаем... Дальше Мамардашвили пишет: «Эта вещь мне кажется фундаментальной не только для мысли, но и для искусства. Задача построения художественного произведения есть задача создания поля или пространства, строго заданного, для рождения вот такого рода мнимых ощущений». Не потому ли Набоков (да и Бунин в том числе) часто категорически подчеркивали придуманность своих таких реалистических произведений.

...Проходя мимо эмпирически лающего пса, я теперь скептически думаю сам себе: ага, «гав-гав»...

283

...Идеальный удушливо бюрократический кафкианский термин: *дожитие*. До-жи-ти-е... «Время, остающееся жить до смерти» (по словарю Ушакова). Значит, до сих пор ты живешь, а с этих не живешь, а доживаешь. Так что не очень-то подпрыгивай, живи себе да доживай. Не живи-поживай, а доживай... По-моему, как раз тот случай, когда слово, если не ранит и убивает, то... задевает. Эка, дожитие... Не *житие* (какой там) – дожитие... Вот так... Это слово (не термин!) есть и в словаре Даля, но насколько звучит оно... объективнее, что ли:

срок, время, которое осталось про(до)житъ. То есть не конкретно пенсионный... Сколько осталось прожить человеку – никто не знает (разве что среднестатистически). Если он, конечно, здоровый. Большой – понятно, можно про него сказать: доживает человек. По каким-то тем или иным клиническим признакам... Здоровый, впрочем, человек, не пенсионного возраста, тоже не застрахован (пусть даже застрахован) от *прихода* смерти. Внезапной. В виде несчастного случая. Помер и тем самым обманул прокрустовый термин. «И дожить не успел, так хотя бы допеть...». Термин «дожитие», скорее всего, применил в пенсионном контексте молодой бюрократ. В том смысле, что все кто старше него – доживают. Психологический момент... На самом деле смерть рождается вместе с жизнью. Она всегда с нами. Бюрократ не исключение. А потом: то тут кольнет, то там. То пузиком выставится, то зубиком выпадет, то лысиной сверкнет...

...Но гениальный всплеск похож на бред,
В рожденьи смерть проглядывает косо... (Высоцкий)

284

...К. Н. Леонтьев переворачивается, должно быть, в гробу – ничего из «славянофильской» идеи не сбылось. Наоборот, племенные связи эгоистически разрушились в сторону «эгалитарно-либерального разложения». «Не для того же русские орлы перелетали за Дунай и Балканы, чтобы сербы и болгары высиживали бы после на свободе куриные яйца мещанского европеизма...». Вполне высаживают без нас. (Нам бы свои высидеть.) В ЕС лыжи вострят... Да, «жалкая цель». Глобализм, однако, на дворе. Газовая труба. Финансовая труба... Никакого слюнявого растекания в политический сентиментализм и романтизм. Хватаясь как за соломинки хохлатских хат, министр иностранных дел лепечет что-то про «братские народы»... В общем – труба...

...Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые,
Как слезы первые любви... (Блок)

285

...Вот именно: «Duo si dikunt, non est idem (двое, говоря одно, говорят разное). Не только двое, но и трое, и четверо... В застольном разговоре обнаружилось, что мы по-разному воспринимаем очевидные вроде бы слова (концовку песни Высоцкого «Случай в ресторане»):

...только в самом конце разговора
я обидел его, я сказал: «Капитан,
никогда ты не станешь майором».

Почему, дескать, «никогда ты не станешь майором»? Что, мол, в этом обидного?.. Да все. Весь смысл слов песни ведет к этому логическому концу: никогда ты не будешь майором. Потому что *время твое прошло*. Сюжет песни архетипический. Вечного противостояния «отцов и детей». То, что противоречие проявилось в ресторане, тоже логично. Герои песни сначала основательно «раскрепостились», а потом выяснили свои отношения. Капитан полез со своими «принципами», поскольку его молодому визави кроме как «красиво пить водку» похвастать-то оказалось и нечем. Говорил-то, в основном, капитан. По-видимому, весомо. Противопоставить ему, упрощенно говоря, представитель «детей» смог лишь свою молодость...

286

...«Вор» по-немецки dieb, по-английски thief, по-французски voleur. Прокурор соответственно: Staatsanwalt, Public prosecutor, prokurator; Prokuror. Слова особняки. Не связанные созвучиями. И только на русском языке «вор-прокурор», как сообщающиеся сосуды, многозначительно рифмуются: вор – прокурор. Прокурор – вор!..

287

...Думается, стихотворение Бориса Рыжего «В наркологической больнице С решеткой черной на окне...» – реминисценция (вольная-невольная) блоковской «России» («Опять как в годы золотые Три стерых треплются шлеи...»). Не потому что соответствуют размеры стиха (может быть случайно), а сам пафос обращения к некоей метафизической субстанции *родины* в сущности совпадает. Хотя и блоковское стихотворение в свою очередь традиционное в своем олицетворении. Тютчев ли со своим «Умом Россию не понять...» размышляет на эту же *тему*. Не будем вспоминать бердяевскую «бабу». Блок нетрадиционен в принципиальной детали: у него Родина – не мать, как принято было, а жена («О Русь моя, жена моя...»). В стихотворении «Россия» наличествует тоже женщина. Женщина с таким *горьким опытом*. Обманутая чародеем.

Ну что ж, одной заботой боле,
Одной слезой река полней...

Но не безнадежная:

...Не пропадешь, не сгинешь ты,
И лишь забота затуманит
Твои прекрасные черты...

Вообще, все стихотворение Блока – мужественная *жалость* к этой *женщине*: России (несмотря на противоречивую, вроде бы, строчку: «Тебя жалеть я не умею...»). Волевое признание в любви, как клятва. Кода веры и надежды на чудо: «И невозможное – возможно...» Борис Рыжий тоже ведет драматический разговор не с матерью, а с возлюбленной женщиной. Сквозь «черную решетку» в каком-то смысле «мертвого дома». И сквозь зубы:

...В окне Россия – как во сне. (Темы сна России не касаемся)

Тюремной песенкой отпета,
последним уркой прощена,
в предсмертный час за то что, это, (пропущенное,
надо полагать, крепкое словцо – В. С.)
своим любимым не верна...

Лирический герой Бориса Рыжего находится в некой *претензии* к этой женщине:

...Россия – то, что за пределом
тюрьмы, больницы, ЛТП –
лежит Россия снегом белым,
и не *тоскует* (В.С.) о тебе.

(Наверное, каждый по-своему переживал подобное чувство душераздирающей сиротливости и тоски. Мне, например, вспоминается встреча Нового года на гарнизонной гауптвахте в бытность первых месяцев службы в Советской армии. Располагалась она под окнами ликующей многоэтажки... Токо-токо оторванный от юбок...)

Что конкретно видится ему, наблюдателю, из зарешеченной точки зрения наркологической больницы? Скорее всего, замкнутый на себе обыденный зимний пейзаж каких-нибудь городских задворок, но обобщенный до масштаба России. Лежит Россия символическим «снегом белым»... (Тут и Анненский со своим Петербургом вспоминается. Правда, снег там желтый). Стихотворение Бориса Рыжего – отчаянная *жалоба* на равнодущие и «ветреность» этой особы. Живая *неотморо-*

жененная безответная жалоба. В этой наивной безоглядности чувства – нерв стихотворения. Ибо если любишь – нервничаешь, *относишься...*

...Стихотворение-жалость Блока и стихотворение-жалоба Рыжего...

Тем не менее, в емкости этих стихов без сомнения есть все! И боль и жалость, любовь и ревность... В последних двух строчках лирический герой опоминается от зряшного минутного наваждения претензии:

Рук не ломает и не плачет
с полуночи и до утра...
Все это ничего не значит... (! – В.С.)

Вся эта бунтарская «слабость» жалобы сиюминутна!..

Отбой, ребята, спать пора...

Не в том, наверное, смысле, что утро вечера мудренее. Крест всегда тяжел...

288

...Какая-то обаятельная вечная зарубка в памяти категорические строки Межирова: «До тридцати поэтом быть почетно, И срам кромешный – после тридцати...» Вроде бы и возразить нечего *поэтической* истине, то есть эмоционально окрашенному субъективному высказыванию (стихами!). Да и охоты особой нет... Легко впасть в занудный рационализм. Прав поэт по-своему. Он высказался, дал пищу для размышления. А так: нет пищи – нет размышления. Спасибо дающим нам пищу... В общем – правило, закон. Всему свое время. И отрок Пушкин тут вроде бы заодно:

Все чередой идет определенной,
Всему пора, всему свой миг;
Смешон и ветреный старик,
Смешон и юноша степенный...

Примеры можно привести реализации поэтического возраста. Ритмы биологические и творческие как-то благополучно связаны в закономерность, в утверждение:

А правило – оно без поворота,
Всем смертным надлежит его блюсти...

И – дальше по тексту... В свою очередь, нет правила без исключения. Стихотворение и подвигнуто исключением Гете, его песней любви «на рубеже восьмидесяти лет». Он смог спеть о любви в почтенных летах адекватно... Кстати, Фет тоже, как исключение, спел свои «Вечерние огни» классически убедительно... И все-таки до конца (между нами) до меня не доходит смысл стихотворения. Почему (с вопрошания начинается философ) *почетно?* И почему *срамно?* Эти категории апостериорные. Априори не касающиеся поэта. «Нам не дано предугадать, Как слово наше отзовется...» «Пишу для себя, печатаю для денег». «Моим стихам, как драгоценным винам, придет черед». Поэзия – не спорт в глубинном смысле явления. Весь этот социальный контекст происходит после произнесенного наедине с эстетическим Богом слова. Все эти пьедестальные и прочие тусовки... Впрочем (помню о занудстве), есть ведь другие стихи на тему возраста поэта – весьма полемические. Дающие тематическую палитру. Чем не вариант Варлам Шаламов?

Поэзия – дело седых,
Не мальчиков, а мужчин,
Израненных, немолодых,
Покрытых рубцами морщин.

Сто жизней проживших сполна
Не мальчиков, а мужчин,
Поднявшихся с самого дна
К заоблачной дали вершин.

Познавшие горных высот,
Подводных душевных глубин.
Поэзия – вызревший плод
И белое пламя седин.

Есть своя правота? Есть. Тема, разумеется, и на этом стихотворении не исчерпывается...

289

...Можно ли назвать стихотворение Мандельштама «Я буду мечтаться по табору улицы темной...», написанным поэтом в 1925 году «темным»? Трудно поддающемуся анализу. Суггестивным?.. Просто внушающим впечатление безнадежной потери. Без конкретики «расшифровки»: кто с кем живет. Хотя, понятно, за рамками стихов оно касается О. А. Ваксель (Лютик). Мне, как читателю, до определенно-

го времени достаточно было *такой* глубины постижения: *романсовой*. Это удовлетворяло. Не влекло доходить до самой филологической сути. Пока не наткнулся на довольно оригинальную трактовку. Это самое «метание» по табору улицы темной – не что иное как метание туда-сюда каретки пишущей машинки. «И били вразрядку копыта по клавишам мерзлым.» То же лыко в строку: это пальцы бьют по клавишам... (Ассоциация с пастернаковской «Импровизацией»: «Я клавишей стаю кормил с руки.» Первый вариант написан, кажется, в 1914 году.) И т.д. Табором улицу, дескать, назвать нельзя – она находится в движении. И т.п. Вот этот разнобой восприятия?.. Другой аналитик строки «А жизнь проплынет театрального капора пеной. И некому молвить: «Из тabora улицы темной...» считает пророческими, предвосхищающими гибель поэта... Попробуем вчитаться и мы в стихотворение, не балдея от его музыки и наваждения. Без мурашек по телу... Если бы оно закончилось третьей строфой, было бы *проще*. Три строфы – кусок остронос-тальгического приступа, граничащего с паникой. Метание за *вчерашиным* днем. Какой-то лихорадочный пик осознания безнадежной потери. Поэтому город – *табор*: статичное место, просто фон, не до него лирическому герою. Только *знаковые* приметы: ветка черемухи, капор снега (...снег... черемуха...), мельничный шум (переме-лется – мука будет)... Это не поток сознания – скорее, кипяток сознания. Какие-то смятенные зацепки, соломинки памяти... За вчерашиним днем не угонишься даже «в черной рессорной карете». Стрес-совые состояния (любовь – стресс) запоминаются прочнее. Какое-то мучительное мазохистское смакование:

Я только запомнил каштановых прядей осечки,
Придымленных горечью, нет – с муравьиной кислинкой,
От них на губах остается янтарная сухость.

Можно ли все свести к бытовому, наглядному уровню объяснения? Эти строчки только ли об очевидном дереве? Всепоглощающий образ любимой женщины с элементом эротизма третьей строфы:

В такие минуты и воздух мне кажется карим,
И кольца зрачков одеваются выпушкой светлой,
И то, что я знаю о яблочной, розовой коже... (В.С)

Замедленная строчка, акцентированная... И, вроде бы, финишная для хронотопа XIX века. Дальше идут две озадачивающие последние строфы. Какие-то, действительно, будущие, тридцатигодовые, сибирские

строчки. Скорее, *зимние* по сезону. Предыдущие строфы производят весеннее впечатление.

Но все же скрипели извозчичьих санок положья,
В плетенку рогожи глядели колючие звезды,
И били вразрядку копыта по клавишам мерзлым.

Вот это противительное: «Но все же скрипели...» Эта продолжение следует некончающейся жизни?.. *Что* эта зимняя картина? Эти провоцирующие «клавиши»...

И только и свету, что в звездной колючей неправде,
«Неправде»... Беспомощно разводим руками. Фантазировать не хочется.

А жизнь проплынет театрального капора пеной;
И некому молвить: «Из тaborа улицы темной...»

Впрочем, мурашки пошли...

290

...Парадоксально нелепые сопоставления получаются, если следовать традиции XIX века в представлении книг писателей читателям: например, Сочинения графа Е. А. Салиаса-де-Турнемира. Сочинения графа Л. Н. Толстого. Сочинения графа А. К. Толстого. Сочинения графа А. А. Голенищева-Кутузова. Сочинения барона Брамбенуса и т.д. И: Сочинения термиста-инструментальщика Виктора Стрельца. Сочинения дворника Владимира Мисюка. Сочинения терапевта Бориса Скотневского. Полное собрание сочинений мерчендайзера Вячеслава Смирнова...

291

...Только недавно понял на собственной шкуре: *что* для меня значит моя личная библиотека. Когда лишился ее практически. Она цела, но мертвым грузом (причина бытовая). Книги упакованы, полки разобраны (уже два года)... Она была мне неким защитным панцирем, комфорной броней, кожей, культурным слоем... В любой момент – протяни руку – и удовлетворил свою любознательность. Что-то себе напомнил, повторил, поддержал память, справился... Просто – почитал любимые строки... Помню, как она собиралась: годами... да что там годами – жизнью! В ущерб семейному бюджету, в очередях книжных магазинов с обязательными отметками в списках – зима ли, лето, – в тридорога у

книжных «жучков»... Книги тобой обжиты, помечены карандашом, ты знаешь – где что в них лежит... Вдруг лишаешься этой кожи. «Культурный слой» начинает размываться, выветриваться, зарастать сорняками... Какой уязвимой оказывается память без интеллектуальной гигиены!.. Впрочем, мне приходит на ум другое: как сохраняли форму, себя (не только память), оторванные не только от библиотек, а от самых элементарных бытовых условий беззащитные заключенные писатели в тюрьмах и лагерях (Достоевский ли, Солженицын, Шаламов...)?

292

...Цитата:

В горнице моей светло,
Это от ночной звезды.
Матушка возьмет ведро,
Молча принесет воды.

H. Рубцов

(Кто-то назвал его кудесником. Но почему матушка идет за водой, а не сын? Так ведь это стихи о детстве. Почему ночью? Днем ей было некогда. Непонятно, правда, что значит – «молча»? А как же еще – с песнями?) ...Вот эмпирик, так сказать, бытовик взялся разбирать текст «кудесника». Действительно, если воспринимать жизнь по *правилам*, воспитанный сын должен был сходить за водой. Помочь матушке по хозяйству. Но почему-то пошла матушка. Почему? Можно на это ответить просто: так бывает. И не по малолетству сына. В деревнях дети быстро взрослеют. Может, пожалела?.. Или еще чего. Впрочем, это еще полбеды. Эмпирика смущает ночь. Почему ночью пошла за водой (с какого часа начинается ночь? Если часиков в 11 пошла – вроде бы уже и ночь. Или поздний вечер) – дня не хватило? И это еще полбеды. Просто хватилась – нет воды. Выпустила из виду. Пришлось идти на ночь глядя. Но самая значительная «придирка» бытовика – слово «молча». «А как же еще – с песнями?» Хотя и здесь вопрос уязвимый: а почему бы и не с песнями? Напевая. Мурлыкая какой-нибудь мотивчик. Разве он помешает делу?.. Однако, молча, а не иначе... Можно, конечно, повестись на эти, вроде бы, убедительные придирки и «переделать» стихотворение: сыну пойти за водой, и не под ночную звезду, а вечернюю, слово «молча» заменить каким-нибудь более покладистым наречием и т.д. Но тогда что останется от лирического обаяния стихотворения? – В сухом остатке останется другой поэт: Константин Ваншенкин...

293

...Возвращаясь к басне Крылова «Стрекоза и Муравей». Казалось бы, чего к ней возвращаться – все тут ясно. Муравей – положительный герой, работяга. Стрекоза – паразитка. Тунеядка. За сто первый километр ее. Так мы и думали в советской школе. Однозначно – надо работать. Кто не работает – тот не ест. Однако, какая-то подспудная амбивалентность закрадывалась в неокрепшую детскую душу: непростительно жалко было Стрекозу. Такая-то она... с опущенными, влачащимися крыльями, поникшая изображалась... Плачевная вся. А Муравей – орел в лаптях. Потому что все у него есть на зиму. Готовил сани летом, а телегу зимой. Крыша над головой, продукты питания, харч, телевизор, наверное, с Домом-2. И все-таки чувствовалась узость, прокрустовость ситуации... Впрочем, что взять с басни? Не «Война и мир» же... Где тут полифонии разгуляться на этаком пространстве... Муравей – базис. Стрекоза – надстройка. Муравей – горнодобывающая промышленность, Стрекоза – артистка, обслуга... «Кумушка, мне странно это, Да работала ль ты в лето?» Как будто петь и плясать – не работа, не дело. Балет, например. Или краснознаменный хор им. Пятницкого. Мог бы Муравей разрулить ситуацию не так однозначно: «Так поди же, попляши...» Есть какие-то джентельменские варианты. В конце концов, Муравей – мужчина, мужик. А Стрекоза – женщина (сексуальный объект, простите). Поящая и танцующая кстати. Что же он?.. Разнообразил бы свою жизнь женским полом (про муравьев в басне тоже нет речи). Не горнодобывающей промышленностью единой жив Муравей. Так нет же: поди, попляши... Что ее дальше застигло – за пределами басни? Замерзла ли она, богемная, нравоучительно голодная в чистом поле, или нашелся какой-нибудь другой муравьишка – посговорчивей?..

294

...Герои романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» бездумно и безотчетно чертыхаются. Не опасаясь за последствия. В сущности, чертыханья эти для них – обыкновенные простые или сложные междометия. Эмоциональные реакции на происходящие с ними события. Удивления, возмущения, восхищения, досады... Озадаченности... Берлиоз: «Пора, пожалуй, бросить *все к черту* и в Кисловодск...» То есть оставить все текущие дела. Заняться здоровьем. Всего-то. Упоминание черта здесь бесконтекстное. Его для Берлиоза не существует. Пустой звук для находящегося в трехмерном измерении... Тоже и для поэта Бездомного: «А какого черта ему надо? – подумал Иван и нахмурился. «Подите вы все от меня ко всем чертям, в самом деле! – грубо закричал Иван»... Конечно же, бездумно чертыхаются не все

персонажи романа — лишь «трехмерные». По-другому звучат чертыханья самих чертей, самой нечистой силы (есть в них этакая хулиганская смачность и двусмысленность!): «Разрешите, мессир, его выкинуть ко всем чертям из Москвы?» «Он, знаете ли, уже катит! Уже он черт знает где!» Бишь Степан Богданыч... Черт на самом деле знает где он, Лиходеев, в данный момент находится... Маргарита в отчаянной ситуации пошла на сделку с дьяволом ради спасения Мастера — ее чертыханья задорно сознательны... Вообще, этих чертыханий в романе десятки — трехмерных и метафизических. Они организованы Михаилом Афанасьевичем — веселым человеком. Ибо проистекают из (по воспоминаниям свидетелей — «Жизнеописание Михаила Булгакова» Мариетты Чудаковой) детско-юношеских лет, где будущий писатель много шалил в этом духе... Может, там находятся сперматозоиды будущего легендарного романа? Понятно, что «Фауста» любил. Понятно, что 1928 годом датировано начало работы над романом. Понятно, изучал материал... Народный, фольклорный образ беса был, разумеется, известен писателю Булгакову. Пословицы, поговорки... Может, из бытовых чертыханий зародилась идея романа? Кстати, учителем пения в гимназии Булгакова был бывший *регент*... Слово содержательно, слово материально... В народном сознании существует этакая чертова опаска на разнужданность языка. Не упоминай черта на ночь. Он может явиться. И явился. «Черт знает, что такое, — шипел Римский». «Хоть бы показал этого мага. Ты его видел? Откуда он его выкопал, *черт его знает...*» Впрочем, в «понтийпилатовских» главах их *нет...* Как эти чертыханья подчеркивают рутинность, скучу и суетливость трехмерного существования! Этих буфетчиков Соковых, Никанор Иванычей Босых («— А Коровьев — он черт!»), материалистических Бездомных, чуть что хватающихся за иконку и свечку, Прохор Прохоровичей, руководящих костюмом, а не лицом... Коих нечистая сила (странный звучит) эдак подсветила, вывела *на чистую воду*. Вырвав из пластающего трехмерного бытования. Правда, ценой сумасшедшего дома...

295

...Первое впечатление от стихотворения Бродского «Осенний крик ястреба» было скорее натуралистическим, чем символическим. Как несчастный случай гибели птицы на «наших» глазах. Хотя восприятие стихов апостериорное, подразумевающее подтекстные прочтения, другие планы, подсознательные смыслы... Стихи их нам внушают. Мне не пришло на ум, что речь здесь может идти о поэте. «Птица символизирует *alter ego* Иосифа Александровича» — на такую трактовку я наткнулся. Думал ли сам поэт об этом относительно себя в 1975 году

(дата написания)?.. Впрочем, это не важно. Важно, что поэзия – явление многозначное. Действительно, какой-то *контур* судьбы поэта в стихотворении проглядывает. Детально расшифровывать нет надобности, дабы не впасть в бытовизм. Главное – поэзия маргинальна и гибельна по *природе*. Ибо – высота, отрыв, офсайд...

Но восходящий поток его поднимает вверх
выше и выше. В подбрюшных перьях
щиплет холodom...

Конечно же, тут и Икар вспоминается, и, как ни смешно, одна маленькая птичка, которая сказала, что полетит к самому солнцу... Есть мнение, что Бродский «отталкивался» в данном стихотворении от Баратынского (что мне тоже не пришло в голову) – весьма почитаемого им поэта. Но то что стихотворение Бродского «Осенний крик ястреба» родственно стихотворению Гумилева «Орел» видно невооруженным глазом. Тут – птица и там – птица.

Орел летел все выше и вперед
к престолу Сил сквозь звездные преддверья.
И был прекрасен царственный полет.
И лоснились коричневые перья.

Тут – гибель и там – гибель. От высоты. Контур судьбы поэта Гумилева также читается в стихотворении «Орел». Разница в том, что в стихах Бродского (Я)стреба губит натуралистический воздушный поток (...поэзия гибельна...), а гумилевского Орла – метафизическая Свобода.

Где жил он прежде? Может быть, в плenу,
В оконах королевского зверинца...

А может быть, в берлоге колдуна,
Когда смотрел он в узкое оконце,
Его зачаровала вышина
И властно превратила сердце в солнце?

В стихотворении Бродского *вырванный* высотой (Я)стреб

...Пронзительный, резкий крик
страшней, кошмарнее ре-диеза
алмаза, режущего стекло,

пересекает небо. И мир на миг
как бы вздрагивает от пореза...

возвращается к людям в виде радующихся детей, принимающих разорванную высотой птицу за первые хлопья снега. Гумилевский Орел остался там: на высоте Свободы, преодолев земное тяготенье (физика здесь отдыхает). И это ли не контур судьбы самого поэта, с неизвестным местонахождением последнего приюта.

Он умер, да. Но он не мог упасть,
Войдя в круги планетного движения.
Бездонная внизу зияла пасть,
Но были слабы силы притяженья.

Не раз в бездонность рушились миры.
Не раз труба архангела трубила.
Но не была добычей для игры
Его великолепная могила.

Есть еще один подходящий «птичий» текст (песни) с гибельным контуром судьбы: «Чайка» – Высоцкого. Сюжет одиноко медитирующей летящей птицы: «Лечу отдельно от всех, одинокая чайка». Траектория полета, правда, не вертикальная – горизонтальная.

Но слабеет, слабеет крыло –
я снижаюсь все ниже и ниже...

И отчаянный, как мольба, рефрен:

Неужели никто не придет,
чтобы рядом лететь с белой (вороной! – В.С.) птицей?
Неужели никто не решиться,
неужели никто не спасет?
...Уже над самой водой
мои бедные крылья!..

В конце концов спасение приходит:

Бьется сердце под левым плечом,
я спускаюсь все ниже и ниже,
но уже и спасителя вижу –
это ангел с заветным ключом...

Впрочем, эти стихи не единственные примеры в линии судеб упомянутых поэтов. Скорее всего вся их поэзия читается уже в этом *птичьем* ключе...

296

...Крошечная реплика: вроде бы совершенно идентичные по смыслу варианты строки текста песни Высоцкого: «Жизнь кидала меня – не докинула...» и «И кидало меня – не докинуло...» Но насколько второй вариант нюансом неопределенности *лучше*...

297

...В песне-сказке Владимира Семеныча Высоцкого Кащея походя убило слово:

...И грозит он старику двухтыщелетнему –
Я те бороду, мол, мигом отстригу.
Так умри ты, сгинь, Кощей!.. А тот ему:
– Я бы рад, но я бессмертный – не могу.

Но:

...Я докончу дело, взявши обязательство
(*соцобязательство!* – В.С.).
И от этих-то неслыханных речей
Умер сам Кащей, без всякого вмешательства –
Он неграмотный, отсталый был Кащей...

Приснопамятные девяностые также катастрофически топили наше сознание, аборигенов «совка», лавиной неслыханных слов иностранного происхождения (О, наша вечная всемирная отзывчивость!). Всеми этими шопингами, кэшбеками, дистрибуторами, супервайзерами да мерчендейзерами...

298

...Поэзия Фета – это страусиный песок, в который хочется прятать голову от жути человеческой истории...

399

...Бог сохраняет все. Плюс – интернет. То что слышалось в дворовом детстве и похоронилось в памяти, нечаянно возвращается: я впервые *увидел* текст песни «На Богатыновской открылась пивная...» целиком. Впрочем, целиком ли?.. Он, судя по всему, весьма трансфор-

мировался со временем до «На Дерибасовской открылася пивная...» От Папы до Мамы. Потрепанность популярностью видна невооруженным глазом. Ориентируемся на «авторитетное» исполнение его Стронгиллой Иртлач – как на предпочтительно адекватный. Но назвать и его каноническим языком не поворачивается. Поскольку «волосатость» повысилась в результате коллективного творчества. Точки над «*i*» не расставлены. Даже авторитетные исследования «задирают» сомнительными трактовками. Например, на основе стиха (ошибочного) «Являлся каждый вечер *фраер из надзора...*» (когда гораздо убедительней звучит по сюжету: «Являлся каждый вечер сам Перельман Жора...») определялось время написания «вещи»: до революции или в двадцатые годы. Зачем он туда являлся каждый вечер? Надзирать или гулять?.. Потом, нелепо объясняется глагол «побираться» («Две полу-девы и один роскошный мальчик, Который ездил *побираться* в город Нальчик, И возвращался на машине марки Форда...»), якобы невозможно было, побираясь, возвратиться на машине... Но можно предположить *как* вор побирается. Не с протянутой рукой на паперти... Впрочем, все это второстепенно. И то, что «пивная» смахивает скорее на ресторан, где основательно едят и танцуют под оркестр. Может, были такие пивные раньше?.. И то, что «бллатную компанию» в полном составе вышвырнули из увеселительного заведения – сколько же вышибал там было... Главное: остались ли «следы» первоисточника? Отпечатки пальцев первого автора? Первые два четверостишия – информационно вступительные. До строк: «Махнув оркестру повелительно рукою, Он говорил: «*Одно свиное отбивное*». Авторитетный Жора показывает таким образом «культурный уровень». И насмешливое *отношение* (первого? второго?..) автора. Есть вариант, в котором Жора правильно склоняет существительное женского рода, но там ухудшается (рукою-отбивную) рифма. Далее, опять-таки рифма говорит в пользу варианта папы-Ростова: «Но вот вошла в пивную Роза молдаванка, Она была собой прелестна как вакханка (*вакханка* – кругозор автора). «Молдованка-вакханка». А не натянуто «Роза с Молдованки-вакханка». С «всегдашишим попутчиком и спутником жизни *Васькой Шмаровозом*» (сюжет закручивается). Он в гламурной манере почему-то просит ее «сплясать со мной мое *последнее танго*». Вмешивается какой-то роковой мотив: *последнее*. Которого не видно. Банальная бытовая драка (бабу не поделили) смешивает карты культурного времяпровождения. «Но тут Арончик пригласил ее на танец...». Шмаровоз с Арончиком «изысканно» кругляя препираются: «Я б вам советовал пришвартоваться к Мэри (Марусе), чтоб я в дальнейшем *не обидел вашу маму...*». Яблоко раздора, «Красотка Роза танцевать с ним не хотела, она и с Ваською *порядочно вспотела*

(стилистически умилительно). Лишь улыбнулася в ответ красотка Роза...». Это была последняя капля: «И запылала (в другом варианте «покраснела») морда Васьки Шмаровоза». Батальная сцена знаменательна тем, что «Официанту засадили в ногу (конечно же, выше – помню с детства) вилкой. На том закончилось салонное танго». «На Аргентину это было непохоже». Изыски «маркера известного Мони»: «Я б вам советовал, как говорят поэты, сберечь на память о себе свои портреты...». Вообще, все происходящее *действие* в песне не так занимательно как языковое умение автора (говорят, чуть ли не Олеша ее написал. Хотя многие стихи корявы). Можно предположить, что неизвестным автором написан не один данный текст... Финальная часть, «панельная», шедевр: «Когда мы все уже лежали на панели, Арончик все-таки дополз до Розанели. И он сказал, от страсти пламенея: Ах, Роза, или вы не будете мою!». Как лермонтовский Демон Тамару, Арончик соблазняет Розочку радужными перспективами: «Я увезу тебя в мой город у Батуми, Ты будешь кушать там ракат-лукуми...», «Я все богатства дам тебе за это, А тут ты ходишь, извиняясь, без браслета, Без комбинэ, без фильдекосовых чулочек, И, как я только что заметил, без порточек...». Последнее четверостишие ностальгическое-символическое:

Но вот закрылась эта *старая* (?) пивная.
Не собирается компания блатная.
И где же девочки? Маруся, Роза, Рая?
И ихний спутник Васька Шмаровоз...

Может быть, это НЭП закрылся-накрылся?..

300

...Известная чуть ли не с пеленок из воздуха возникшая песенка «Цыпленок жареный...» Также имеющая энное количество вариантов текста. Игнорируем фонтанирующее исполнение одного из них Аркадием Северным – культурное, под эстрадный оркестр. Упоительно бащающее. Не драматизирующее ситуации с Цыпленком... Ибо в нем отсутствуют слова, так сказать, глобального значения:

Цыпленок жареный,
Цыпленок пареный (*битый, стало быть*).
Цыпленки тоже хотят жить (*Башмачкины*)!
Его поймали,
арестовали,
велели *пачпорт* показать.

Пачпорта нету.
Гони монету (!!!)
Монеты нет –
садись в тюрьму (!!)

Вышел «маленький человек» погулять. «Не советский, не кадетский». По одной версии его расстреливают под горячую руку «красного террора». По другим – всячески прессуют в сторону «цыпленка-табака». Интересное в этих словах *универсальное*. Поймали-арестовали. Велели показать документ. Его не оказалось. Но выход есть: «Гони монету». И денег нет... Тупик. Каталажка, если не расстрел... Контекст здесь более широкий, чем единичный случай с субстанцией Цыпленка. Простирающийся на всю историю товарно-денежных отношений. Так могло быть с Цыпленком и в древнем Вавилоне, и в древнем Риме...

301

...Попалась под руку статья Сергея Кургиняна на *текст* известной песни Булата Окуджавы «Приезжая семья фотографируется у памятника Пушкину». Статья в форме беседы с «...особо продвинутым собеседником» (в чем особо продвинутым?). Опускаем исторический экскурс о фотографии. О том, какой это был революционный шаг в возможности останавливать время. Поскольку к моменту появления песни фотоаппарат являлся предметом весьма привычным. Опускаем «темную» сторону посвящения песни Александру Цыбулевскому. Ибо *причину* этого обстоятельства может разъяснить только сам автор песни. Все эти гадания, намеки да экивоки (хотя наклон понятен: «...вопрос о том, как именно строились отношения Окуджавы с представителями «Тетри Гиорги») на антисоветчину члена КПСС... Сосредоточимся непосредственно на «претензиях» автора статьи к автору слов песни. Вернее, вопросах. Коих набралось двенадцать. И хотя формат реплики трещит по швам, цитирую их:

Первый – сама философия фотографии, будем считать, что она знакома и автору песни, и тому, кому эта песня посвящена. И что эта философия вращается вокруг того, что именуется «слюнями дьявола». А также вокруг остановленного мгновения и так далее.

Второй – почему могут быть обаятельны мелкие злодейства, даже если они содеяны теми, кто фотографируется так, как это описано в песне.

Третий – как вообще могут быть обаятельны мелкие злодейства, которые, как мы знаем, не особо обаятельны, а особо пошли и омерзительны в силу своей мелкости? Что блистательно показано, например, Чеховым. Да и тем же Ибсеном тоже.

Четвертый – кто будет проводить грань между мелкими и иными злодействами? Даже в случае, если злодейство может быть мелким. Ну, например, стукачество – это мелкое злодейство, а убийство – крупное. А если в результате стукачества человека расстреляли, то это какое злодейство? А если в результате какой-нибудь интриги ему сломали судьбу, то что надо говорить: «Подумаешь, интрига. Это же не людоедство. Это всего лишь мелкое злодейство»?

Пятый – могут ли быть интриги и стукачество обаятельными для кого-то? (*А если бы он вез патроны? – В.С.*)

Шестой – почему они обаятельны для тех, кто понимает?

Седьмой – кто эти понимающие?

Восьмой – что именно они понимают?

Девятый – что такое «благодаренье»? Благодарение – это не благодарность. Благодарение – это выражение хвалы и прославление бога. Это вид христианской молитвы (сокращаю примеры из Библии к слову «благодарение». Плюс возражаю против узкого употребления этого слова. Оно давно шире с пометкой «высок». «Затем свечу зажгу, перо возьму, Судьбе моей воздам благодаренье» – Б. Ахмадулина. У Окуджавы – «благодаренье снимку»)... «Да все они это знают лучше, чем Вы, – сказал мне мой собеседник («продвинутый» – В.С.), – потому что для Вас это культурные памятники, а для них – это предмет *квазирелигиозного кривляния* (! – В.С.).

Десятый – почему при этом должны быть сведены все счеты и кончены все споры? Какой мощью должен обладать снимок, для того чтобы произвести такое воздействие? Он мощнее тех трансцендентальных сил, которые не обнуляют счеты и споры? Но тогда – что он такое? То, что он – божество, обитающее в некоем храме, – очевидно. Но что это за храм?

Одиннадцатый – почему эти невероятные результаты (законченных счетов и споров, обаятельных злодейств, сопричастность благодарению) возникают от того, что фотограф навел объектив и щелкнул? Ведь ты же при этом вообще не затратился ни на грош... (сокращаем вопрос без ущерба для смысла. – В.С.)

Двенадцатый – почему Тверская улица «течет, куда не знает»? И кто знает, куда она Течет? Семейство знает? Фотограф? Кто?

Автор статьи обобщает свои выдвинутые вопросы: «Мой собеседник («продвинутый», авторитетный, стало быть – верим на слово. – В.С.) тонко улыбался, выслушивая эти вопросы. Мне же нужно было убедиться в том, что я не ломлюсь в открытую дверь, не делаю из муhi слона, не навязываю людям... свое собственное отношение». Вынужден опять процитировать – (какую-то басню Крылова напоминающий) согласный ответ продвинутого собеседника: «Все обстоит так, как Вы

говорите, – сказал собеседник. И добавил: Только вот игра уже сыграла. На эту наживку клюнули. Попались на крючок и оказались поданы на стол в виде *среднепитательного продукта* (! – В.С.). Чтобы после всего случившегося переломить созданную тенденцию, нужны невероятные усилия, причем речь идет не об усилиях одного человека. Время движется неумолимо. И так же неумолимо нарастает деградация. Эта деградация носит системный характер. Она включает в себя деградацию эмоциональной сферы. Даже если ваши обнаружения войдут в голову каких-то особо чутких нынешних деградантов, это само по себе не породит ничего существенного. Потому что вошедшее в голову (пусть даже в сердце и голову) должно быть искупительно пережито. Искупительно – значит, очень сильно, очень горько и одновременно очень боевито. Кто вам сказал, что деграданты могут так пережить хоть что-то?»

«Я не стал рассказывать собеседнику, кто именно мне сказал, что не все потеряно. А читателю скажу (Ну, я читатель. – В.С.). Мне об этом сказал Пушкин, на фоне которого я никогда не буду сниматься (Есенин снимался – и ничего. Деградант, скорее всего. – В.С.), но чьи слова

А в сем коне какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь,
И где опустишь ты копыта?

способны излечивать самые тяжелые сомнения. В каком-то смысле мне сказал об этом и Карл Маркс». Разумеется, Луи Арагон, которого автор благодарно цитирует и ставит в пример...

(Такое ощущение, что кроме двух собеседников статьи (как они сохранились?) – все остальные деграданты. С какого момента пошла деградация? Где точка отсчета? В чем она выражается?).

(Подобные вопросы можно распространить и на других поэтов: Фета, Блока, Мандельштама, Пастернака, Есенина и т.д. «Стрежет голубую Русь Старый клен на одной ноге». В смысле: а что – клен бывает двуногим?.. Какой «породы» птичка вылетает: воробей, канарейка, колибри?.. И т.п.

«На фоне Пушкина снимается семейство.
Фотограф щелкает, и птичка вылетает.
Фотограф щелкает,
но вот что интересно:
на фоне Пушкина!
И птичка вылетает.

Все счеты кончены, и кончены все споры.
Тверская улица течет,
куда не знает.
Какие женщины на нас кидают взоры
и улыбаются...
И птичка вылетает.

На фоне Пушкина снимается семейство.
Как обаятельны
(для тех кто понимает)
все наши глупости и мелкие злодейства
на фоне Пушкина!
И птичка вылетает.

Мы будем счастливы
(благодаренье снимку!).
Пусть жизнь короткая проносится и тает.
На веки вечные мы все теперь в обнимку
на фоне Пушкина!
И птичка вылетает.

Не ставлю задачи опровергать *железнную* логику вопросов автора статьи. Меня удивляет разница восприятия произведений искусства. Впрочем, ничего удивительного...

Мне кажется, сюжет песни незамысловат. Начало ироничное. Бытовая сценка съемки семейства фотографом. Вообще, фотографирование бывает по разным поводам: на документ, по случаю свадьбы, по случаю окончания школы и т.д. Фон также бывает разным. Вряд ли кто задумывается при этом об остановленном мгновении как о революционном событии – скорее о памяти. На память фотографируются. Составляют семейные альбомы. Любовно просматривают их, ностальгируют... Традиция такая. Фотографируются – как подписываются: «Я здесь был. Вася». Фотографируют криминальные места происшествий... В нашем случае семейство фотографируется («но вот что интересно») на фоне Пушкина. С восклицательным знаком! Неординарный момент. Звучит рефреном. Как и строчка «И птичка вылетает». Мы знаем, как относился Окуджава к Пушкину. Вообще к девятнадцатому веку... И этот знак восклицательный – Окуджавы. Мы не знаем ничего о снимающемся семействе, кроме того, что оно снимается. Может быть, тоже на уровне «Я здесь был. Вася». Но на фоне Пушкина все преображается в воображении наблюдющего автора сти-

хов... Даже не на фоне – в явлении Пушкина, во всеобъемлющем звуке имени («храмовом»)... Это уже не бытовой уровень – метафизический. Растворяется: «Все счеты кончены, и кончены все споры». Мельчает. Теряется: «Тверская улица течет, куда не знает». (В момент создания песни называлась Горького – ретроспективно течет. Бывшая Тверской разве же она понимала, что притечет в Горького? «Какие женщины на нас кидают взоры...» *Te* женщины.) Запечатлевается в остановленное мгновение. (Между прочем, жизнь знает, куда течет?). Происходит чудо: «И птичка вылетает (автор статьи не обратил внимания на эту строчку)». Не вылетит птичка, чтобы привлечь внимание к объективу – вылетает. Как чудесный факт. Триумфально. Все в настроении песни на подъеме. Вертикаль – а не эмпирика... Да это мы снимаемся на фоне Пушкина – все! Со всеми нашими обаятельными глупостями и мелкими злодействами в свете Пушкина. Мы – грешное семейство (в том числе и автор песни), скрепленное, собранное (собор) Пушкиным (на миг), надежнее чем партией, в обнимку на «веки вечные»... И те, кто понимает, и те, кто хочет просто отметить... Благодаренье снимку... Благодаренье Пушкину...

...Впрочем, не все согласны сниматься на фоне Пушкина, есть исключения...

302

...Вот и достали меня отрезвляющие строки стихотворения *тридцатидевятилетнего!* Баратынского «Были бури, непогоды...»:

...Не положишь ты на голос
С чёрной мыслью белый волос.

Застигли, добралися, накрыли, идентифицировали... Точно: волос белый. По праву возраста. Тут уж выкручивайся, не выкручивайся... Статус... Впрочем, ощущение, что не на все сто накрыли. Краешек сознания не соглашается с «чёрной мыслью». «Белый волос», что ж (погляд в зеркало), белый. Мысль – более спектральна, чем абсолют – но черный цвет. Пока что...

303

...Женщины более чувствительны к стихам, чем мужчины. Читая на публику свое стихотворение «Реклама тренажера» с пятикратным рефреном «Да здравствует плоский живот», заметил, что женская половина слушателей как-то по-особому реагирует на эти жизнеутверждающие повторы с животом: примеряя на себя и близко принимая к сердцу. Как некую адресную *сатиру*. Дискомфортно пережиная чте-

ние. Мужчины, по-видимому, меньше «парятся» по поводу *плоскости*. Уже на втором повторе женщины... морально *грузятся*. А впереди – еще целых три «животных» восклицания. Их надо пережить...

304

...Небольшой рассказ Андрея Минеева «Мудрец оглядывается» возбудил на реплику (в сторону). Цель художественного произведения достигнута: каким-либо образом *задеть*. Царапнуть. Вопросами! Не ответами, а вопросами. Поскольку ответы, даже самые умные, не истины в последней инстанции, а лишь новые возможности для осправления. Автор (имеющий, наверное, свое мнение) предоставляет их двум своим героям: – На чем мы остановились? – На улучшении человека. Мне хотелось спорить, но внутренне я был с ним согласен. Ни религия, ни образование, ни искусство никогда не делали людей лучше...

– Религия совершила или великое благо или великую ошибку. Заявила о божественном происхождении жизни, о постоянной борьбе добра и зла...

Буду третьим. Весь пафос слов и примеров «Мудреца...» склоняет нас к представлению человека-зверя. Не корректно обижать животных подлостью человека... В конце рассказа выясняется, что он, при всей «просвещенности», еще и психически не совсем здоров. Его взглядка, страх – по *вере*. У него альтруист – наверняка затаенный эгоист. Таков его «темперамент». Достоевский утверждал, что все Карамазовы вкупе – в нем. По идеи он мог бы быть и Смердяковым, но что-то, как-то «остановился» на Достоевском. Каким-то образом «спасся» от Смердякова... Хороший или плохой человек ясен из социального контекста. Из практики, из действия, взаимодействия... Это относится ко всем. И к Христу, и к Иуде. В критические моменты общества не все сто процентов членов сколачиваются в банды – по призванию. А так... в беседе («...а как вам показался полицмейстер? Не правда ли, что очень приятный человек? – Черезвычайно приятный, и какой умный, какой начитанный человек... Мы у него проиграли в вист вместе с прокурором и председателем палаты до поздних петухов; очень, очень достойный человек.»)...

...Благо ли совершила религия или ошибку – она существует и ни в зуб ногой. Площадка для вопрошания, в том числе, «что такое хорошо, что такое плохо». Все наши дебаты – о церковную стенку горох...

305 (*продолжение*)

...О, неугомонное племя утопистов всех времен и народов! Сни- маю шляпу и все что только можно. Платон со своим идеальным

«Государством». Фурьеристы да сен-симонисты. Марксисты-ленинисты да прочие пламенные (племя – пламя) энтузиасты, относящиеся к человеку как к строительному материалу. Как к *глине*. Что там эта единственная слеза ребенка Федора Михайловича Достоевского... А нашите, наши!.. В. С. Соловьев (нынешнее: ...национальные интересы... национальные интересы...): «Задача христианской религии – объединить весь мир в одно живое тело, в совершенный организм богочеловечества». Ибо: «Ставя, в силу национального принципа, служение *своей* народности как *высшую цель*, каждый народ тем самым образом обрекает себя на нравственное одиночество». Что-либо из этой «мечты» брезжит в сегодняшней политической плоскости? – Нет, не брезжит, не маячит, не светит... Наоборот: выворачивается наизнанку рвами да стенами, да «красными линиями» на грани апокалипсиса. Но эстафета «Царствия Божия» на земле то и дело ошеломляюще подхватывается. Хотя бы в виде «Розы Мира» Даниила Андреева. Что-то вроде русской «Божественной комедии» Данте. С немыслимо экзотической языковой камасутрой «архитектурных» терминов (один лишь *Уициор* – демон высокодержавной государственности чего стоит. А *Гактунгр*? – демон нашей *брамфатуры*? *Жрург*? – тут и цветочки, и ягодки). Он начал писать ее в тюрьме, будучи осужденным на двадцать пять лет заключения по ст. 58. Как «один из кирпичей в фундамент Розы Мира, в основу всечеловеческого братства». Проект безоговорочно *ненасильственного* преобразования общества. На основе воспитания поколения, «способного к выполнению долга не по принуждению, а по доброй воле». *Воспитания человека облагороженного образа* (как формулировка?). Ставка на этическое движение по примеру Ганди. Постепенный «захват» (сначала что-то вроде Лиги – морального правительства на пути к Розе) движением всех народов и государств в единый цветущий организм. Хороший *идеал*. Как без идеала?.. Любой нормальный человек проголосует «за». Оружия не будет совсем!.. Но «...будут также те, кто не способен лучшее видеть в человеке...» Автор *верит*. Он до мозга костей верующий человек. С мистическим видением. Роза Мира как социальный *проект* – как раз лишь политическая трехмерная *плоскость*. Осязаемая история. Картина мира Даниила Андреева многомерна. Четырех-пяти-шестимерна. Есть история, есть *метаистория* (как и *метакультура*). Что-то вроде того, что мы своей жизнью, историей в Энрофе *наиспаряли* в другие измерения. Это всегда давлеющее с нами... Это *путь*, удовлетворяющий Провиденциальные силы или уклоняющийся от цели (не без Петра Яковлевича Чаадаева)... Наша жизнь не заканчивается посмертением. Предстоит еще путь кармических метаморфоз *монады* (как в насмешку Барон Брамбеус вспомнился с его «Приключением одной ревижской души»).

Мы монадны, то есть ограничены собой. Искупительно отвечаем за себя *там*. Светлые силы борются за нас (протягивают руку) с Темными силами – дают нам шанс на место в Синклите. Например, Блок – в нем: в Синклите России. Несмотря на все свои «паденья». В нем много хороших людей: Толстой там... Но есть и миры возмездия. Иуда низвергнут в совершенно персональное место: «Но из вертикальных щелей Амиуца есть и боковые ходы-тупики. Это Ътреч... А дальше есть еще один слой», соответствующий деянию Иуды: Журш... Сталин находится в магмических слоях в виде одномерного пространства: линии. Ему тесно (поэт хоть так отомстил ему «за четвертак»)...

В общем, Провиденциальные силы в немыслимой схватке с Гагтунгром победят. Но не окончательно. Наступит усталость от *светлой жизни*. Жуткий провал в разврат. Но грядет наконец Спаситель... «Никто, кроме Всеведущего не знает, сколько продлится царство праведных на земле. Само время... превратится в золотую симфонию параллельно струящихся времен...»

В книге Роза Мира – много всего... Кстати, я и себе «приискал» местечко, в котором окажусь *потом*. (Предположительно – не мне решать). Шапку по Сеньке. «Здесь ни строения, ни человеческих толп; однако каждый ощущает невидимое присутствие множества других: следы движений, схожие с отпечатками ног, выдают их присутствие. Чистилище это называется Ладреф... Это следствие *маловерия* (! – В.С), не давшего силам духовности проникать в естество человека, и облегчать его эфирное тело». Есть еще подходящее мне местечко – похожее на зону. Что я видел в жизни кроме непрерывного физического труда? – Получай...

Читая книгу *поэта* Даниила Андреева (лишь вначале девяностых годов прошлого века она увидела свет), мировоззренчески... непривычную, я не испытывал самонадеянного «берлиозовского» высокомерия по поводу «доказательств». Наоборот: *низкомерия*. Поскольку все время казалось, что пластиающе бескрыло смотрю снизу вверх...

306

...Прочитав в свое время у Борхеса смехотворный абзац из некоей «китайской энциклопедии», в которой говорится, что «животные подразделяются на: а) принадлежащих Императору, б) бальзамированных, в) прирученных, г) молочных порослят, д) сирен, е) сказочных, ж) бродячих собак, з) включенных в настоящую классификацию, и) буйствующих, как в безумии, к) неисчислимых, л) нарисованных очень тонкой кисточкой из верблюжьей шерсти, м) прочих, н) только что разбивших кувшин, о) издалека кажущими мухами» – тут же поделился с домочадцами и всех развеселил. Потом наткнулся на него у Ми-

шеля Фуко. В предисловии к «Словам и вещам» он пишет, что эта парадоксальная классификация подвигла его на серьезную книгу... Наше *полочковое* сознание не выдерживает такой «детской» провокационности. Покушения на *правильное* представление. В этих посягательствах на мировоззренческие *устои* коренится природа смеха. Кому-то это дано как талант... После Борхеса я покопался в Осипе Ивановиче Сенковском (в моих давних подчеркиваниях) – еще тот был пересмешник: «Я посетил четыре части света, объехал вокруг всю землю, был в Швеции и Голконде, во Франции и Камчатке, в Царьграде и Вашингтоне; видел все, что только есть любопытного и достойного внимания в мире, – словом, китайцев, пирамиды и обезьян; видел голых людей и живых сельдей, кенгуру и английских миссионеров; даже видел, как растет кофе, чай, сахар и ром...». Безудержное стилистическое сталкивание (как прием) несопоставимых слов и понятий вызывает комический эффект... Современник Пушкина, он и сейчас с удовольствием мной читается. В некоторых вещах достигает фантастической психологической проницательности («Теория образованной беседы»). Если есть какой-либо налет архаики в его языке – легкий...

307

...В жизнь, как в книгу, лишь заглянул, прочитать не успел...

ДЛЯ ЗАМЕТОК

СТРЕЛЕЦ ВИКТОР ИВАНОВИЧ

ОТСЕБЯТИНА
(заметки читателя)

Редактор В. Мисюк

Создано в интеллектуальной системе Ridero

Подписано в печать 30.05.2022.

Формат 60x84 / 16.

Бумага типографская.

Объем печ. л. – 8.0

Тираж 100 экз.